

**ОБЫЧАИ,
П О В Ъ Р Ъ Я,
КУХНЯ И НАПИТКИ МАЛОРОССІЯНЪ.**

ИЗВЛЕЧЕНО ИЗЪ НЫНѢШНЯГО НАРОДНАГО БЫТА

И СОСТАВЛЕНО

Николаемъ Маркевичемъ.

Издатель И. Давиденко.

(Съ гравюромъ).

К І Е В Ъ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ
Ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ
7-го Марта, 1860 года.**

Ценсоръ А. Лазовъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторъ настоящей книги, извѣстный историкъ Малороссіи *Н. Маркевичъ*, еще въ 1850 году, задумалъ составить обширный сборникъ подъ заглавіемъ: *Внутренняя жизнь Малороссіи отъ 1600 года до нашего времени и неутомимо трудился надъ нимъ, несмотря на поразившую его въ томъ же 1850 г. тяжкую болѣзнь, которая медленно, но упорно, уничтожала его силы и наконецъ свела его въ могилу въ Іюнь этого года; тѣмъ не менѣе много было собрано имъ матеріаловъ, а нѣкоторыя части обработаны и могли появиться въ печати.*

Желая сдѣлать доступными для публики эти драгоценныя труды неутомимаго и добросовѣстнаго изыскателя быта Малороссіи, я рѣшился издать ихъ въ свѣтъ: но какъ сочиненіе это не приведено въ одно цѣлое; то общее названіе—*Внутренняя жизнь Малороссіи замѣнено частными заглавіями, соответствующими содержанию статей; такимъ образомъ эта книга названа: Обычай, повѣрья, кухня и напѣтки малороссіянъ. (Описаніе нынѣшняго народнаго быта.)* За тѣмъ послѣдуютъ: а) *Сравненіе мѣръ, вѣсовъ а также денегъ и цѣнъ на разные предметы въ Малороссіи съ 1715 по 1855 годъ* и б) *Исторія Монастырей въ Малороссіи.*

И. Давиденко.

22-е Августа 1860 г.
г. Кіевъ.

Печатать позволяется. Сентября 15 дня 1860 г. Ценсоръ А. Лазовъ.

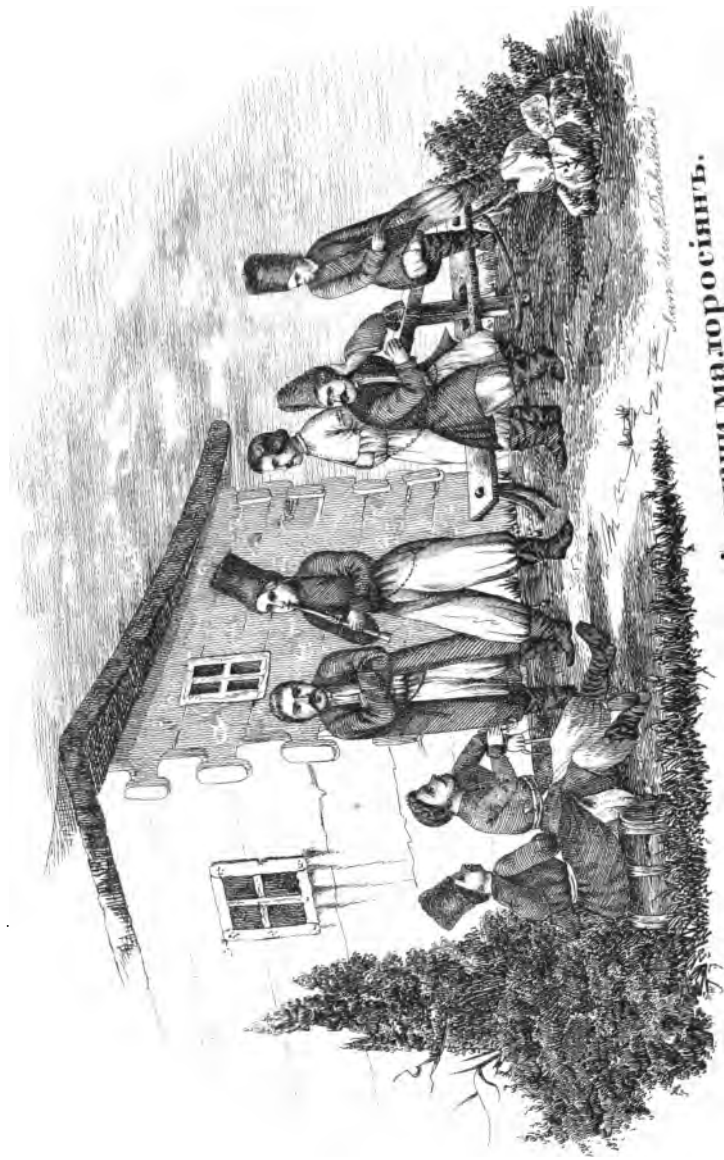

Отечество выше родины; оно только часть его; но для
чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества.

Изъ частной переписки автора.

Сцена изъ народной жизни малоросинъ.

І. ПРАЗДНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ.

Новый годъ. Масляница. Великій постъ. Пасха. День св. великом. Георгія. Пятидесятница. Петровъ постъ. Съ 29 Іюня по 6 Августа. Съ 6 Августа по 23 Ноября. Гаданья. Колядки. Вертепъ. Щедравки.—

Пусть вообразятъ мои читатели, что нынче утромъ начался 1850 годъ по Р. Х. Мы съ ними проживемъ жизнью малороссійскою со всѣми прихотями, предразсудками, повѣрьями, обычаями, играми, перешедшими къ намъ отъ предковъ нашихъ.

Съ разсвѣтомъ дня, на новый годъ, мальчики идутъ по хатамъ и горстями кидаютъ въ спящихъ, разбрасываютъ по комнатамъ разныя хлѣбныя зерна, приговаривая: «на счастье, на «здоровье, на нове лито! Роды, Боже, жыто, пшеницю и всяку «пашныцю, безъ куколю, безъ метлыци, а намъ дайте по «паляныци! Будте здоровы зъ новымъ годомъ!»—

1 Ген-
варя.

ПѢСНЯ ПОСЫПАЛЬНАЯ.

Ходить Илья
На весилья,
Носить пугу
Жытаную,
Де замахне—

Жыто росте.
Роды, Боже,
Жыто, пшеницю,
У поля ядро,
А въ домъ добро.

Теперь ужъ время идетъ «не къ Рыздву, а къ Великодню.» 2 Фев-
Не видно, какъ Генварь прошелъ и вотъ день Срѣтенія Господня. ралл.

Это день, въ который зима встрѣчается съ лѣтомъ. Если въ этотъ день оттепель и вода каплетъ съ крышъ, съ «*стрихъ*,» то зима еще пролежитъ; если же морозъ, то весна наступитъ рано. Но снѣгъ ужъ таетъ. Дѣвушки собираются въ кучки на проталинахъ и «*закликають весну*.» Онѣ поютъ *веснянки*. Эти пѣсни поются только весною, на праздникъ природы, т. е., тогда, когда все поется хорошо.

27 Февр. Приходитъ 27 Февраля, масляница; женщины *волочутъ Масляни- колодку*», то есть, идутъ по домамъ и привязываютъ «*паробкамъ и дикамъ*» небольшую колодку къ ногѣ, въ наказанье за то, что не вступили въ бракъ въ прошлый мясоѣдъ. Эту колодку можно снять не иначе, какъ за нѣкоторый выкупъ; на собранныя деньги пируютъ, и вмѣсто блиновъ московскихъ подаютъ гареники со сметаной; на масляницѣ это главное блюдо.

1 Марта. Въ этотъ день, т. е., день св. Евдокии, бабакъ пробуждается отъ зимняго сна, выходитъ изъ норы и свиститъ.

5 Марта. Масляница проходитъ; въ воскресенье перелъ великимъ постомъ всѣ благочестивые христіане идутъ къ роднымъ и сосѣдямъ испрашивать прощенія въ обидахъ; а между тѣмъ кто хочетъ узнать, которыя изъ знакомыхъ ему женщинъ вѣдьмы, тотъ долженъ въ это воскресенье взять кусокъ сыру въ холстинку и три ночи сряду держать его за губою во время сна; потомъ, завязавъ его въ рубаху, носить на себѣ черезъ весь великій постъ; въ великую субботу всѣ вѣдьмы явятся къ нему просить сыру; но онъ не долженъ давать, иначе самъ погибнетъ.

9 Марта. Въ день сорока Мучениковъ, сорока гладетъ на свое гнѣздо сорокъ палочекъ; школьники приносятъ своему учителю сорокъ бубликовъ. Жаворонокъ вылетаетъ изъ своего «*вирая*;» въ честь его пекутъ изъ тѣста птѣчекъ, которыхъ называютъ иногда «*голубци*,» иногда «*жайворонки*,» и дѣти, ходя съ

этими жаворонками, поютъ веснянки. Между прочимъ отъ этаго дня должно быть еще сорокъ морозовъ, считая утренній и вечерній морозъ за два.

Въ день св. Алексія, шука пробиваетъ хвостомъ ледь; *17 Март.* малороссіяне называютъ святаго «*Олекса теплый.*»

Въ день Благовѣщенія, какая будетъ погода, такая будетъ и на *25 Март.* Свѣтлый Праздникъ. Птицы въ этотъ праздникъ не выютъ гнѣздъ.

Птица, которая завѣтъ гнѣздо на Благовѣщеніе, лишается на нѣсколько дней способности летать и принуждена только ходить по землѣ.

Въ день св. Архангела Гавріила, вылетаетъ ласточка изъ *26 Март.* своего «*вырая*»; такъ какъ въ народѣ Архангелъ Гавріилъ слыветъ «*Благовистыкомъ*», то въ этотъ день все раждающееся будетъ «*благовисне,*» т. е., ягненокъ будетъ «*кручакъ*» съ червемъ во лбу; яйцо, снесенное въ этотъ день, неспособно къ высиживанью цыпленка.

Въ 1850 году, Марта 29 было средопостіе; т. е. среда *29 Март.* четвертой недѣли; она здѣсь называется «*средохрестна*». Пекутъ кресты изъ пшеничной муки; носятъ ихъ съ собою при посѣвѣ маку; часть оставляютъ, чтобъ носить при посѣвѣ пшеницы, остальное сѣдаютъ.

Въ полночь съ среды на четвергъ *переломится постъ*; если прислушаться, то можно услышать сильный шумъ и трескъ.

Въ Лазареву субботу сѣютъ горохъ, чтобъ былъ *ясный.* *15 Апр.* Это праздникъ дѣтей; они во время церковнаго обхода на вечернѣ носятъ вербы, и кому досталась самая большая вѣтвь, тотъ счастливѣе всѣхъ своихъ товарищей.

Въ вербное воскресенье, возвратясь изъ заутрени, тотъ, кто *15 Апр.* не лѣнился встать рано и принести съ собою вербу, приходитъ къ лѣнивцу спящему, бьетъ его и приговариваетъ:

„Не я бью, верба бье;
„За тыждень—Велькдень;
„Будь великій, якъ верба,
„А здоровый, якъ вода,
„А богатый, якъ земля.“

Эту «*свячену*» вербу садятъ на огородѣ, въ саду, въ дворѣ.

Страстная недѣля называется, «*билою*.» Въ эту недѣлю наши малороссіянки бѣлятъ избы, моють скамьи, полицы, столы, дверы. Онѣ говорятъ: «*Мыты, билыты, завтра Велькдень.*»

20 Апр. Въ Великій или по здѣшнему *Чистый* четвергъ, кто имѣетъ нагожные сыпи долженъ купаться до восхода солнца. Хлѣбъ, посянннй въ этотъ день, будетъ чистъ, безъ сорныхъ травъ. Обворачиваютъ въ холстъ кусокъ соли, обжигаютъ его въ печи и оставляютъ для подачи на столъ на Свѣтлый Праздникъ. Эта соль хороша для овецъ, для коровъ, отъ боли живота, отъ «*смаза*». Во время отправки страстей тишина въ воздухѣ повсемѣстная, молчанье торжественное. Возвращаясь изъ церкви, стараются принести домой огонь со страстей, т. е., чтобъ не погасла страстная свѣча; въ домахъ на сволокахъ накопить должно этимъ огнемъ кресты, а свѣчу берегаютъ до будущаго чистаго четверга. На ней 12 шариковъ сплюснутыхъ означаютъ число четверговыхъ евангелій; эти шарики должно прилѣплять къ свѣчѣ въ самое время чтенія евангелій. Свѣча эта очень полезна отъ лихорадки. Для этого ее должно помѣрять ниткою три раза въ длину, сжечь нитку, золу смѣшать съ святою водою и въ четвергъ вышить на тощакъ; во время трудной смерти даютъ ее въ руки умирающему. Во время трудныхъ родовъ,—зажигаютъ ее предъ иконами; во время грозы опять зажигаютъ ее и ставятъ предъ образа; ходятъ съ нею въ пчельникъ.

21 Апр. Въ страстную пятницу ничего не ѣдятъ до захождения солнца. Кладутъ ладанъ подъ плащаницу; этотъ ладанъ важень.

Взятый съ престола, куда переносятъ его вмѣстѣ съ плащаницею, онъ очень полезенъ отъ болѣзней; имъ должно подкуриться; тоже противу грозы; имъ должно, во время молніи и грому, весь домъ окурить.

Въ страстную субботу, во время обхода вокругъ церкви **22 Apr.** и стоянія у западныхъ ея вратъ, когда въ церквѣ никого нѣтъ, ангелы выводятъ Спасителя изъ гроба; а святые выходятъ изъ иконъ и палуются между собою, *христосуются*.

На конецъ настала *Великдень!* здѣсь то выказывается **23 Apr.** вполне украинское хлѣбосольство: вокругъ церкви стоятъ тѣлѣги, на которыхъ привезено съѣстное для освященія. Уморителенъ бываетъ юморъ малороссіянъ въ ихъ замѣчаніяхъ на счетъ фізіономій жареныхъ поросятъ и недопеченныхъ пасокъ. Нѣтъ хозяина, который бы не имѣлъ къ этому дню поросенка, колбасу, пасху, и нѣсколько красныхъ яицъ. Но вотъ воскресенскій столъ зажиточнаго пана, у котораго пани придерживается родной старины: двѣ, три, даже четыре огромныхъ сладкихъ пасхи, изъ превосходной крупичатой муки, на маслѣ, яйцахъ и сахарѣ; одна ими двѣ кислыя пасхи; сырная пасха, ягненокъ изъ масла; пара поросятъ—одинъ безъ фарша, другой фаршированный кашей и печенкою, у нихъ въ зубахъ хрѣнъ; два ягненка—одинъ безъ фарша, другой фаршированный миндалемъ, изюмомъ и рисомъ; окорокъ вечины и окорокъ буженины подъ сѣткой изъ бумаги; кендюхъ; голова борова въ натурѣ съ глазами изъ маслинъ, воткнутыхъ въ сливочное масло; лукъ зеленый; крессъ салатъ зеленый; тарелка пшена, на немъ соль четверговая; превосходное сало въ кускахъ; нѣсколько сортовъ сосисокъ и колбасъ, какъ то: кровяныя, простыя малороссійскія, печеночныя и пр; масло, сыръ, сметана, лукъ въ кореньяхъ; все это обложено крашеными въ синюю, желтую, мраморную наиболѣе въ красную краску яйцами; эти яйца

гусиные и куриные. Прибавьте къ этому нѣсколько сортовъ водокъ и наливокъ; тутъ есть и перчиковка, и калгановка, и кардамонная, и кусака, и сливянка, и малиновка, и рябиновка и терновка.

Но клюжица должна прятать все съѣстное такъ, чтобъ его мыши не могли тронуть; если мышъ съѣсть кусокъ освященнаго ягненка или поросенка или пасхи, тотчасъ у ней отрастаютъ крылья, и она становится летучей мышью, т. е., кажаномъ.

Здѣсь то начинаются катанья крашанокъ по лубку, игра на *сбиткы*, игра въ *пацы*, въ хрещина, въ перенелочку, жороводы, танцы, *дерь-дерь* и проч.

Но въ 1850 году слилось два праздника въ одинъ; кромѣ того что 23 Апрѣля—Великденъ, это еще день св. побѣдоносца Георгія. Во всѣхъ селахъ тогда бывають ходы на «жита» съ водосвятиемъ; хлѣбные всходы опрошляются святою водою. Собираютъ росу и мочутъ ею глаза, у кого они болятъ, и другія больныя части тѣла; окропляютъ ею домашнюю птицу. Если ворона можетъ въ этотъ день спрятаться во ржи, ожидаютъ урожая.

На Георгія начинаетъ пѣть соловей; онъ поетъ пока ячень начнетъ колоситься. Если кукушка, т. е., *зозуля*, поетъ до Георгія, а деревья еще не развились, будетъ тяжелъ годъ для народа, люди будутъ болѣть и падежъ на скоть. Кто въ первый разъ услышавъ зозулю будетъ имѣть при себѣ деньги, у того въ продолженіи цѣлаго года не будутъ онѣ переводиться. И потому то послѣ Свѣтлаго Праздника завязываютъ въ рубаху грошъ, и слѣдовательно имѣють всегда при себѣ деньги.

Первые цвѣты, *primula veris*, навываються здѣсь «*рясть*». Нарвавъ и бросивъ ихъ на землю, топчуть приговаривая: «топчу рясть; дай Боже потоптаты и того году дождамы.»

Это желанье дожить и до другой весны. Отъ этого обычая произошла пословица; «та вже йому рясту не топтаты.» Говорится она о безнадежномъ больномъ, который навѣрно не доживетъ до слѣдующей весны.

Лукъ и ячмень стараются посѣять раньше того времени, когда лягушки квакать начнутъ. Бдучи на посѣвъ конопли, берутъ съ собою сырые яйца; прїѣхавъ на мѣсто, варятъ ихъ, ѣдятъ и раскидываютъ скорлупу по полю приговаривая: «роды «Боже конопля били, янъ яйца.» Отъ этого дѣйствительно конопля родится лучшей доброты.

Земля, по давнему преданію, не растворяется вполне до перваго грома, то есть до выѣзда и прогулки пророка Иліи въ колесницѣ по небу. Если первый громъ будетъ слышанъ на западѣ, будетъ хорошій урожай хлѣба. Если при первомъ громѣ подпереть спиною дерево, стѣну, ворота и тому подобное, то спина не будетъ болѣть. Дѣвушки, услышавъ первый громъ, бѣгутъ къ рѣкѣ, умываются и утираются чѣмъ нибудь краснымъ, чтобъ не терять красоты и быть богатыми. Онѣ ловятъ перваго гусенка, котораго завидятъ и трутъ имъ лице, это уничтожаетъ веснушки; впрочемъ отъ веснушекъ есть еще и другое средство, не менѣе дѣйствительное: собираютъ снѣгъ выпавшій въ мартѣ, наполняютъ водой изъ него бутылки, и потомъ этой водой умываются.

Въ день св. Апостола Симона *Зилота* ходятъ по лѣсамъ *10 Мая*, собирая цѣлебныя травы «*зиле*» говоря по здѣшнему; въ иныхъ мѣстахъ ищутъ въ этотъ день кладовъ, *золота*; искателямъ помогаетъ *Зилотъ*.

Наступаетъ пятидесятница. Эту недѣлю называютъ: *зеленою*, *11 Июля*, *клевальною*, *русальною*. Первый день называется *духовымъ*, второй—*троицнымъ*; такъ празднуютъ эти дни и церковь наша, хотя въ Великороссіи празднуемы они на оборотъ. «До

святого духа держьсь кожуха» говорят малороссіяне, не вполне довѣряя весеннему солнцу и теплотѣ. Первые три дни этой недѣли называются троицкими святками; въ субботу передъ духовымъ днемъ, при захожденіи солнца, натыкають вѣтви деревьевъ передъ дверьми построекъ, ставятъ ихъ внутри домовъ по угламъ, посыпають полы и землю передъ дверьми аеромъ, осокой и другими травами; вѣтви называютъ *кличанье*, а вся недѣля *кличальною* и *зеленою*.—

Въ эту же недѣлю *русалки* выходятъ изъ рѣкъ, нагія и прекрасныя, съ распущенными волосами, хлещутся въ полночь при лунѣ на поверхности волнъ, бѣгаютъ по полямъ, качаются на вѣтвяхъ деревьевъ, манятъ прохожихъ и до смерти щекочуть ихъ. Русалками становятся утопленницы и дѣти родившіяся не живыми, или умершіе не крещенными. Эта послѣдняя порода русалокъ называется: *мавки*.

Начиная съ кличальной субботы, дѣвушки не выходятъ въ поле одиночкою и не купаются цѣлую недѣлю, «*щобъ мавки не залоскоталы*.» Онѣ носятъ съ собою и за пазухой полынь и *любыстокъ*, какъ предохранительное средство отъ нападенія мавокъ.

15 Юня. Особенно страшны русалки и мавки *въ зеленый четвертокъ*. Дѣвушки и женщины, боясь прогнѣвить ихъ, въ этотъ день не работаютъ; если бы надобность заставила ихъ идти въ воду, то прежде должно туда полыни набросать. Этотъ день называется *русальчикъ* или *мавскій велыкдень*. Эта недѣля имѣетъ свои пѣсни.

ПѢСНИ ТРОИЦКІЯ.

Ой бижить, бижить мыла дивчина,
А за ёею да русалочка.
Ты послухай мене, красно панночко,
Загадаю тобі тры загадочки;
Якъ угадаешъ—до батька пуцу;
Не угадаешъ до себе возьму:

Ой що росте безъ кореня,
А що бижить безъ повода,
А що цвите да безъ цвиту?
Камень росте безъ кореня,
Вода бижить безъ повода,
Папороть цвите да безъ цвиту.
Панночка загадочки не вгадала,
Русалочка панночку залоскотала.

Ой завью винки да на вси святкы,
Ой на вси святкы, на вси празныкы,
Да рано, рано на вси празныкы.
А въ бору сосна колыхалася,
Дочка батенька дожыдалася.
Ой мый батеньку, мый голубчыку,
Ты прыбуди сюды хотъ на литечко;
У мене въ тыну подъ воротымы
Сыне море розливається;
Паны й гетманы избигалыся,
Сіому дыву дывовалыся.

Прыитала зозуленька
Зъ темного лисочку;
Сила, пала, заковала
Въ зеленомъ садочку.
Ой якъ выйшла Марусенька
Въ іен запытала:
Скажи мени зозуленько,
Довго буду въ батька?
Будешъ мыла, Марусенько,
Сей день до вечара
Бо-дай-же ты, зозуленько,
Симъ литъ не ковала,
Що ты мени, молоденькой
Правды не сказала.

Но вотъ наступаетъ Петровъ постъ, съ своими краткими *Юня 18.*
ночами и днями безконечными.

«Мала ничъ Петривочка!
«Не выспалась наша дивочка.»

Поють малороссяне, сожалѣя объ утомленной красавицѣ, ко-

тору ю сонъ одолѣваетъ, когда ужъ солнце взошло. «Нехай въ Петровку!» или «се не въ Петровку, щобъ двичи казаты,» говорятъ они тому кто, не дослышавъ, требуетъ повторенія разсказа какого нибудь. О происхожденіи Петровки вотъ что извѣстно у насъ.

Ее въ старину не было; всѣ недѣли были сплошныя. Мужья *ласовалы* на маслѣ, на сметанѣ и на всемъ ежедневно. Хозяйки посовѣтовались и учредили Петровку, но не умѣли сдѣлать ее постоянною; а потому рѣшились по очередямъ назначать ее продолжительность: отъ шести, пяти недѣль до одной.

Юня 23. День Рождества св. Іоанна Предтечи посвящается празднику *Купалы*. Съ утра дѣвушки идутъ въ поле или въ лѣсъ собирать травы и цвѣты; изъ нихъ выютъ они для себя купальскіе вѣнки, въ вѣнкахъ долженъ быть и полынь; кромѣ того онѣ носятъ полынь весь этотъ день у себя подъ мышками; это предохранительное средство отъ русалокъ и вѣдьмъ.

Къ вечеру отправятся въ лѣсъ или садъ, срубятъ тамъ дерево, предпочтительно, если есть, *чернокленъ*; отнесутъ его на мѣсто, назначенное для праздника, и дадутъ ему названье *марена*. Тогда приносятъ пучки соломы, а иногда соломенную куклу, одѣтую въ женскую рубаху, въ лентахъ, въ монистахъ и въ большомъ вѣнкѣ; эта кукла называется *Купала*. Пришедши на мѣсто, втыкаютъ въ землю дерево, обвѣшиваютъ его вѣнками и лентами, ставятъ возлѣ него Купалу, и не вдалекѣ разводятъ огонь; взявшись за руки ходятъ съ пѣснями вокругъ дерева, и потомъ скачутъ черезъ огонь. Иногда вмѣсто огня употребляютъ кропиву, которую набрасываютъ въ высокія кучи и потомъ скачутъ черезъ нее. Мужчины только присутствуютъ, но въ хороводахъ, пляскахъ и въ пѣсняхъ не участвуютъ.

ПѢСНИ КУПАЛОВЫЯ.

Иване Йвасеньку,

Не переходъ дороженьку.

Ив....

Якъ перейдешъ, выновать будешъ.

Ив....

Зроблю я тоби у трехъ зильяхъ.

Ив....

Прыйшлось давкамъ да Дунай плысты.

Ив....

Вся дивочки переплылы.

А сыроточка утонула.

Дошлы слухы до мачухы.

Да не жаль мени дочки.

Да не дочки, падчерочки.

Жаль плахточкы—крешаточкы.

И запасочкы—сыняточкы.

* * *

Торохъ, торохъ по дорози;

Що за гомонъ по дуброви?

Ой братъ сестру вбивать хоче,

Сестра въ брата прохалася:

Мый братику, голубчыку

Не вбий мене у лисочку;

Убий мене въ чыстомъ поли;

Ой, якъ убьешъ поховай мене,

Обсалы мене трѣма зильями:

Першымъ зильемъ—*гвоздычкамы,*

Другымъ зильемъ—*васылькамы,*

Третимъ зильемъ—*стрилочкамы.*

Дивочки йдутъ—*гвоздычкы рвуть,*

Мене зпомянуть.

Парубкы йдутъ—*васылкы рвуть,*

Мене зпомянуть.

Козаки йдутъ—*стрилочкы рвуть,*

Мене зпомянуть.

* * *

Стояла тополя край чыстого поля;

Стый тополенько, стый нерозывайся,

Буйному витроньку не поддавайся,

На нашей тополи чотыры соколкы:

Первый соколкы—*молодой Ивашко,*

Другый соколкы—*молодой Мыколкы,*

Третій соколко—молодий Михайло,
Четвертый соколко—молодий Васылько.

* * *

Ой не стый, вербо, надъ водою,
Не пускай зилья по Дунаю,
Ой, Дунай море розливае,
И день и нычь прыбувае,
Въ верби корень пылывае,
Сверху вершокъ усыхае,
Съ вербы лыстя опадае;
Ой стань, вербо, на рыночку,
Къ хрещатому барвиночку,
Къ запашному Васыльчу.

* * *

Нашы подоляне церковь збудовалы,
Не такъ збудовалы, якъ намалювалы,
Та й намалювалы тры мисяца ясныхъ:
Ой, якъ первый мисяць—молодый Ивашко,
А якъ другой мисяць—молодый Васылько,
А якъ третій мисяць—молодый Михайло.
Нашы подоляне церковь збудовалы,
Не такъ збудовалы, якъ намалювалы,
Та й намалювалы тры зирочки ясныхъ:
Ой первая зирочка—молода Наталка,
А другая зирочка—молода Варвара,
А третия зирочка—молода Маруся.

* * *

Сонце сходьть, грае,
Ивась коня сидлае,
Въ естремѣна ступае,
Въ сидельце сѣдае,
Тяжко въздыхае.
Юго батечко пыта:
Що ты сыночку гадаетшь?
На що коныка сидлаешть?
Що, батечко до того?
Я до тестя до своего
Цуцу коныка на двирь;
Ой, у тестя новый двирь:
Постелю барвникомъ двирь,
Васылькомъ местыму двирь,

Щобъ тещинька похвалыла,
Щобъ дивчына полюбыла.

* * *
Ой вербо, вербо, вербыцю,
Часъ тоби, вербыцю, розвытсья;
Ой, ще не часъ не пора.
Часъ тоби, Ицанько, женытсья;
Ой, ще не часъ не пора:
Ще дивчына молода.
Хай до лита, до Ивана,
Щобъ дивчына погуляла;
Хай до лита, до Петра,
Щобъ дивчына пидросла.

Передъ Ивановымъ днемъ хозяйки загоняють на ночь коровъ съ телятами для того, чтобъ телята сосали матокъ, и тѣмъ лишали вѣдьмъ возможности ихъ доить.

А на самый день Ивановъ змѣя мѣдяница, которая слѣпа, получаетъ зрѣніе на цѣлые сутки, и тогда она необыкновенно опасна: бросаясь на человѣка, какъ стрѣла, она можетъ его насквозь пробить.

Въ полночь съ 23 на 24 Іюня, разцвѣтаетъ красноогненный цвѣтокъ *папоротника*; его должно найти, сорвать, сбегать и владѣлецъ его становится знахаремъ; никакой кладъ не утаится отъ него. Клады бывають двухъ сортовъ: *заклятые* и *незаклятые*. Последнимъ можетъ воспользоваться каждый, кто его найдетъ; но заклятымъ овладѣть не такъ легко. Мѣсто гдѣ онъ находится извѣстно, потому что надъ нимъ по ночамъ свѣга горитъ; но кто зарывалъ его, тотъ его заклялъ; онъ можетъ достаться намъ при исполненіи опредѣленныхъ условій. Эти условія бывають иногда очень тягостны. Иногда заклинають на мать, на отца: добывшій кладъ долженъ непременно лишиться отца или матери. Иногда условія очень удобоисполнимы, но такъ просты, что никому въ голову не придуть; а между тѣмъ стоитъ ихъ исполнить и кладъ дастся. За то случалось добывать кладъ, очень легко: во время заклинанія

подслушать заклѣтіе, и кладъ дастся безъ исполненія условій. Но не зная заклѣтія, начните рыть то мѣсто, гдѣ свѣчка горитъ, гдѣ зарыть кладъ; чѣмъ глубже будете вы рыть, тѣмъ глубже будетъ кладъ входить въ землю.

Клады являются въ различныхъ видахъ: старикомъ, лошадыю, клубкомъ, собакой, пѣтухомъ; толкните старика, ударьте собаку, они разсыплются въ видѣ денегъ; но какъ догадаться? Вѣрное средство: имѣть цвѣтокъ папоротника; владѣльцу этаго цвѣтка все извѣстно. За то какъ трудно добыть его! Во первыхъ должно одному, безъ товарища идти въ лѣсъ; невыразимыя страхи окружаютъ смѣльчака. Всѣ ужасы волчьей долины, въ Фрейшицѣ, ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которые окружаютъ искателя. Вѣдьмы, черти, вовкулаки, нетопыри, филины, домовые, мертвецы, лѣшіе, русалки—все это общество соберется въ лѣсъ съ хохотомъ, криками, завываньями. Ревъ звѣрей, трескъ деревъ, перебаты грома безъ тучъ, блуждающіе огни. Нѣтъ, не многіе рѣшаются искать волшебнаго цвѣтка.

«Колы до Йвана просо зъ ложку, то буде й въ ложку.» Это народная примѣта хлѣбопашественная. А вотъ примѣта пчеловодовъ; имъ пчелы такъ говорятъ: «годуй мене до Йвана, зроблю съ тебе пана.» Не знаю, согласенъ-ли съ этимъ г-нъ Прокоповичъ. Прибавлю къ тому примѣту метеорологическую. Когда 24 Іюня гроза, орѣхи будутъ пусты и будетъ ихъ мало; а если погода хороша, на нихъ будетъ урожай. И вотъ косовица.

На косовицу у насъ собираются цѣлымъ селомъ; бѣлыя шаравары, бѣлыя рубахи, точило, гаманъ, люлька и коса напоминаютъ одежду Сватослава, а ряды косарей—древнія лавы запорожцевъ. Таборъ на могилахъ, кругомъ возы, яма вырыта, въ ней огонь, надъ огнемъ кетлы, варится юшка, каша; тутъ-же стоитъ фура съ запасами—сало, соль, рыба наслучай среды и пятницы, и бочка съ горѣлкою. Дадѣ походная кузница,

гдѣ отклѣпываютъ косы. Атаманъ ведетъ косарей. Когда подсохнетъ трава, приходятъ жены, еестры и дочери съ граблями. Вотъ пѣсня ихъ:

А въ борку на клынку
Чій же ленъ да не поблтый?
То Марусынь ленъ да не полотый.
А чему-жъ вона да не выполола?
То за сымъ, то за тымъ
Да не выполола.
Ой чія-жъ то синожать да не кошеная?
То Грицькова синожать да не кошеная.
То за сымъ то за тымъ
Да невыкошена.

Петровка оканчивается, къ этому дню пекутъ лепешки *Юля 29.* изъ сыру съ мукой и яйцами, и этимъ разговляются. Кукушки крадутъ ихъ, жадно ѣдятъ, и, подавившись ими, перестаютъ пѣть. Эти лепешки называются «*мандрыки*». Слѣдующій за тѣмъ день называется «*полу-Петра*.» *Юля 30.*

Между тѣмъ осень приближается, уже приходятъ дни, *Юля 19.* предвѣщающіе, каково будетъ это время года: если 19 Юля, въ день св. Макрины, или по здѣшнему *Мокрины* будетъ дождь, то вся осень будетъ дождлива.

Многіе до 20 Юля считаютъ за грѣхъ картофель ѣсть; *Юля 20.* послѣ Ильи ужъ не купаются. До Ильи облака ходятъ за вѣтромъ, послѣ Ильи—противъ вѣтра; комары перестаютъ кусать; рой пчелъ, вылетѣвшіе послѣ Ильи, не надежны; даже пчеловоды гонятъ прочь и чужой рой къ нимъ послѣ Ильи залетѣвшій.

Когда громъ гремитъ, это Илья по небесному мосту въ колесницѣ ѣздитъ. Когда громъ зажжетъ избу, ее должно тушить не водою, а молокомъ или сывороткою.

Въ Юлѣ бываютъ сильныя грозы; грозныя ночи Юля и Августа называются *горобыными*, потому что громъ и молнія недаютъ заснуть и воробьямъ.

Отъ жаровъ бываютъ метеорологическія явленія. Огненный шаръ, летящій по воздуху, это *звѣзды* навѣщаетъ дѣвушекъ.

Перелетаетъ-ли звѣзда по небу? Это дѣвушку теряетъ украинка. Дѣвушка стала хозяйкой, она замужъ вышла.

Падаетъ ли звѣзда и исчезаетъ-ли она до земли не долетая? Это вѣдьма подхватила ее и спрятала въ кувшинъ, въ «*глицыкы*».

Радуга, «*веселка*» по здѣшнему, спускается въ рѣку и сосетъ изъ нея воду для дождя.

Между тѣмъ жатва началась, и наши жницы поютъ:

ПѢСНИ ЗА ЖНИВНЫЯ.

Ой, въ чужого господаря обидать пора,
А въ нашего господаря ще й думкы нема.
Ой, паночку нашъ, обидаты часъ.

У чужого господаря горилочку пьютъ,
А въ нашего господаря воды не дають.
Ой паночку нашъ, обидаты часъ!

У чужого господаря полудновать пора,
А въ нашего господаря ще й на думци нема.
Ой, паночку нашъ, полудновать часъ!

У чужого господаря поволудновали,
А въ нашего богатого ще й недумали.
Ой паночку нашъ, полудновать часъ!

Т О Ж Е.

Закотылось да сонечко
За виноградный садъ:
Цилуйтеся, мылуйтеся
Да хто кому радъ.
Ой Маруса изъ Ивашкомъ
Циловалась, мыловалась
Й рученьку дала:
Отъ-се тоби, Ивасеньку,

Рученька моя:

Ой якъ дьждешъ до осени

Буду я твоя.

Пантелеймонъ у насъ носить имя «*Палыкопа*». Если 27 *Юля*, кто возить копыны хлѣба съ полей своихъ въ гумно, въ день Пантелеймона, то рискуеть, что за такое неуваженіе къ празднику, сгорятъ у него копы, а иногда и дворъ: ихъ «спалить Палыкопа».

На *Маковія*, т. е., въ день св. мучениковъ *Маккавеевъ*, 1 *Августа* собирають созрѣвающій къ этому времени *макъ* и пекутъ «*шулыки*». Это коржи изъ пшеничнаго тѣста, облитые густою медовою ситою съ примѣсью растертаго мака.

Въ день Преображенія Господня, т. е., на *Спаса*, до 6 *Августа* зрѣваютъ яблоки и груши *спасовки*; ихъ срываютъ и несутъ въ церковь для освященія, равно какъ и вновь подрѣзанный кусками медъ, *сцильныки*.

Около этаго времени оканчивается обыкновенно жатва ржи. Въ самый день окончанія жатвы бываеть сельскій праздникъ: «*обжинки*». Жницы ходятъ по нивѣ, собирають случайно оставшіеся, несвязанные въ снопы стебли жита, поютъ пѣсни и сплетаютъ изъ жита вѣнокъ. Одна изъ дѣвушекъ его надѣваетъ себѣ на голову по общему выбору, и потомъ всѣ толпой идутъ съ пѣснями къ панскому двору. Панъ принимаетъ вѣнокъ, вѣшаетъ его подъ образами, а дѣвушекъ угощаетъ. Иногда обжинки празднуютъ большимъ обѣдомъ, бочкою водки, посреди панскаго двора для всего села. Вѣнокъ сохраняють до будущаго года; на другой годъ, около 6 *Августа*, изъ него выколачиваютъ зерна и сбють на новомъ лану. И наши жницы поютъ:

ОБЖИНКИ.

Ой чѣ-жъ то поле
Зажовтило, стоя?
Иванове поле

Зажовтило стоя.
Жевьци молодьи,
Серпы золотьи,

Ой чіе-жъ то поле
Задримало стоя?
То Грыцькове поле
Задримало стоя;
Женьцы все старыи,
Сербы все стальныи;
А мы свому пану
Изробылы славу:

Жытечко пожалы,
Въ снопы повязалы,
У копы поклалы.
А мы свому пану
Изробылы славу:
Ой паночку нашъ,
Обжиночкывъ часъ!

О днѣ Спаса говоритъ пословица: «пришовъ Спасъ,—
«держы рукавычки про запасъ».

- 15 Авгус.** Успеніе Пресвятыя Богородицы называется *перва Пречиста*; а день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя слыветь *головосцькою*. На головосцька держуть строгій постъ, весь день ничего не варять, и не берутъ ножа въ руки, а главное: въ этотъ день не рубятъ капусты; если же кто срубить головку, то на ней будутъ видны красныя пятна, похожія на кровь.
- 1 Сентября.** Въ день Симона Столпника ласточки прячутся въ колодези. Тогда же должно класть яйца въ прокъ, заготовлять соленья; снимать съ баштановъ дыни и «кавуны».
- 8 Сентября.** Черезъ недѣлю послѣ *другой Пречистой*, то есть послѣ Рождества Богородицы, птицы начинаютъ улетать, а *гадюки* улѣзать на зиму въ *вырай*; это обыкновенно начинается въ день Воздвиженія Животворящаго Креста.
- 14 Сентября.** Но не всѣ змѣи уползуть; тѣ, которыя кого нибудь укусили, остаются мерзнуть въ холодные осенніе дни за наказаніе.—
Что касается до *вырая*, это дивная, теплая сторона, далеко гдѣ то у моря, однимъ птицамъ и змѣямъ. Первая улетаетъ туда и послѣдняя прилетаетъ оттуда—кукушка, т. е., *зозуля*. На это есть причина очень важная: у кукушки сохраняются ключи тамошніе; она ключница *вырая*. Змѣи въ *вырай* лѣзутъ по деревьямъ, а потому на Воздвиженъ не должно не только дѣтей пускать, но и взрослымъ ходить въ лѣсъ. Въ этотъ день весьма легко быть укушеннымъ змѣею.

Пятница передъ Воздвиженьемъ заслуживаетъ особеннаго уваженія; есть еще и другія то-же очень знаменитыя, ихъ счетомъ десять, кромѣ великопостныхъ на первой и послѣдней недѣли, всѣхъ же двѣнадцать; а именно:

1. Предъ Благовѣщеньемъ,
2. Десятая послѣ Свѣтлаго Праздника,
3. Предъ Тройцынымъ днемъ,
4. Предъ Успеніемъ,
5. Предъ Усѣновеніемъ,
6. Предъ Воздвиженьемъ,
7. Предъ Покровомъ,
8. Предъ Введеньемъ,
9. Предъ Рождествомъ Христовымъ,
10. Предъ крещеньемъ,
11. {
12. { Великопостныя.

Впрочемъ всѣ 52 пятницы важны: *понедѣлковать*, то есть, поститься по понедѣльникамъ обязаны старухи однѣ, молодыхъ можно увольнить отъ этаго; но въ пятницу никому не должно ни работать, ни скоромнаго ѣсть.

Что такое пятница? Это—*Святая Пятинка*; многіе люди видѣли какъ она, бѣдная, ходила по селамъ изколонная иголками, изверленная веретенами; это швейки да пряхи сдѣлали, шивши и правши по пятницамъ. Къ тому-же кто постится по пятницамъ, у того лихорадки не будетъ никогда.

Къ Покрову работъ полевыхъ уже нѣтъ; разумѣется, мы *1 Октяб- бря.* говоримъ не о тѣхъ хозяевахъ, которые въ Декабрѣ кошны овса съ полей въ гумны возятъ. У тѣхъ хозяевъ, которымъ ужъ нѣчего дѣлать въ поляхъ ко дню Покрова, у нихъ хозяйки очень счастливы:

«Якъ прѣйшла косовыца, то-й жинка кородытся; якъ прѣйшли жныва, жинка якъ «нежыва; а якъ прѣйшла Покрова, той жинка здорова».

23 Ноября. Но вотъ приходитъ зима. На канунѣ дня св. Великомученицы Екатерины *парубки*, т. е., молодые люди не женатые, постятъ, чтобъ имѣть добрыхъ женъ; если же они грамотны, то сверхъ того должны читать житіе Великомученицы Варвары. —

24 Ноября. Въ самый день св. Екатерины, дѣвушки срѣзываютъ нѣсколько прутьевъ съ вышень и ставятъ ихъ въ воду. Если на нихъ будутъ цвѣты къ Рождеству, то гадающая выйдетъ за мужъ.

29 Ноября. Но настоящія гаданья начнутся черезъ пять дней, т. е., на канунѣ св. Андрея Первозваннаго; ихъ много способовъ; вотъ тѣ, которые вѣрнѣе и слѣдовательно предпочтительнѣе:

1. Взять горсть коноплянаго сѣмяни, выйдти въ полночь на дворъ, три раза обойти вокругъ хаты или *повитки*, сѣять въ это время сѣмя, скородить ихъ рубахою и приговаривать:

«Я, святой Андрию,
«Конопельки сію;
«Дай-же, Боже, зваты
«Съ кимъ висалье граты.»

Женихъ приснится неминуемо.

2. До восхода солнца, скрытно отъ всѣхъ, взять горсть коноплянаго сѣмяни, завязать въ рубаху и носить цѣлый день; вечеромъ посѣять; заскородить рубахой и, не сомнѣваясь, сказать:

«Хто мѣни суженый, той прыде зо мною конопельки братъ.»

Суженый непременно придетъ ночью дергать коноплю. Это гаданье можно употреблять и на канунѣ новаго года.

3. Взять по наперстку: соли и пшеничной муки; разболтать ихъ въ водѣ; передъ вечеромъ выпить это. Ночью будетъ хотѣться пить; суженый подастъ воды.

4. Взять предыдущую пропорцію тѣхъ же ингредиентов; да наперстокъ воды; замѣсить и спечь коржикъ. Должась спать,

одну половину коржика съѣсть; а другую положить подъ подушку; суженый придетъ, чтобъ съѣсть остальное.

5. Спечь большой соленой коржъ и съѣсть на ночь; суженый подасть пить.

6. Положить кусокъ хлѣба съ солью подъ подушку; суженый придетъ подѣлиться.

7. Выдернуть изъ кровли стебель соломы, чтобъ только онъ былъ съ колосомъ. Если въ колосѣ найдется зерно—женихъ будетъ богатый; если не будетъ зерна—женихъ будетъ бѣднякъ; если солома безъ колоса, то жениха тотъ годъ не будетъ. Здѣсь одно замѣчательно, что у плохаго молотника дочь должна имѣть непременно богатаго жениха, хотя отецъ ея бѣднѣе хорошихъ молотниковъ.

8. Налить воды въ тарелку; положить на нее нѣсколько соломинокъ въ видѣ мостика, и поставить себѣ подъ кровать. Суженый придетъ перевести невѣсту черезъ мостъ.

9. Проснувшись утромъ 29 Ноября, подвязаться поясомъ; цѣлый день молиться и не ѣсть ничего; ложась спать, снять поясъ, положить его крестомъ подъ подушку; потомъ сказать громко:

«Живу въ Кіевѣ на горахъ,
«Кладу хрестъ въ головахъ;
«Съ кимъ винчаться,
«Съ кимъ заручаться,
«Съ тымъ и за руки держаться.»

Ночью явится женихъ, или какъ называютъ его «судьба», а еще иначе: «дружба.»

10. Посадить «пьяня въ дичу» и поставить «на покути», на полу поставить миску съ водой, и тутже посыпать кучки проса, ржи, гречихи. Если пѣтухъ изъ дѣжи кинется на зерно.—женихъ будетъ славный хозяинъ; если онъ кинется къ водѣ—женихъ будетъ—могавый пьяныця.

11. Но лучший, употребительнейший, ни когда необманчивый рецепт гаданья, вотъ онъ: спечь небольшія здобныя булочки, *балабушки*; сверху примазать ихъ масломъ и положить попарно на скамьѣ, т. е., на *ослони*, каждую пару назвать именами, предполагаемыхъ невѣсты и жениха. Впустить въ избу собаку, которая ничего-бы не ѣла цѣлый день. Хотя балабушки положены попарно, но обыкновенно собака одну съѣсть изъ одной пары, другую изъ другой; такимъ образомъ она составляетъ пары по своему. Вотъ то-то будетъ свадьба, а вовсе не такъ, какъ положено гадающими. Но если сбросить собака балабушку на полъ, то это дурно; это предвѣщаетъ если не смерть, то по крайней мѣрѣ одиночество на цѣлый будущій годъ.

1 Декабря. Въ день святаго Наума хорошо начинать учить дѣтей; наука пойдетъ на умъ.

4, 5, 6 Декабря. На Варвары, говорятъ, зима ложится: «Варочка постеле, Савва погладыть, а Мыкола стукне.»—А между тѣмъ «Вар-вара ночи вграла, дня прыточала.»

Въ эти-же дни волки начинаютъ бѣгать стаями, и разгонять ихъ первые только выстрѣлы, которые раздадутся при водоосвященіи въ день Богоявленія Господня.—

23 Декабря. Въ день Рождества Христова вечеромъ *колдуютъ*. Женщины, а преимущественно дѣвушки идутъ толпами по улицамъ; часто несутъ онѣ фонарь въ видѣ мѣсяца, или звѣзды, который освѣщенъ разноцвѣтнымъ огнемъ, съ помощью крашеной бумаги, и вертится на шестѣ. Дѣвушки подходятъ къ окнамъ избъ, и поютъ пѣсни: къ хозяину, къ сыну, къ хозяйкѣ, къ дочери. Пѣсенъ таковыхъ; весьма много, названье имъ *коллдки*. Вотъ нѣсколько изъ нихъ:

КОЛЯДКИ.

А у пана Ивана, да його двори
Стояло дерево тонке, високе;
Тонке, високе, листомъ шыроке;
Изъ того дерева церковка рублена;
А въ той церковци стоятъ тры престолы:
На першомъ престоли—святое Риздво,
На другомъ престоли—святого Васыля,
На третіомъ престоли—хрестытель Иванъ.
Святое Риздво намъ радость прынесло,
Святый Васыль Новый годъ прынасъ,
Хрестытель Иванъ воду охрестывъ.

* *

Ишовъ, перейшовъ мисяць по небу,
Да стрився мисяць зъ ясною зорею;
Ой зоря, зоря! де въ Бога була?
Де въ Бога була, де маешъ статы?—
«Де маю статы? у пана Ивана
«У пана Ивана да на його двори
«Да на його двори, да у його хати.
«А у його въ хати дви радости іе: —
«Першая радость—сына женыть;
«Другая радость—дочку оддавать;
«Сына женыты—молодця Мыколоу;
«Дочку оддаваты—молоду Наталку;
«Бувай же здоровъ, молодой Мыколо,
Да не самъ съ собою, зъ отцемъ и зъ матирью,
«Изъ мылымъ Богомъ, изо всимъ родомъ,
«Исусомъ Хрыстомъ, святымъ Рожествомъ.»

* *

«Да чому ты, дивчыно, гуляты нейдешъ?»
—Ой якъ мени, дивчыни, гуляты пойты,
Що мои братики зъ войска приихалы;
Прывезлы мени тры подарочка:
Першый подарокъ—золотый перстень,
Другый подарокъ—зеленая сукня,
Третій подарокъ—перлова вытка.
Золотый перстень якъ огонь сѣе,
Зеленая сукня слидъ замитае,
Перлова вытка голову обвязае;

* *

Ой гула, гула крутая гора,
Що не вродыла шовкова трава,
Тыльки вродыло зелене выно;
Красная панна выно стерегла,
Выно стерегла, крпико засвула.
Якъ налетылы Райсквіи пташечки,
Обдзюбалы зелене выво,
Да й пробудылы красную панну.
Ой скоро-жъ вона тее учула,
Своимъ рукавцемъ на ихъ махнула:
«Ой шугы въ лугы! райскіи пташки,
«А мени вына треба й самой:
«Брата женыты, сестру одаваты,
«Сама молода зарученая.

* * *

А въ сію пана скамья заслана,
Да на той скамьи тры кубкы стоять;
Въ першому кубци медокъ солодокъ,
Въ другому кубци крпикые пиво,
Въ третіюму кубци зелене выно.
Зелене выно для пана того,
Крпикее пиво для жинкы іого,
Зелене выно для іого дитокъ.

* * *

Ой заказано и загалано,
Святый вечеръ!
Всімъ козаченькамъ у військо йты,
Пану Ивасеньку короговъ несты
А въ іого ненька
Вельми старенька,
Выпроважала
И научала:
Ой сынку мій сынку!
Не попережай впередъ війска,
И не оставайся позади війска,
Держыся ты війска все середніого,
И казаченька все статечного.
Молодой Ивасенько не послухавъ неньки,
У переди війска конемъ играе,
А позади війска мечемъ махае.
Коды вынъ якъ глянє, ажъ тутъ и самъ Царь:

«Ой колыбѣ я знавъ,
«Чій то сынъ гулявъ,
«Да я бѣ за іого и дочку отдавъ,
«И половины царства іому бѣ я отдавъ.

* * *

Изъ за горы изъ за каменной
Святый вечеръ!

Да выдтыль выступа великое войско,
А попереду панъ Ивашко иде,
Панъ Ивашко иде, коныка веде,
Хвалытся конемъ передъ королемъ;
Да нема въ короля такого коня,
Якъ у нашего пана Ивашка.

Хвалытся стрилою
Передъ дружиною;
Да нема у дружины
Таков стрилы,

Якъ у нашего пана Ивашка.

Хвалытся лукомъ
Передъ гайдукомъ;
Да нема у гайдука
Такого лука,

Якъ у нашего пана Ивашка.
Да бувай же здоровъ пане Ивашку!

Да не самъ зъ собою,
Зъ отцемъ зъ матирью,
Зо всимъ родомъ,
Изъ мылымъ Богомъ,
Святый вечеръ!

СЫНУ ХОЗЯИНА.

Ой рано, рано куры запилы;
А ще ранійше (такой то) вставъ;
(Такой то) вставъ, лучкомъ забрызчавъ;
Лучкомъ забрызчавъ, братьевъ пробуждавъ;
Вставайте, братця, коней сидлайте;
Коней сидлайте, хортывъ скдыкайте;
Да пійдемъ, братця, въ чистее поле;
Ой тамъ я назнавъ куна въ дереву;
Ой вамъ же, братця, куна въ дереву;
А мени, братця, дивка въ тереме,

ЕМУ-ЖЕ.

У поли-поли вѣско стояло, соколе ясный,
панычу-красный!
(имя)

Вѣско стояло, ладу не знало;
Ладу не знало, (имя) прохало;
Вывелы йому коня въ нарядъ;
Вынѣ його взявъ, шапки не знявъ;
У поли-поли вѣско стояло;
Вѣско стояло, ладу не знало;
Ладу не знало, (имя) прохало;
Вынесли йому мыску червынцывѣ;
Вынѣ ихѣ узявъ, шапки не знявъ;
У поли-поли и проч.
Вывелы дивчыну йому въ нарядъ;
Вынѣ дивчыну взявъ, шапку знявъ.

ДОЧЕРИ.

Ой рясна, красна въ лузи калына;
А ще краснѣйша (такого-то) дочка;
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
Въ синечки прышла, якъ зоря зышла;
Въ хату прышла, паны стричають;
Паны стричають, шапки зымають;
Шапки зымають, іеи пытають;
Чы ты царивна, чы королівна?
То жъ не царивна, не королівна;
То дивчына (такого-то) дочка;
Мы-жъ іеи поважаемъ;
Святимъ Ризвомъ поздоровляемъ;
Зѣ отцемъ, изъ ненькою, изо всемъ родомъ.

МАЛОЛѢТНОЙ ДОЧЕРИ.

У Києви на рыночку,
На жовтому на писочку,
Тамъ дивчинка садъ сажала,
Садъ сажала, поливала,
Полывавшы, примовляла:
«Росты саду высте мене,
«Высте мене, красче мене.»

Въ саду да тры корыстонькы:
Перша корысть—оришенькы;
Друга корысть—то вышенькы;
Третья корысть—то яблочки;
Оришками—чечоватыся;
Вышеньками—забавлятыся;
Яблочками—пидкидатыся;
Да бувай здорова зъ отцемъ зъ матирью;
И зъ мылымъ Богомъ, и зо всимъ родомъ;
Исусомъ Христомъ, Святымъ Рожествомъ.

Иногда въ пѣсняхъ этихъ есть юморъ, напр.

Хрыстось родывся,
Иродъ сказывся,
И вамъ того желаемъ,
Съ чимъ васъ поздравляемъ.

Въ колядкахъ послѣ каждаго стиха повторяется:

«Святый Вечор!»

Иногда колядки имѣютъ прекрасное назначеніе. Въ 1848 году нѣсколько моихъ крестьянъ собрались украсить церковный престолъ рѣзбою и позолотою. Они поручили священнику просить, чтобъ я позволилъ имъ колядовать и собранные деньги употребить на это украшеніе. Я, съ удовольствіемъ, увидѣлъ въ этомъ дѣлѣ ихъ религіозность и преданность къ обычаямъ праѣдковъ; я имъ разрѣшилъ, съ тѣмъ чтобъ мнѣ представленъ былъ рисунокъ украшения, для поправки его, если онъ можетъ обезобразить видъ.

Въ этотъ же день грамотные мѣщане, дяки, школьники, церковные пѣвчіе собираются и носятъ по домамъ знаменитый кукольный театръ подъ именемъ *вертепъ*.

ВЕРТЕПЪ.

Малороссійскій вертепъ есть походный театръ, представляющій благочестивымъ хрисіанамъ великое происшествіе въ мірѣ: Рождество Спасителя. Нѣтъ сомнѣнія, что также представлялись многія другія происшествія, взятая изъ священнаго

писанія, но уцѣлѣлъ и дошелъ до насъ, только вертепъ. Первоначальное происхожденіе вертепа можно отнести ко временамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, къ 1600—1620 годамъ, когда онъ началъ возобновлять кіево-братскую школу и академію. Слогъ каптовъ первой части вертепа говоритъ въ защиту моего мнѣнія, и кто читалъ стихи, сочиненныя духовными лицами того времени, тотъ найдетъ въ размѣрѣ и даже въ выраженіяхъ сходство неопровержимое. Нѣтъ сомнѣнія, что первая часть вертепа сочинена какимъ нибудь значительнымъ духовнымъ сановникомъ, для поддержанія въ простомъ народѣ грекороссійской вѣры, которую гнали тогда корыстолюбивые іезуиты и крули съ магнатами. Малороссійскій вертепъ представлялъ театральнымъ представленіемъ, бывшимъ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, — и взятымъ тоже изъ ветхаго и новаго заветовъ. Впрочемъ слогъ рѣшительно одинъ и тотъ-же. Эти представленія названы: *комедія Навуходоноссоръ* и *комедія притча о блудномъ сынѣ*. Оба напечатаны въ осьмомъ томѣ древней россійской вивлюэики. Не знаю, почему Новиковъ помѣстилъ комедію прежде комедіи. Навуходоноссоръ посвященъ царю Алексію Михайловичу, а блудный сынъ *Государямъ благочестивымъ*, т. е., въ двоецарствіе.

И Навуходоноссоръ, и блудный сынъ и вертепъ написаны, очевидно, малороссіянами, а слѣдовательно въ академіи кіевской.

Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что знаменитый того вѣка стихотворецъ, Симеонъ Полоцкій былъ въ то время въ Москвѣ. Я имѣю, если не подлинникъ то копію его стиховъ на смерть царя Алексія Михайловича, и слогъ всѣхъ четырехъ твореній весьма сходенъ между собою. Это середина между языками славянскимъ и малороссійскимъ. Приведу примѣры:

«Что *мои* въ совѣтникахъ вѣрные! Како великодушіе мое
«сіе объяти можетъ? Быстрая рѣка Тигръ *киваніемъ* руки моеи

«точію установитися должна. Евфратъ *возбурлетъ* гордыя
«своя волны по желанію моему даже до самыхъ облакъ.»
Навуходон. стр. 189.

«*Велеможныйшій* Монархъ! а ще ми *покорственный-*
«*шему* рабу твоему такожде слово изрещи къ сему должен-
«ствуетъ, тогда преже смиренно о свободѣ и милостивомъ
«*повелѣнїи* молю, дабы безо всякаго опасства глаголати могль.»
Навуходон. стр. 191.

«Братья любимая,
«Испійте вина;
«Силу бо даетъ,
«Внутрь укрѣпляетъ,
«Что и смерти не убоятся;
«Вино-же творить
«*Да ся—веселитъ*
«Человѣкъ во житїи.»

Навуходон. стр. 271. 272.

«Радости наша сыновъ твоихъ славо,
«Между пречестныхъ честнѣйшая главо!
«Отче любезный, намъ данный отъ Бога
«Живи въ радости здравъ на лѣта многа.

Блуд. с. 37.

«Что стяжу въ дому? чему изучуся?
«Лучше въ страствїи умомъ обогащуся;
«Юныиныхъ *отъ мене* отцы посылають,
«Въ чуждыя страны, *потомъ ся нехаютъ.*»

Блуд. с. 39.

Это очевидно писалъ малороссїянинъ, и въ добавокъ
Симеонъ: послѣдніе стихи такъ ясно примѣнены къ Петру
Великому, тѣмъ болѣе, что ихъ произноситъ «сынъ юнѣйшїй
ко отцу.»—Теперь приведемъ стихи изъ находящейся у меня
драгоценной рукописи.

«Егда изволитъ Господь духъ мой взяти,
«Повели чинно тѣло земли влати;
«О душѣ паки Господа молити.
«Дабы изволилъ въ свѣтлый рай вселити;

«Поминанія обычаѣ соблюди,
«Родителей ты никогда забуди;
«Православную вѣру да держиши,
«Бога въ Тройцѣ Единого чтвиши.»

Я увѣренъ, что Симеонъ Полоцкій писалъ два вышеприведенныя театральныя представленія, и что онъ заимствовалъ форму ихъ изъ кievскаго вертепа; а въ Кіевъ занесенъ вертепъ черезъ польшу съ запада, гдѣ издавна представляемы были произшествія, взятая изъ священнаго писанія; на примѣръ:

1. Mathieu!
2. Plait-il, Dieu?
1. Prends ton épée.
Et t'en va toi en Galilée,
2. Prendrais-je aussi mon épée?
1. Oui, Mathieu.
2. Adieu, Dieu!

Эти представленія были въ ходу вездѣ на западѣ, подерживали вѣру, напоминали о библейскихъ произсшествіяхъ, и, снисходя къ простотѣ народа, поучали его добродѣтели.

Нашъ вертепъ есть походный домигъ въ два этажа. Сдѣланъ изъ тонкихъ досокъ и картона. Верхній этажъ имѣетъ балюстраду, за балюстрадой совершается мистерія: это Виоленъ. Въ нижнемъ этажѣ тронъ Ирода; полъ оклеенъ мѣхомъ для того, чтобъ не видно было скважинъ, по которымъ движутся куклы. Каждая кукла прикрѣплена къ проволоцѣ; подъ поломъ конецъ этой проволоки; за этотъ конецъ, придерживая куклу, содержатель вводитъ ее въ дверь и водитъ по направленію, какое для нее необходимо. Разговоръ отъ имени куколъ происходитъ между дячками, пѣвчими и бурсаками то пискливымъ голосомъ, то басомъ, смотря по надобности. Вторая часть представленія происходитъ вся въ нижнемъ этажѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

1. ПОНОМАРЬ, въ обыкновенномъ сѣромъ нанковомъ халатѣ; волосы съ продѣломъ на серединѣ головы, прямо противъ носа и съ косою.

2. { АНГЕЛЫ, съ крыльями и одинъ изъ нихъ съ
3. { мліею.

4. { ПАСТУХИ, въ обыкновенныхъ кобенякахъ съ
5. { видлогами.

6. ПРОДЪ, въ парчевомъ кунтушѣ, съ короною на головѣ, и съ скипетромъ.

7. ТѢЛОХРАНИТЕЛЬ, *Ирода*, въ чешуйчатыхъ латахъ, съ огромнѣйшимъ мечемъ, и въ шлемъ.

8. ТРИ ЦАРЯ ВОСТОЧНЫХЪ, въ парчевыхъ кунтушахъ, съ коронками на головахъ, вмѣстѣ съ три связанны другъ къ другу плотно, и въ этой позиціи движутся.

9. САТАНА, черный, съ хвостомъ, съ крыльями летучей мыши, съ огромными рогами и съ уголькомъ во рту, на рукахъ пальцы съ когтями, нога лошадиная.

10. СМЕРТЬ, скелетъ съ косою.

11. РАХИЛЬ, въ жидовскомъ костюмѣ, съ ребенкомъ на рукахъ.

12. ВОИНЫ, съ копьями, въ шлемахъ, въ латахъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Изъ партитуры № 1.)

ХОРЪ. Півію время и молитвы часъ,
Христе рожденный, спасы всихъ насъ.

ПОНОМАРЬ, (*говоритъ безъ пльня*):

Возстаните отъ сна и благо сотворите,
Рождшагося Христа повеюду возвистите,

Сіе вамъ, людые, охотно глаголю;

И благословите: пойду, да позвоню.

Онъ подходитъ къ колоколу, который виситъ въ нижнемъ этажѣ, и звонитъ; въ тоже время выдвигаются въ верхнемъ этажѣ горящія свѣчи, и освѣщаютъ фонъ, гдѣ предполагается колыбель Спасителя; надъ этимъ мѣстомъ сіяніе; но ни младенца, ни рождающей не видно.

ХОРЪ, за сценой. *Голосъ № 2.*

Ангелы свѣжайтеся;
Ку земли зближайтеся,
Богъ—Господь, который зъ нами
Днесъ,—отъ вика онъ былъ зъ нами,
Славой неба претосполны,
Вси языци претолыци
Веселытеся, радуйтеся,
Яко съ нами Богъ.

Небомъ земля сталася,
Якъ Бога дождалася;
Де творецъ Архангеловъ,
Тамъ треба и Ангеловъ.
Славой неба престополны,
Вси языци претолыци,
Веселитеся, радуитеся,
Яко съ нами Богъ.

Якъ люцыферъ спавъ зъ неба,
То тамъ святыхъ людей треба,
Щобъ поповныть паденые
Довжно Христу рожденные.
Славой и проч.

Богъ сіюгодня рождаетеся,
Небомъ земля зполняется,
Трепещуть Архангелы,
Служать йому вси Ангелы.
Славой и проч.

Яко съ нами Богъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Два ангела, во время пѣнія 3 и 4 стиховъ второй строфы, входятъ въ верхній этажъ, со свѣчами, кланяются Виолелему, потомъ всѣмъ христіанамъ, то есть, зрителямъ; по окончаніи пѣнія, одинъ изъ нихъ уходитъ, а другой, приблизясь къ дверямъ, говоритъ безъ музыки:

АНГЕЛЪ.

Возстаньте пастыріе и бдите зѣло,
Возстаньте и радуйтесь, яко се приспѣло
Рождество Спасово, міру пророками предрѣченно,
Который вже родився отъ дѣвы совершенно;
Возстаньте и славте іого повсюды,
Да узнають о немъ окрестные люды.

Ангель уходитъ.

Разговоръ двухъ пастуховъ за сценою.

ПАСТУХЪ 1-й. Грыцьку!

ПАСТУХЪ 2-й. А що Прыцьку?

ПАСТУХЪ 1-й. Вставай хутенько, выберы ягна маленьке, да пійдемъ генъ-генъ на гору, може ще й мы поспіємо въ пору.

ХОРЪ. *за сценою. № 3.*

Слава буди въ вышнихъ Богу,
Даюшему радость премногу,

Рожденну, явленну

И во яслѣхъ безсловесныхъ положенну.

Щобъ даровавъ златыи клиты

Намъ пожиты въ ныхъ многія леты,

Спивайте, играйте,

Вси людіе рожденнаго восхваляйте.

Ты, вертепе, возвеселься

Се-бо въ тоби Хрыстось родился,

Во струнной псаатыри

Рожденнаго прославляйте во всемъ міри.
Волъ и осель іого выгають,
Пастыріе іого прославляють,
И цара государы
Отъ Персѣ и Индіи принесоша дары.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пастухи приносятъ ягненка въ даръ Божественному Младенцу.

ПАСТУХЪ 1-й.

Отъ-се-жѣ и мы, Панычу, до вашей таки мосци,
Але-жѣ, Грыцько съ Прыцькомъ приплелыся въ гости;
Ось и ягня Вамъ принесли изъ сельскаго стада,
Нехай буде да здорова вся наша громада.

ПАСТУХЪ 2-й.

Да годи лышѣ, Грыцьку, тоби тутъ бляты,
Да нумъ проздравляты,
Може кому чы не часъ й до стада чухраты.

ПАСТУХЪ 1-й.

Якъ такъ, ты бувай-же, Панычу, здоровъ;
Да й намъ дай, щобъ и мы такы булы здоровы,
Да изъ сихъ чвжмачкивъ обулысь въ сапьяновы.
Благословы-жѣ сей пидарокъ выдъ насъ приняты,
А намъ дозвольт погуляты.

*Скрыпка за сценою играетъ дудочку
Оба пастуха танцуютъ и приговариваютъ:
Зуба, зуба на сопилку!*

ПАСТУХЪ 2-й.

Спасыби-жѣ Вамъ, мы-бъ доше тутъ гулялы,
Дакъ хляба изъ дому не бралы.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

*Въ нижнемъ этажѣ начинаютъ слѣдующее дѣй-
ствіе: воины входятъ и уходятъ: хоръ за сценою начи-*

наетъ плть; Иродъ съ тѣлохранителями тихо идетъ къ трону черезъ сцену.

ХОРЪ, за сценой. № 4.

Днесъ Иродъ грядетъ въ страны своя вьюдеемскія,
Плиныты вси храмы,

Дабы зыскаты Хрыста нарожденна,
Отъ тріехъ царей іому извищенна,
Со воинствомъ премногымъ.

И велѣвъ же онъ во своемъ повѣти
Живущіе въ немъ вся даты избыты,
Во двоихъ лѣтѣхъ и ныжайше,
Во тріехъ лѣтѣхъ и множайше,
О Ироде преокаянный!

Иродъ гордо садится на тронъ, тѣлохранители удаляются.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Три восточные царя идутъ тихо къ Ироду.

ХОРЪ, за сценой. № 5.

Шедше тріе цари
Ко Христу со дары,
Иродъ ихъ пригласи,
Куда идуть? испроси.

Иродъ встаетъ, встрѣчаетъ ихъ и говоритъ:

Царіе и друзи, куда шествіе ваше?
И кому такіе драгіе дары и поклонъ приношаше?

ЦАРИ, со смиреніемъ.

Ко Христу новорожденному идемъ поклонъ отдать,
Дабы въ милости его вѣкъ свой пребывати.

ИРОДЪ.

Да гдѣ-жь онъ родился? если въ моемъ царствѣ,
То невозбранно идите, ищите;
Прошу же и меня вскорѣ о семъ извѣстите;

Ибо в азъ пойдю, ему поклонюся,
И яко предъ свльнымъ царемъ смирюся.

Цари переходятъ въ верхній этажъ; Иродъ садится.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ХОРЪ, за сценою: № 5.

Отвѣщаша іому,
Идемъ къ рожденному;
Къ рожденному идите,
И мя возвѣстите.

Азъ, шедъ, поклонюся,
Предъ Христомъ смирюся,
Воздамъ честь обычну
Царевн прылычну.

Звѣзда идетъ чудне
Зъ востокъ на полудне,

*здесь звѣзда появляется въ верхнемъ этажъ и
предшествоуетъ царямъ,*

Надъ вертепомъ сіяетъ,
Царя Христа являетъ.

Цари подходятъ къ Вифлелему и кланяются.

ЦАРИ.

Се къ тебѣ, Христе, Царю нарожденный,
Да будемъ сылою твоею огражденные!

Прими трудъ нашъ,
Мы бо придохомъ ти вѣдати,
И смиренный поклонъ тебѣ одати.

Цари уходятъ; ихъ встрѣчаетъ ангелъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АНГЕЛЪ.

Куда, царіе, мыслите иди? не къ Ироду изнову?
Инымъ путемъ идите, повѣрьте сему слову.

Иродъ вамъ, какъ вы въ іого булы, говорилъ лукаво;
Вы-же не слушайте іого, да идите на право.

ЦАРИ.

Благодаримъ тебе, ангеле, а найпаче Богу,
Що ты въ пути нашемъ показалъ дорогу;
Проведи же насъ, ангеле небесный,
Да не вмятъ въ руки насъ Иродъ сей лестный.
Цари съ ангеломъ уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Дѣйствіе въ нижнемъ этажѣ. Иродъ сидитъ на тронѣ.

ХОРЪ, за сценой. № 5.

Ангель къ нимъ вищаетъ,
На путь наставляетъ,
Инымъ путемъ идите,
Ко Ироду неидите.
Волфы возвратишася,
У Ирода не быша,
Вспять, вспять возвратишася,
Не вотще трудишася.
Пришли въ страны своя,
Христа славослова,
Чають съ нимъ небѣ жыты
Ему-жъ навикъ служыты.

ИРОДЪ, разъяренный кричитъ.

Какой, какой уронъ нашей царской славы!
Насмѣялись мнѣ дураки въ моей-же державѣ!
Я послалъ ихъ въ Вилеємъ, чтобы испытаты,
О необыкновенномъ семъ рожденномъ дитяти;
Но они мнѣ о немъ вѣсть не предложили,
Какъ простого мужыка меня обольстыли.

Еще сильнѣе кричатъ.

Раскаленная утроба! не вмѣ, что чыныты.
Азь есмь царь, на земля хто мя можетъ слыты?
Пошлю вирные рабы, штобъ іого убыты.
О храбрыи мои вои, представите здѣ!
Вѣрно вы мнѣ должны служити вездѣ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ВОИНЫ, входятъ во всѣ двери и разомъ говорятъ:

Государю нашъ, почто требуешь насъ?
Мы здѣсь всегда предстоимъ,
И приказы твои всегда выполняли;
Не можетъ-же сему во вѣки статься,
Чтобъ смѣлъ кто твоей державѣ посмѣяться.

ПРОДЪ, сквозь слезы.

Однако-же волфы меня осмѣяли,
Да в царскій приказъ ногами попрали;
Обойдите-жъ моя грады, вси мои предѣлы,
Убивайте всихъ младенцевъ, конхъ бы обрлы.

ВОИНЫ.

Государю, приказъ твой выполнеть готовы.
Мы на всихъ враговъ твоихъ возложимъ оковы.

ХОРЪ, за сценой. № 6.

Перестань рыдаты
Печальная маты!
И на радость предложися
Къ царю приближися.
Не вмы за шкodu,
Видя, яко воду,
Кровь изливаемыхъ
И убиваемыхъ;
Къ жизни непремѣнной,
Ко смерти не тлѣнной,
За живота страту
Приемлють за плату. (bis)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ВОИНЪ, ведетъ Рахиль съ груднымъ ребенкомъ и говоритъ съ злобою.

Ступай, баба, ступай! не вгнайся, ступай!

Къ царю.

Вотъ, царю, твой приказъ мы добръ спальяли;
Во всихъ гарадахъ дѣтей убивали

Се одинъ изъ младенцевъ въ царствѣ южъ застался;
Я долго за его матерью ганялся;
Се послѣдня жива предъ тобою,
Мать хочетъ заминуть смѣръ юго собою.

ИРОДЪ.

Я царскому слову не могу измѣнить,
И велю тотчасъ не мать, а отроча убить.

Воинъ схватываетъ на копье ребенка.

РАХИЛЬ.

Ахъ несносная печаль духъ мой снидасть,
Что сей лютой воинъ чадо убиваетъ:
Вырвавшы изъ нѣдръ моихъ, хочетъ погубить.
О нещастіе мое, что буду чыныты?
Щастливы тѣ жены, кои не раждають.
Скорби и печали во все не знаютъ.

Бьетъ себя въ груди; воинъ уходитъ.

ХОРЪ, за сценой. № 6.

Иродъ несытый
Велитъ убиты,
А воинъ терзаетъ
И убиваетъ.

№ 7.

Маленкіи чады
Все пребудутъ рады,
Тымъ бо съ неба платятъ,
Що животь свій тратятъ
За Христа и Бога;
То имъ мзда премнога,
Малымъ отрочатамъ,
Закланымъ овчатамъ.

РАХИЛЬ, къ Ироду:

Умилосердысь царь и возвраты мни чадо!
На що юго убилъ? оно еще есть младо!

ИРОДЪ.

Полно, баба, полно шумѣты!
Объ убитомъ нѣчего жалѣты.

хоръ, за сценой. № 6.

Не плачь, Рахиле,
Що чадо не циле;
Не увядають,
Но процвѣтають (bis)
Вольныи крылья
Новой святыни;
Къ Богу и сыну
Иміешъ причину: (bis)

№ 7.

Твое бо першате
Небомъ суть узате;
Путь прошедше тисный
Побидныи писны
Поють Царю славы,
Иже ихъ избавы
Отъ ситей ловящихъ
Въ пагубу губящихъ. (bis)

РАХИЛЬ, къ Ироду прямо.

О Ироде пребеззаконный, мучителю стопекельный,
Якую ты въ дѣтихъ вину обритаешъ,
Що смертію отъ сосцевъ нашихъ отрываетъ?

ЯВЛЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

ВОИНЫ, вбѣгаютъ, выгоняетъ Рахиль и уходитъ за нею.

Ступай, баба, ступай! здѣсь баловъ не точи!

ИРОДЪ, тихо, самъ съ собой.

Увы, кая сихъ временъ здѣлалась премина?
Думавшу мни вѣчно жить, близьиться кончына.
Однакъ-же я съ смертію сражаться буду.

Громко.

Вои вирныи мой! станьте у порога,
И да смерть не убижытъ, ловять яко мога!

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ВОИНЫ, входятъ толпой во вѣсь дѣри, и становятся у пороговъ.

хоръ. *За сценою. № 8.*

Тутъ смерть выходить, речеть къ нему выпу.
Почто дерзнувъ пролить кровь неповышу?
За по же, реку, стажу твою душу,
И пригласыты други свои мушу
О, Ироде преоканшый!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

СМЕРТЬ входитъ, воины, испуганные убѣгаютъ.

Що ты Ироде не сытый!
Почто се болтаешъ.
И мене убиты
Воямъ повеливаетъ?
Изъ пропасты ада
Будешъ ты знагы,
Неповышны чада
Якъ убиваты.
Выйды, брате, друже,
Мени пособыты.
Кровоубийцю Ирола
Огъ земли стребыты!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

*Сперва подъ поломъ, а потомъ за сценой все
громче и громче, басомъ, слышно:*

Гупъ, гупъ, гуаъ, гупъ, гупъ.

Потомъ входитъ чортъ, и продолжаетъ: гупъ, гупъ.

ЧОРТЪ, къ смерти.

Почтося, моя другыня, зоветъ на поралу?
Тотчасъ умерщвлю ѱ препоручу аду.

Къ Ироду.

А покуда ты, насытый Ироде, будешъ спорыться зъ
моею сестрою?
Разви ты не хочешъ брататься зъ мною?

Къ смерти.

Поднимы, сестро, косу! вдарь іого во главу!
Щобъ зналы повсюду нашу державу.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

*Иродъ привстаетъ; отъ страху рѣшился на смѣ-
лость, и дьячковскимъ голосомъ кричитъ на смерть:*

Што мя словеси стращаеши?

СМЕРТЬ, тѣмъ же голосомъ.

Разви ты мене и до днесъ не знаеши?

ИРОДЪ.

*Азь есмь богатъ и славенъ,
И нѣсть никто миѣ равенъ.*

СМЕРТЬ.

*Слава и богатство прейдуть!
Сей косы довольно взмаху,
И мертвъ ужъ человекъ отъ страху.*

ИРОДЪ.

*Косы ты, баба, траву своей косою,
Не тебѣ, машкаро, спориться зо мною!
Я могуществомъ и сылою
Заставлю тебе покориться.*

СМЕРТЬ.

*Безумне! всего свита я сильній нахожуся;
Изначала вика никому не клонюся;
Азь есмь монархыня, всего свита пани,
Я царыца суца на всякыи страны.
Князіе и царіе пидъ властью моею,
Усвхъ васъ я посѣчу косою своею.*

*Даетъ ударъ косы по Ироду, тотъ падаетъ, и
долго трепещетъ; смерть уходитъ.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ХОРЪ, за сценой поетъ въ то время, какъ *Ирода* все еще въ конвульсіяхъ. № 8.

Дерзай отъ смерти посѣчетъ косою,
Да идетъ во адъ и живетъ съ тобою;
Ты будешь тамо всегда пребывать,

О, *Ироде* преокаянный!

Сперва подъ сценою, потомъ за сценою слышно опять:

Гупъ, гупъ, гупъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ЧОРТЪ, входитъ, хватаетъ въ объятія *Ирода* и басомъ, отрывисто, протяжно говоритъ:

Друже мій вирный; друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глыбочайшей бездни.

Еще громче и скороговоркой:

Отъ такъ берутъ, отъ такъ несутъ

Роскошникивъ свита!

Понеже дать не могутъ

Предъ Богомъ оловита.

ХОРЪ, за сценою. № 8.

Не выдавъ же онъ, що изтребыться
И царство його въ конецъ разорыться.
Заслуга його знатна всимъ и явна
За то-й пекельна бездна изготованна.

О, *Ироде* преокаянный!

Занавѣсъ опускается.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дѣйствующія лица въ своихъ національныхъ костюмахъ; дѣйствіе второе въ нижнемъ этажѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ДИДЬ И БАБА.

ДИДЬ. 'Отъ теперъ и намъ припало,
Якъ Ирода вже не стало;
Потанцюймо-жь, молодычко.
Мій ружевій квитъ, хоть мало.

БАБА. Гляды лышень, сучій диду,
Щобъ не ввели танци въ лыхо,
Забрались-бы у тисный кутъ,
Да хлибъ собі илы-бъ тыхо.

ДИДЬ. Да що ты мени бовтаешъ,
Чого и сама не знаешъ.
Ты говорышъ ричь сю лышню,
А я-бъ тоби сказавъ пыйты,
Пидъ черешеньку, пидъ вышню.

ХОРЪ, поетъ. № 1.

Дидъ съ бабою танцуютъ.

Ой пидъ вышенькою, пидъ черешенькою
Столявъ старый зъ молодою
Якъ изъ ягодою. } his

И просылася, и молылася:
Пусты мене, старый диду,
На улыцю погулять. } bis

Ой и самъ не пыйду, и тебе не пушу.
Хочешъ мене старенького
Да покинуты. } bis

Ой не кидай мене, бабусенько моя,
На чужой стороны-и
Пры лыхій тодыни. } bis

Куплю тобѣ хатку, ище ѿ синожатку,

И ставокъ и млыно-окъ,
И вышневенькій садокъ. } bis

Ой не хочу хатки, а ви синожатки,

Пи ставка-а, пи млянка-а,
Ни вышневаго садка. } bis

Ой ты старый: кахи, кахи!

А я млада: хихи, хихи!

ДИДЬ. Да годи-жь, годи-жь, годи-жь бо вже!

Кланяются публикѣ и уходятъ, съ перепугу, увидя солдата, который имъ кричитъ: кой чортъ васъ здѣсь развеселилъ и проч.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

СОЛДАТЪ, на дѣда и бабу,

Кой васъ чортъ здѣсь разносилъ?
Вѣдь тотчасъ паташу къ ахвицеру,
Штабъ вы знали крестіянску вѣру.

Къ зрителямъ.

А зрастуйте, честныи гаспада!
Не булось тутечки здѣсь салдаты?
Съ нами времечко правести а радъ;
Но какъ оныхъ здѣсечка тутъ нѣтъ,
То примить, гаспада, мой привѣтъ.

Речь:

Я солдаты прастой, не богословъ,
Не знаю красныхъ словъ;
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина въ меня избита;
Читать и писать не вмѣю,
А гавару, што разумѣю;
Ноныча люди веселяться,
Да ѿ подлына, какъ не удивляться:
Христось въ вертепѣ народился,
А Ироль окавный сзавился;
Бояся царства лишиться,
Вздумалъ дѣтской кровью омыться.

За то Иродушкѣ пришлось жестоко,
Какъ черти тащили въ адъ его глубоко.
Какую вѣсть вамъ ста сообщаю
И васъ Христовымъ Рождествомъ поздравляю.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

СОЛДАТЪ И ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

СОЛДАТЪ.

А, Дарья Ивановна, какво живете?

ДАРЬЯ ИВАНОВНА.

Скучаю за вами, Игнатій Парамоновичъ.

СОЛДАТЪ.

Благодарю васъ за память.

*Цалуются, скрипки играютъ камарицкую, танцы,
вдругъ слышенъ барабанъ, № 2.*

Ахъ, Дарья Ивановна, барабанъ слыхать!
Миѣ треба въ походъ ступать.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА, *цалуетъ его.*

Прощайте, Игнатій Парамоновичъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЦЫГАНЪ НА КОНѢ.

Монологъ.

Дягы, дягы; забувъ, бацию, дугы!
На шлявъ да-ры-да-ты,
Бо йду, проздра-вля-ты.

Къ зрителямъ.

Крыщя не лошыця, кремень не кобыла,
Якъ бижыть, ажъ дрыжыть, якъ впале, то й лежыть.

Кобыла падаетъ, а съ нею и цыганъ въ спльгъ.

Пху! побыла-бъ тебе лихая да несчастлива година!
Пре пре пре каторжного батька скотына.

Щобъ тобі ни стрыло, ни брыло,
Щобъ тебе на свити не було!
Одынъ въ роти зубъ держався,
Дай той теперъ у снѣгу zostався.

Къ зрителямъ.

Панове! хто хочеъ будемо миныты!
Далыби, що іеи стоить продаты.

Не много помолчавъ.

Нихто ни шажка ни копѣчки не хоче даты?
А тутъ то суча кобыла брыкуча,
Хочъ ребра въ іеи й дуже выдно,
Да все-жъ за годъ вона разлобрие;
Колы жыва буде, боятымутся люде;
Хутко бига.

Бѣеъ кобылу плетью и кричитьъ:

До шатра! до шатра! до шатра!

Кобыла вспрыгиваетъ и убѣгаетъ.

Охъ юсты-жъ, юсты, смадженой капусты!
Хочь-бы смальцемъ зашароваты,
Да добре попироваты.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Входитъ цыганенокъ, сынъ.

СЫНЪ. Йды, батько! маты казала вечерять:

ЦЫГАНЪ. А щожъ доброго вы тамъ наварылы?

СЫНЪ. Казала маты: ничого.

ЦЫГАНЪ. А хлибъ-же іе?

СЫНЪ. Де бъ то взявси? нема.

ЦЫГАНЪ. Такъ дарма; я тутъ съ людьмы добрымы погарцюю;
А вы вечеряйте соби здоровы.

Цыганенокъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Входитъ цыганка съ кувшиномъ въ рукъ.

ЦЫГАНКА. Гараську, Гараську!
Извила собака порося и паску;
Да ще ѿ перець вынюхала!
Теперь кого пеняты?
Нигде ѿ хлеба взяты!

ЦЫГАНЪ. Ой жинко, жинко; я шень-шонодекъ,
Фунь-фунь-фонфора!
У мене що ны день, то копійка свѣжа.
Чи молочка? то ѿ на, на!
А чи сальца? то ѿ на, на!
А теперъ то я-жъ зъ голоду вмираю.

ЦЫГАНКА. Э, старый котюго! ще ѿ тебя мене
Отъ-се драговаты?
А якъ знавъ-бы ты соби михомъ подуваты,
Да заливо горячее, молотомъ коваты.
Якъ ударю я тебе кичвою сією,

Не будешъ ты знущатись надъ бѣдностью моею.

Даетъ ему пощочину.

ЦЫГАНЪ, *грозитъ ей плетью.*

Ой жинко, якъ начну сергіемъ лататы,
То вся шкура на тоби буде трищаты.

ЦЫГАНКА. И не лай-же мене,
И не бый-же мене:
Принесу я борщыку
Въ поlyingянымъ горщыку.

ЦЫГАНЪ. Хутко-жъ, жинко, да не бавсь.

Цыганка уходитъ и опять возвращается.

ЦЫГАНКА. Тутъ то страва, тутъ-то люба!
Покоштуешъ, звысне губа.

ЦЫГАНЪ. А лай же покоштовать.

Пьетъ изъ глечика, потомъ плюетъ и говоритъ съ досадою.

Ге. побила-бъ тебе годына лыхая!

Така твоя й страва якъ и ты дурная:
Твій борщъ да походывъ на ракову юшку.

ЦЫГАНКА.

Кыдала мый мыленькій й цыбулю й петрушку;
А для свого господара,
Й кусокъ сала изъ комара.

ЦЫГАНЪ.

Гайда-жъ до шатра дитей годуваты,
А колы хочь то-й вернысь, да нумъ танцюваты.

Скрыпка играетъ. № 3. Цыганъ поетъ и танцуетъ съ цыганкою.

Чомъ, цыгане, не орешъ? Бо немаю пужка!
Тыльки въ мене поясъ е; за поясомъ пужка.
Чомъ, цыганко, не прядешъ? бо не вмю прясты.

Изъ за гаю
Выглядаю,
Щобъ сорочку вкрасты.
Ходимъ стара
До шатра,
Що мае Богъ латы!
Фунъ, фунъ, фонфора!
Проживемъ безъ хаты.
Танцюя, уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ВЕНГЕРЕЦЬ, въ гусарскомъ платьи.

Терентенбасса, маленька басса, велька басса,
Мой поля, моя вода, мде блато, мде въ блати, мде све.

Входитъ мадьярка.

А зараствуй мадьярко!

Палуются. Скрыпка № 4. Поютъ и танцуютъ.

Гуссаръ коня наповавъ, Дзюба воду брала,
Гуссаръ писню заспивавъ, Дзюба заплакала.
Не плачь, Дзюбо, моя любо, доки я въ тобою,
Якъ поиду я одъ тебе, заплачешъ за мною.

Ой хто любить печерыця, а я люблю губы,
Ой хто любить молодыци, я горнусь до Дзюбы.

Цалуются и уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ПОЛЯКЪ И МАЛЬЧИКЪ.

ПОЛЯКЪ.

А по тута за галаць!
Нѣхъ дзѣмбло вѣзмѣ гайдамаць!
Идзѣ хлопку, ведзѣ до мнѣ кохану,
Я ту краковьяку вытанцѣваць стану.

Мальчикъ уходитъ.

Къ зрителямъ.

А цо, панові?

Же бы вы знали, цо я естемъ зъ дзяда,
Изъ прадзяла, шляхтичъ уродзѣный.

Я былемъ ве Львовѣ,
Былемъ и въ Краковѣ,
Былемъ и въ Кіовѣ,
Былемъ и въ Варшавѣ,
Былемъ и въ Полтавѣ,
Былемъ въ Богуславѣ.

Падамъ до ногъ ясновельможного пана!.....

Называетъ по фамилии хозяина дому.

Зычу здрувья и многа лята.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Входитъ полька.

ПОЛЯКЪ,

А, якъ ся машъ, моя варшавянко?

ПОЛЬКА.

Будь здрувъ, мой коханко.

Цалуются.

Скрыпка. № 5. Полякъ поетъ. Оба танцуютъ.

Сивы конякъ, сивы; зеліона кульбака;
Заѣхалемъ до ней,—нѣхцѣ мѣ собака.

Не жалуй дивчина барылучки вина,
Во собѣ достанецъ добрей матки сына.
Же-бы ты вѣзшла, цо о тобѣ мыслѣ,
Скопцлась-бы до мѣ,
Хыбабымъ мусяла въ Краковѣ не бываць,
Жебымъ не умла краковяка спѣвань.

*Во время танцовъ, мальчикъ выходитъ изъ дверей
и начинаетъ танцовать въ присядку зя спиною-своего
пана, тотъ, дѣлая на казадѣ, опрокидывается и кри-
читъ, лежа на полу:*

А пудзь до дзембла, лайдакъ; батогами забію.

*Вспрыгиваетъ и всѣ уходятъ въ ту минуту, когда
за сценой пѣсня раздается:*

Да nebude лучше, да не буде краще,
Якъ у насъ да на украини!
Нема , нема

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

*Входитъ въ красныхъ шараварахъ, въ полной
одеждѣ, съ люлькою и съ булавою, за спиной бандура.
ЗАПОРОЖЕЦЪ, къ зрителямъ.*

Гай, гай, панове! що то якъ я молодъ бувъ!

То-то въ мене була сыла:

. бьучы й рука не млила.

А теперь выдъ и блоха сильнишь, здається,—

Плеча й руки болять, уже сыла рвется!

Ой вы лита, лита, поганая справа,

Въ морду хотъ зацупышь, вже на та роспраза.

Ой бандура моя золотая,

Колыбъ до тебе шынкарка молодая.

Танцювавъ бы зъ ею до смаку, до смиха,

Одцурався-бъ зъ ею навики одъ лыха.

Бо, бачъ якъ заграю, не одынь поскаче,

Да къ тому весилью може хто й заплаче!...

Я козакъ, горилку пью, люльку я вживаю,

Е шынкаркы въ мене, а жинки не маю.

А васъ, панове, свитками поздоровляю.

ЯВЛЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ И ХВЕСЬКА.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А здорова, шинкарко,
Здорова, полтавко,
Якъ я тебе давно бачывъ!

ХВЕСЬКА.

Якъ бачылысь у Чыгрыни
Да й доси ни.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Такъ, Хвесю, такъ! любко, голубко моя;
Якъ бачылысь у Чыгрыни, дай доси ни.
Поцилуй же мене по знакомосты въ крутый
Мый усокъ! Отъ такъ—цмокъ! поцилуй-же
Ще въ чупрыну хочь разокъ! отъ-такъ—цмокъ.
Поцилуй же мене въ булаву й въ бандуру. Добре!
Теперь потавцюймо!

*Скрытка. № 6. Танцуютъ. По окончаніи пляски
Хвеська уходитъ.*

Одъ также! и пошла!

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

*Змѣя, ползетъ, и когда запорожець стоитъ въ раз-
думи, она кусаетъ его за ногу и уползаетъ.*

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Ой лышенько, гадъ, гадъ!
Отъ чортъ іому й радъ!
Отъ-се-жь и укусила.

Ой, хочъ бы цыганочка да поворожила.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Цыганка входитъ; запорожець лежитъ.

ЦЫГАНКА.

Охъ мій мылый волошыну чернобривый!
Отъ-се-жь тоби суча Хвеська нарядыла,
Що тебе гадюка укусила!

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Поворожы, будь ласкова,
Далыби отлячу.
Хочь не зручь дакъ хоть на вкыдки.

ЦЫГАНКА.

Ходыла цыганка по горахъ, долынахъ;
Носыла писокъ на вылахъ.
Скільки останется на вылахъ писку,—

*Шепчетъ такъ, чтобъ запорожець неслышалъ; но
тотъ слышитъ.*

Стылькибъ у тебе осталось козаченьку духу.

Громко.

Ты зовсимъ здоровъ, вставай,
Да дохидъ давай.

ЗАПОРОЖЕЦЪ, *встаетъ.*

Потанцю й же зо мною, бо дамъ прочухана.

Скрыпка. № 7. Танцуютъ.

ЦЫГАНКА.

Не жалуй, батеньку, копіечки, да дай дви.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Що ты кажешъ, цыганко? я не дочуваю.

ЦЫГАНКА.

Да я й сама, козаче, знаю.

То я кажу: не жалуй копіечки, да дай дви.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

За-що, або й на що тобі, скажи, будь ласкова.

ЦЫГАНКА.

Я бь соби, голубе мый сызый, рыбки купыла.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Може бь ты, цыганко, й товченыки іла.

ЦЫГАНКА.

Охъ іла бь, козаче, бурлаче; да дежь то ихъ взаты?

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Цаплено ты голова! чому давно не казала,
Ябь бь тобі повну пазуху наклавъ.

Булавой бьетъ ее съ низу подъ спину.

Отъ тобі товченыкы! Отъ тобі товченыкы!

Цыганка, подпрыгивая, убьгаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

запорожець. *Танцуетъ. Скрыпка № 8. Потомъ говоритъ:*

Пыйты лышень до Хвеськи, да вышыть хочь пивквартивку, бо дуже щось сухо на языку.

Стучится въ дверь.

Хвесько, Хвесько! а Хвесько! Сердце, видчыны! видчыны, буль ласка! хйба ты нечуешъ? бо дай ты зозули вчула. Кажу тобы, видчыны, бо й двери выставлю и викна побью.

Отступаесть нѣсколько шаговъ назадъ, потомъ разгоняется и лбомъ высаживаетъ двери, скрывается за сцену.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

жидъ. *Въ носъ и съ протяжнымъ удареніемъ въ словахъ.*

Ой вай миръ, савафіанѣ;
Якъ гналыся, пакъ, Фараоняле,
Явреевъ самъ Богъ заспысцае,
За огненнымъ стовномъ ихъ ховае,
Цудо друге луцце ще зробыць,
Въ цориномъ мори вѣйско затопыць.
Мовса, Гарунъ, Дувидъ, святыи,
Воны вси бащыны цуда тыв.
Взе скоро отый часъ прыде,
Спо хтось то насъ кругомъ обыйде
И сказе, бакъ, такъ:
Цесны Яврей! я Мессіясъ васъ!
Теперь я царь и свить весь насъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Входитъ жидоека.

жидъ. Теперь, Сюрю, нумъ танцюваты;
А пилса горилку перепродаваты.

Скрыпка. № 9. Жидъ танцуетъ и поетъ:

Ой вей миръ, татуню!
Ой вей миръ, мамуню!

Ой, ой, ой, ой!
Було у насъ вѣйска
Цотыри тысянцы;
На тымъ вѣйску сапки
Усе изъ заюнцы.
Ой вей миръ, татуню!
Ой вей миръ, мамуню!

Въ это время запорожець стучится, перепуганный жидъ кричитъ:

Бизы, Сюрю до хаты, гросы ховаты,
Бизыть гайдамака, буле грабоваты.

Жидовка уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Запорожець и жидъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А здоровъ жидовыну,
Ерытычій сыну.

ЖИДЪ.

Здоровъ-зе бувъ, мылостывый пане.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А що тсе ты въ барыльци несешъ?

ЖИДЪ.

Сабасковую горилоцку-зь, пане.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А ке-жъ и мени, покоштую.

ЖИДЪ.

Тызь у мене и такъ, козаценьку, багато напыфъ.
Да-й гросей незаплатыфъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Отъ и притулывъ горбатого до стины;
Вы, бачу, вси жыды дурны.
Колы-жъ я у тебе горилку пывъ,
Да й грошей не платывъ?
Мабуть ты не знаешъ, якъ мене й зовуть.

ЖИДЪ.

Ты жъ пакъ Максимъ.

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

А брешись, поганцю; я зъ вяку Протысь.

Махаєть булавою.

ЖИДЬ.

Нехайзе будешъ и прокысь!

На, на! горылоцку пый.

Да тыльки мене не бый.

Открываєть чопъ, запорожець пьетъ изъ барила, жидъ держитъ барило и трясетъ отъ страху.

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Не трасы-бо, гадючій сыну, а то зубы побьешъ.

ЖИДЬ.

Пый, скільки дузь.

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Отце, яка мицна жидывска горилка.

Але-жъ якъ я бачу, то вже я упывся.

Падаєть на землю, жидъ становитъ на него и душитъ его кольнями.

ЖИДЬ.

А! цузон крови напывся,

Да й самъ скрутився.

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Що се по мени лазыть? глянъ, глянъ!

Э! се жидъ такъ на мени порается;

Чи такъ-же въ насъ бьють?

Машетъ булавою.

ЖИДЬ.

Ой вей, миръ, гевултъ, вухъ! вухъ!

ЗАПОРОЖЕЦЬ.

Я ще й не вларывъ а вынъ крычыть—опухъ!

Наноситъ ударъ булавою, жидъ падаєть.

У насъ якъ бьють, дакъ съ прытыска, съ видвагы.

Не гадючій же жидъ зъ разу и скрутився!

Де лышь ты макоганы, чы правдоньку звоны?

Пійду по його душенци бевкну хочъ разъ.

Подходитъ подъ колоколъ и звонитъ головою.

Що воно такее? навищо похоже?

Пидь хуртовину була-бъ добра шапка;
Щебь и брязчала зъ потылицы;
Отъ тогда хочь якій машталирь
Тобъ звернувь зъ дороги.
Дай горобцямъ пидь негоду добре тутъ ховаться.
А може й на вершу вынь прыгодыться.
Якъ бы то вь болото його застромывь,
То то бь то ракивь наловывь.
Пийты-жъ, да жыда заволокты,
А то залигъ дорогу нильзя й разходиться.
А да бакъ, якъ бакъ чорта вельчаютъ?
А вже-жъ неякъ якъ може дидько.

Гей дидьку, дидьку, дидьку—го!
Ходы, будь ласковъ, вызьми жида;
Твого такижъ родного дйа.
Некельнымъ буде зъ його жарке;
А чи ты зроду, дидьку, ївъ таке!
Буде зо всіхъ васъ на цїлий пастъ,
Видпасешся, пидынешъ хвистъ.

Прячется за дверь.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

ЧОРТЬ.

Отъ теперь я дождався,
Що жыль мени достався.

Доло смотритъ на жида.

ЗАПОРОЖЕЦЪ, *подкрался и ударилъ его булавою.*

Отъ-се ты й доси не одинсь?
Якій съ тебе проворный бисъ?

Бьетъ чорта снова.

Несы жъ, несы, да кушай на здоровье.

ЧОРТЬ.

Гупъ, гупъ, гупъ.

Уноситъ жида.

Скрытка. № 10. Запорожець танцуетъ.

ЗА ПОРОЖЕЦЪ.

Ище колы-бъ найты уньята ледащычку;
Щобъ врагъ узавъ, абы лышь не пьянычку;
Бо я признаться й самъ пьянычокъ не люблю.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

УНИАТСКИЙ ПОПЪ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Про вовка промовка, ажъ дидько вовка в несе.
Высповидай мене, попе, пидъ попынкою.

УНИАТСКИЙ ПОПЪ.

Призывай грихы предо мною, покайся;
Передъ-схизматскими попы не призывайся.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Чого соромляться? паноче, разкажу, що знаю.

УНИАТСКИЙ ПОПЪ.

Благо сотвориши, аще ничего неутаиши.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Я зъ малку мандрую по свиту;
Я бивъ

.

Небивъ униатскихъ я попывъ,
Съ живыхъ зъ ихъ кожу я лупывъ.
Воны надъ козакомъ ждуть смерти,
Щобъ въ домовыну скорійше заперты;
Таскають, спивають, сміются,
А на помынкахъ, якъ попыються,
Дакъ тыльки не танцюють,
Мовъ, кони козацьки гарцюють.

УНИАТСКИЙ ПОПЪ. *Дрожащимъ голосомъ.*

Треба тобі до косціола ходыть;
Часты поклоны треба быть.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Э! Бачъ? я зъ вику въ косціола не ходывъ,
Поклонывъ не бивъ, хйба тебе побью.

Уніатъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ.

Монологъ запорожца.

А що? утыкъ? а добре дуже я зробывъ;
Мовъ, десятки жидывъ побывъ.

Утикъ! а то пришлось бы чорта знову зваты,
Щобъ уніатського попа да чортови оддаты.

Скрыпка. № 7. Танцуетъ.

Отъ-се-жъ якъ я дуже вморився;
Мовъ коло плуга день возився.
Треба лягты, да заснуты;
А ранкомъ можно и до Хвеськи,
Де мыснуты мокрухы.

Ложится на правый бокъ.

Такъ лягты не гарно.

Ложится на левый бокъ.

А такъ ище гирише.

Ложится на спину.

А такъ то за певне якій дилько задушыть,
Бо я слабовытый.

Гай, гай, панове! що то якъ я молодъ бувъ!

Ложится на брюхо.

Ляжу бакъ такъ, якъ мый батько колысь спавъ!

А я його добре знавъ.

Теперь нехай на шыю хто сяде,

Устану рачки, дай повезу, якъ выль.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

ДВА ЧОРТА. *Входятъ и хотятъ взять запорожца;
одного изъ нихъ онъ ловитъ за хвостъ; другой убъ-
жалъ. Запорожець тянетъ чорта за хвостъ къ свѣту.*

Монологъ запорожца.

Ухъ! Чортъ у баклагъ влизъ!

Що се я піймавъ? чи се птычка?

Чи перепелычка?

Чи се тая сынычка,

Що вона й не дыше,

Тыльки хвостыкомъ колыше.

Глянь, глянь! яке воно чуднее;

Да, далиби, страшнее.

Очи зъ пятака,

А языкъ вывалывъ, мовъ та собака?

Де ты груди соби позыравъ?
Може глыдъ да грушы кравъ?
Поверныся, полыцлюсь, яке ты изъ заду.

Чортъ поворачивается, запорожець его осматриваетъ.

Эге! воно; бачу, й крыльца мае,
Се-жъ то те, що нычю летае,
Да куры хватае.

Стоитъ въ раздуми.

Се, да те, кажу я,
А воно той коныкъ,
Що по полю скаче,
Да хрущывъ ловить.
Колы скаче, то уже-жъ
Танцювать уміе;
А може не сміе!
Ось ну лышень, не соромляйся!
Погупцюймо трохи,
Повтикають блохи.

Скрыпка. № 8. Запорожець танцуетъ, а чортъ стоитъ.

А що-жъ се ты стоишь, якъ кожихъ замерзлый?
Бьетъ его булавой.

Скрыпка. № 8. Танцуютъ оба. Чортъ въ тактъ приговариваетъ.

Гупъ, гупъ; гупъ, гупъ, гупъ.

Запорожець, ударивъ его булавой, говоритъ.

У ну лышень геть; ты

Чортъ бѣжитъ въ испугъ.

Ащо? утикъ? не такъ було ще зъ имъ робыты;
Колы вынь, то треба було вбыты.

Къ зрителямъ.

По сій мови, будьте здоровы
Мени приходытса, панове,
Съ писни слова не выкыдати,
А що було, барзо прешу
Объ тому лыхомъ не помынать.

Пойду теперь соби въ куринь
Вику доживатьъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Входитъ свинья, подходитъ къ иродову трону, ложится подъ него, такъ, что только задъ изъ подъ трона виденъ. Входитъ хозяинъ свиньи и стегаетъ ее плетью.

Аля! аля! аля-жъ, кажу! вона нябы не чуетъ.

Що тамъ вона рые свинячою мордою;

Эге! треба жыдамъ оддать;

Вона давно хотила здыхать.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

ЦЫГАНЪ. Здоровъ бувъ, Флыме! -

КЛИМЪ. Здоровъ бувъ, цыгане!

ЦЫГАНЪ. Яку вона кару тобі зробыла.

КЛИМЪ. Весь городъ порыла,
Капусту й постернакъ повла.

ЦЫГАНЪ. Отдай намъ еи, мы еи научымъ.

Холянды танцюваты,

Въ городъ nebude вже скакаты.

КЛИМЪ. А я думавъ, що вынъ купыть,

А вынъ еи даромъ дузыть!

Цане кущеч! тикай.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЖЕНА КЛИМА.

Чоловиче, до насъ бачу

И кондякъ прыпхався.

КЛИМЪ. Э! я, жинко, іого

Давно сподивався.

Жена уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

ДЬЯЧОКЪ. Дай Богъ здравствовать, Климе!
КЛЫМЪ. А дай Боже пану бакаляру!
Ты нашъ таки, кондяче,
Возьмы собы отсю свиню,
Бо въ горѣдъ все скаче.
ДЬЯКЪ. Ци, ириць, ци, ириць, ферчикъ!
Иже, виды, азъ, нашъ, есть
Спыши ко мнѣ зѣло.
Климиі сотворилъ намъ честь,
Давъ свиняче тѣло.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

ИВАНЕЦЪ. Азъ путешествую, кое ваше дѣло?
ДЬЯЧОКЪ. Возьмъ сіе бремя несы въ наши клѣти.
ИВАНЕЦЪ. Помозите ю на рамо подьяти.
ДЬЯЧОКЪ. Возгласи: аля, аля! въ школу пирья лраты.
всѣ. Алля! аля!

Иванецъ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

ДЬЯКЪ, *благодаритъ Клима.*
Гевалъ, Амонъ и Амалыкъ,
И вси живушы въ Тыри,
Возрадуются доброты,
И воспоютъ въ ээпри.
Мы вашу обреченну жертву,
Хоть живу, хотя мертвау
Со благодарностью приємлемъ,
И выю вамъ объємлемъ.
КЛЫМЪ. И теби тее-жъ одъ насъ, пане кондяче.
Дьякъ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСМОЕ.

КЛЫМЪ. Дывысь, якъ пресучій дьякъ подаковавъ гарни,
Що ажъ въ мене слѣзы въ вичю навернулись.

Да правда есть за щой дяковать:
Свѣня хочь куды свѣня,
Ребра такъ и свѣтаться.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

ЖЕНА КЛЫМА.

Клыме чоловіче!
До насъ бачу изъ свѣняки
Принесли кондяки
Обидрану кожу.

КЛЫМЪ. Отъ бачъ, жинко, що я можу!
Свѣняка бѣ пропала,
А платить дяку за сына
Пора вже настала.
Теперь вже мы рошталысь:
Цилы гроши въ насъ зосталысь.

ЖЕНА. У насъ, чоловіче, зъ вику товаряки не було.
А теперъ не стало уже и свѣнякы; усе за гуло
Теперъ потанцюймо, якъ прежде водылось,
Щобъ конопельки быльшь народылось.

Скрытка. № 1. Танцуютъ.

КЛЫМЪ. Ходимъ жинко у насъ десь козяка була.

Жена уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТОЕ.

Входитъ коза.

КЛЫМЪ. Цыцы!

КОЗА. Меее!

КЛЫМЪ. Цыцы!

КОЗА. Меее.

КЛЫМЪ. Цыцы!

КОЗА. Меее. Прячется подъ иродовъ тронъ.

КЛЫМЪ. Отежъ до цыкався! й козу загубывъ.

Къ зрителямъ.

Панове громадо! чи не бачыли козы?
Що то було въ ея солодке молоко!
Що два дывныцы молока давала;

Теперь вона была, якъ въ воду упала.
Одна была не мынулась,
Друга навернулась.
Вчера довелось заснуть
Имъ лысою горюю:
Макоговенко Грыцько
Вынявъ у мене съ кышени
Люльку, крыцю, кременепь
И на пугу реминный конець.
Заколуывъ серпце въ край
Що ня въ пекло, ни до жинки
А ни въ рай.
А тутъ козу ше згубывъ,
Лучше бь бувъ ей убивъ.
Пойду лышень, пошукаю.

Находитъ

А моя козонька, моя голубонько,
Бачь якъ вона скаче, мовъ танцювать хоче.
Скрыпка. № 12. Танцуетъ. Потомъ полною кидаетъ подъ тропъ, коза падаетъ и издыхаетъ.

А що се? скрутылась? скрутылась?

Плачетъ.

Бідна-жь моя головонько! козу вбывъ!

Подумавъ немного.

Понесу-жь, да отдамъ собаци шкуру,
А жинци пошыю изъ мяса кожухъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Артиллеристъ и Мужикъ,

МУЖИКЪ. *Везетъ пушку.*

АРТИЛЛЕРИСТЪ. *Вези, неотговаривайся.*

МУЖИКЪ. *А вже жь бо мѣни та кушка!*

Артиллеристъ, стрѣляетъ изъ пукки.

Вивать, Господа!

Хоръ, за сценою:

Многая лѣта! многая лѣта! и проч.

Занавѣсъ опускается.

ЩЕДРИВКИ.

Декабря 31. На *Меланки*, т. е., въ день св. Меланіи, на канунѣ новаго года, каждая хозяйка приготовляетъ кнѣши, пироги, колбасы, начиненныя гречневой кашей и вареники. Этотъ вечеръ называется *богатымъ* или *щедрымъ*. Вечеромъ хозяйка ставитъ на столъ все съѣстное, засвѣтитъ свѣчу передъ образами, накурить ладаномъ и попроситъ мужа *исполнить законъ*. Мужъ садится на *покути*, т. е., въ углу подъ образами; это старшее мѣсто; предъ нимъ куча пироговъ; зовутъ дѣтей; они входятъ, молятся и спрашиваютъ: «дежъ нашъ батько?» не видя будто-бы его за пирогами.—Хиба вы мене не бачите?—«Не бачимо, тату!»—Дай-же, Боже, щобъ и на той годъ не побачылы.—Тутъ онъ раздаетъ дѣтямъ пироги. Между тѣмъ мальчики, толпою, ходятъ по дворамъ ии одъ окнами избъ поютъ *щедрывки*:

а. Улетивъ соколъ изъ юлыци въ дверь

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!

(Послѣ каждаго стиха.)

Ой сивъ же винъ на оковечку,

Кватырочку одчиняе,

У свитлычку заглядае.

Ще свитлычка не метена,

Марусенька не чесана,

Не чесалась, не вмывалась

На батенька розгнивалась:

Сукню пошылы,—покоротылы;

Черевычки зшылы,—да помалылы.

* * *

б. Щедрый вечеръ! добрый вечеръ!

Добрымъ люлямъ на здоровье!

Чи дома, дома панъ господарь!

Щедрый и пр: (Оба первые стиха)

Ой я знаю, що винъ дома; и пр.

А сыдыть винъ въ конци стола; и пр.

А на іому шуба люба; и пр.

На полси калыточка; и пр.
Въ калыточци смѣ шелягивъ, и пр.
Сіому, тому по шелягу; и пр.
А намъ, братця, по пирогу, и пр.

Или:

Щедрыкъ, ведрыкъ,
Дайте вареникъ,
Грудочку кашки,
Сальца, ковбаски.

Пѣсни эти оканчиваются шутками, приговорками напр:

Вечоръ довгій; давайте пирогъ довгій,
На всю лопату, зъ отцюю хату.—

Итакъ мы прошли круглый годъ. Но я, проходя праздники и относящіяся къ нимъ обычаи,—не сказалъ ничего о встрѣчѣ весны, объ обрядахъ и пѣняхъ, съ которыми ее принимаютъ.

II. ВЕСНА.

Чѣмъ лучше встрѣтить весну, какъ не пѣснями, не играми, не изъявленіями любви? Она сама юность земли, юность природы, всегда восхитительной; она сама любовь, веселье, наслажденіе. Съ ея появленіемъ все оживаетъ, воды сверкаютъ подъ теплымъ небомъ, подъ лучемъ солнца; цвѣты распускаются въ волшебной свѣжести лунныхъ или темныхъ, но всегда ароматныхъ, ночей; все заговорить на поляхъ, по рощамъ, въ водахъ; всѣ голоса сольются и наполнятъ душу очарованіемъ, болотныя птицы, насѣкомые, крикъ домашнихъ животныхъ, бѣгущихъ съ поля въ село, сольются съ щебетаніемъ ласточки, съ яркой трелью соловья. И мы встрѣчаемъ весну пѣснями, и непременно пѣснями любви.

Веснянки начинают пѣть съ Марта мѣсяца, съ того дня, въ который птичка овсянка запоетъ свою первую пѣсню. Въ этой пѣснѣ слышны слова:

«Покинь санки, возьми визъ».

Въ тотъ же день щука пробиваетъ ледъ хвостомъ.

І. ВЕСНЯНКИ.

а. Нема ліоду, нема ліоду,
Нема-й переходу;
Колы тоби любя мыла,
Бреды й черезъ воду.
Перебрела дви риченьки
И половыну ставу,
Не вводи мене козаченьку,
Въ великую славу.
Ой сама-жъ ты, дивчинонько,
Себе въ славу вводышь,
Що поздвенько, не раненько
По улыци ходышь.
Ой якъ мени, козаченьку,
Да раньше ходыты,
Якъ визьмешъ ты за рученьку
Не мусышь пустыты.

б. Розлылыся воды
На чотыры броды;
У первому броди
Соловейко щебетавъ,
Зелены сады розвивавъ;
У другому броди
Зозуля ковала,
Литечко казала;
У третьему броди
Конычокъ заржавъ,
Вынъ дороженьку почавъ;
А въ четвертомъ броди
Да дивчина плаче:
За нелюбого йдучы,
Собы лыхо чуючи.

в. Свиты, зоре, на все поле
Закыл мисяцъ зыйде,

Да до мене нїй мшленскїй
Вечеряты прыйде.
Ой чи прыйде, чи не прыйде
На вечерю тую,
А я йому ранесенько
Снядаты зготую.
Цвилы лозы при дорозв
Сынесенькимъ цвѣтомъ;
Ишовъ козакъ изъ улицы,
Билесенькимъ свитомъ;
Не жаль тому козаченьку
Поснядаты дати,
Що вынѣ нѣе взъ улицы
Якъ стане свитаты.

Весна потребуєть любви; наши дѣвушки это поняли и поютъ:

Гирко жыть весною
Безъ мылого одною,
Безъ мылого дружочка,
Ясного соколочка.

Впрочемъ иногда «дивчата» подсмѣиваютъ молодыхъ людей, оцѣняя ихъ очень не выгодно:

По три шага молодець,
По таляру дивка,
По тысячи жинка.

Или:

По тры копы дивочка,
По чотыри кисочка,
По денежци молодець,
Якъ печеный горобець.

Въ этихъ веснянкахъ иногда находимъ мы жалобы дѣвушекъ на скуку одиночества; иногда желанье узнать, кто ее суженый? иногда упреки милому за холодность, за скудость на часъ свиданія. Въ другой разъ противное: наслажденье жизни дѣвической! желанья погулять на волѣ; тоска молодой женщины, которой нельзя уже пользоваться увеселеніями дѣвиць, ихъ играми, ихъ хороводами; напр.:

Мсяць надъ водою, дивка на юлыци,
Ой, доля, да доля, дивка на юлыци.

Свекорку, батеньку пусты на юлицю;
Ой доля . . . пусты на юлицю.
Хочь я тебе й пуцу, свекруха не пустить
Ой доля и проч.
Свекорко, матинко, пусты на юлицю;
Ой доля и проч.
Хочь я тебе й пуцу, зовыци не пустять.
Ой доля и проч.
Зовыци, сестрыци, и проч.

То мы находимъ слезы о томъ, что она идетъ за не-
милаго; или упреки подругѣ въ томъ, что та *перемовила*
у ней жениха. Часто говорится о приѣздѣ сватовъ, бояръ, о
рѣшительной минутѣ выхода за мужъ, о разлукѣ съ подруга-
ми, о потери воли, о будущемъ семейномъ счастья, о недолѣ
съ мужемъ, котораго приняла не по любви, о строгости и
сварливости свекрови, о разницѣ свекрови съ родной матерью,
о тяжкихъ трудахъ по хозяйству.—

Иногда въ этихъ пѣсняхъ и молодой человѣкъ жалуется
матери, что онъ не женатъ, что на немъ лежать работы женскія:

Укрипъ сію, ромень сажу.

Не хочетъ онъ пайночки, не хочетъ королевны. Онъ
любитъ дивчину, дочку сосѣда своего. Онъ жалуется на то,
что за него не отдають дивчины; вызываетъ ее на тайное
свиданіе. Рѣдко въ веснянкахъ говоритъ о веснѣ. Любовь
сама по себѣ весна.—

Сравненія дѣвушки съ *зырочкою*; *перепелочкою*, *галоч-
кою*, *павою*, *уточкою*, *яблонькою*,—сравненіе паробка съ
горобейкомъ, *селезнемъ*, *соколомъ*, *голубомъ*,—эти срав-
ненія душевныхъ чувствъ и красотъ съ видимыми предметами
мѣстной природы безпрестанно встрѣчаются въ веснянкахъ.

Онъ поются ежедневно, вечеромъ, по окончаніи работъ, а
въ праздники и послѣ обѣда, дивчата и паробки собираются
за селомъ или посреди села на выгонѣ, если же село велико,

то на нѣсколькихъ выгонахъ; паробки выкапываютъ вершковъ шесть глубины ровъ; дивчата садятся и спускаютъ ноги, и когда онѣ поютъ, когда хороводы одной части села перекликаются въ темнотѣ ночью съ другими хороводами, паробки стоятъ за ними, прислуживаются, шутятъ, любезничаютъ.—

2. ИГРЫ.

Игоръ весепнихъ много; опишу нѣкоторыя.

Король. Хороводъ дѣвушекъ, взявшись за руки, становятся въ кругъ, въ середину входитъ король, хороводъ ходитъ кругомъ и поетъ слѣдующую веснянку:

Королю, край города ходышь;
Королю, дивчатъ оглянешъ;
Королю, прыступы близенько;
Королю, поклонься низенько;
Королю, поцлуйсь гарненько.

Въ эту минуту король цалуетъ одну изъ хоровода и та становится королемъ.

Перепелка. Перепелка стоитъ въ кругу, который ходитъ вокругъ нее и поетъ:

Тутъ була, тутъ була перепелочка,
Тутъ була, тутъ була невелычечка!

Эти два первые стиха повторяются послѣ каждаго изъ слѣдующихъ:

А въ перепелки да головка болять;
А въ перепелки да животыкъ болять;
А въ перепелки да плечыци болять;
А въ перепелки да колина болять.

Итакъ далѣе: ушки, глазки и пр.; при словѣ «болять» перепелка хватается за часть тѣла, которую называютъ, но когда дойдутъ до слѣдующихъ стиховъ:

А въ перепелки да старый мужычокъ,
Якъ иде мужычокъ, то нагайку несе,
Вынь нагайку несе, бороною трясе.

Тутъ за первымъ стихомъ перепелка морщится, за вторымъ готовится плакать, за третьимъ плачетъ. Вдругъ запоютъ:

А въ перепелки молодой мужычокъ,
Молодой, якъ иде. червычкы несе.

Тогда перепелка начинаетъ прыгать, руками плескать, и другая становится на мѣсто ее.

Воронъ. Въ ней дѣйствующія лица: воронъ, мать, дивчина и дѣти. Впереди становится мать, дѣвушки становятся за нею и берутъ крѣпко другъ дружку за плечи или за поясъ, а первая изъ нихъ берется за мать; эта первая называется «дивчина, красна дивчина,» остальные—дѣти. Онѣ подъ покровительствомъ матери идутъ къ ворону, который, сидя, роетъ палочкой землю. Начинается между нимъ и матерью разговоръ:

М. Вороне, вороне, що ты копаешъ?

В. Ямку.

М. На що?

В. Твоимъ дитямъ очи заливать.

М. За що?

В. Я понапиковавъ, понаваровавъ, а воны прыйшли, повіддалы, лысточками понакрывалы, та-й пошлы.

М. Чы правда диты?

Дити: неправда, неправда.

М. Окрутнуса двичы, трычы; чы вси мои диты?

Она считаетъ; потомъ, видя, что воронъ хочетъ ихъ ловить, кричитъ: «гай, гай!» Воронъ начинаетъ бѣгать, стараясь поймать послѣднюю; мать бѣгаетъ такъ, чтобъ быть впереди передъ ворономъ, дѣти стараются, чтобъ не они а мать была къ ворону ближе. Когда онъ поймаетъ одну, то уводитъ ее и посадить отдѣльно, она ужъ не участвуетъ въ игрѣ; немедленно онъ принимается ловить слѣдующую, и, пой-

мавъ ее, отводить къ первой; этакъ продолжается пока останется одна «дивчина». Тогда воронъ садится и опять начинаетъ копать землю. Мать подходитъ къ нему съ дивчиною.

М. Вороне, вороне, що ты робышь?

В. Ямку.

М. А въ мене есть красна дивчина, та не вдарышь!
Я цѣйду на торжокъ, та куплю дивчины красне намысто.

В. А я вкрату.

М. А я тоби голову пробью.

Д. Вороне, вороне, де твоя каня?

В. На польци.

Д. Я выимъ.

В. А я тебе кіемъ.

М. Вороне, вороне, що за тобою?

В. Макогинъ.

М. Бый же мою дивчину на вздогинъ.

Дѣвушка бѣжитъ, воронъ за нею гоняется съ хлыстомъ и если успѣетъ ударить три раза, то отводитъ къ дѣтямъ.

Тогда всѣ дѣти садятся рядомъ, «въ лаву», берутъ другъ дружку за руки, и крѣпко держутся; мать приходитъ и старается разнять у нихъ руки; та, которую она оторветъ отъ лавы принадлежитъ ей; разумѣется, что дѣти нарочно поддаются; потомъ садятся опять въ лаву, и опять сцѣпляются руками.

Послѣ того воронъ старается оторвать ихъ другъ отъ дружки по порядку. Оторванья ожидаютъ конца; когда всѣ перейдутъ во власть ворона, онъ ложится на землю ницъ; дѣти прячутся; мать не позволяетъ ему смотрѣть, и послѣ онъ долженъ ихъ отыскать; тѣ, которыхъ не отыскалъ вправѣ его бить, пока онъ не прибѣжитъ подъ защиту ихъ матери и красной дивчины.

Дурне колесо или *украва рипкы*. Играющія берутся за руки, составляют кругъ, двѣ изъ нихъ поднимаютъ руки, обращаются спиною другъ къ дружкѣ и въ парѣ бѣгутъ въ противоположную сторону, за ними слѣдуютъ ихъ сосѣдки; и такъ онѣ прежде составляли кругъ лицомъ къ лицу, теперь составитя кругъ спина къ спинѣ, лицами въ наружу. Такъ какъ этою манерою бѣгать неловко, то инныя вырвутся изъ круга, другія попадаютъ, къ нимъ хоръ обращается съ пѣніемъ двухъ стиховъ:

«А щоу вкрали рипкы?

«Полетѣли дяткы?

Дробушка. Игра вдвоемъ. Двѣ дѣвушки берутся крѣпко за руки, ноги ихъ должны быть вмѣстѣ, руки сколько можно вытянуты, онѣ кружатся и поютъ:

Дробу, дробу, дробушечки;

Наивышися петрушечкы,

Наивышися лободы,

Гала, гала до воды!

Съ этимъ словомъ одна выпускаетъ руки подруги своей; одна изъ нихъ непремѣнно падаетъ.

Галка. Поютъ слѣдующую веснянку:

Ой галко, галко

Золотая клюшница,

Стань же намъ на помочы,

Зъ молодымы молодыцями,

Зъ краснымы дывыцями;

А ты, Марусю, скочь на концы!

А ты, Наталю, веды тавецы!

Маруса должна была вести хороводъ, а Наталя стояла за нею; во время пѣсни всѣ машутъ въ тактъ руками; при передпослѣднемъ стихѣ Маруся перебѣгаетъ на самый конецъ, Наталя становится первою и ведетъ хороводъ.

Щитка. Всѣ берутся за руки; одна крайняя стоит неподвижно, остальные ходятъ вокругъ нее, мало по малу обвита подругами; послѣдняя бѣгаетъ вокругъ этой кучи и поетъ

Щитка маленька,
Де твоя невяка?
На маковци сядила,
Дрыбенъ мачокъ дзюбала;
Дзюбъ, дзюбъ, дзюбанецъ,
Ходы, дивко, у танецъ.
А за сю мололецъ:
Нейлы, дивко, у танецъ.

Пропѣвъ, она становится поотдаль, слѣдующая по ней повторяетъ тоже и такъ далѣе. Наконецъ послѣдняя ставитъ первую, а та станетъ щиткою.

Просо. Знаменитая игра, всѣмъ славянскимъ народамъ принадлежащая. Дѣвушки раздѣляются на два ряда, и становятся въ десяти шаговъ одинъ рядъ противъ другаго; одинъ рядъ поетъ:

А мы просо сіялы, сіялы;
Ой дилъ, ладо, сіялы, сіялы;

Второй рядъ:

- А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ
Ой дилъ, ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.
1. А чимъ же вамъ вытоптаты?
 2. А мы кони выпустымъ.
 1. А мы кони переймемъ.
 2. Да чимъ же вамъ перенать?
 1. Ой шовковымъ неводомъ.
 2. А мы кони выкупымъ.
 1. Ой чимъ же вамъ выкупыть?
 2. А мы ламо сто рубливъ.
 1. Не треба намъ тысячы.
 2. А мы ламо дивчыну.
 1. Мы дивчыну вызьемемо.

Вторая половина кричитъ: «нашого полку убуде, убуде!» — первая: «нашого полку прыбуде, прыбуде.» Изъ второго полка дѣвушка перебѣгаетъ въ первый; и это продолжается пока всѣ перебѣгутъ. Каждое послѣднее слово стиха повторяется, какъ выше указано, а равно и припѣвъ послѣ каждого стиха.

Здѣсь долженъ я сказать, что участіе мушинъ въ нѣкоторыхъ играхъ казалось бы необходимо; и я еще помню это участіе, мнѣ случалось видать молодыхъ людей игравшихъ съ дѣвушками.

Въ *король* прежде бывалъ мущина королемъ, онъ уводилъ изъ хоровода дѣвушку; другой мущина вступалъ въ хороводъ; въ *воронъ* мущина былъ ворономъ. Въ *прось* первый рядъ былъ рядъ мушинъ. Съ порчею нравовъ то, что невинно становится стыдно, потому что въ умъ приходятъ такія мысли, которыя прежде не приходили. Теперь молодымъ людямъ совѣстно раздѣлять съ дѣвушками увеселенія, а дѣвушки стыдятся принимать ихъ въ свой кругъ. Скоро перестанутъ и христосоваться на свѣтлый праздникъ. Не знаю, можно ли это приписать къ улучшенію нравственности?

Изъ весеннихъигръ вотъ еще нѣкоторыя:

Макъ. Выбираютъ дурачка, сажаютъ его въ срединѣ хоровода. Хороводъ ходитъ вокругъ и поетъ:

Ой на горѣ макъ,
Подъ горою такъ,
Маки, маки маковочки,
Золотыя верховочки,
Постойте, дивчата,
Якъ макъ на гори.

Тутъ хороводница спрашиваетъ: «чы сіялы макъ?» — хоръ: тыльки землю оралы.—Поютъ тужь пѣсню, и повторяютъ ее послѣ каждого отвѣта. Вотъ вопросы и отвѣты на нихъ.

В. Чы сіяны макъ?

О. Сіяны.

В. А чы зыйшоув макъ?

О. Зходить.

В. А чы зацвѣвъ макъ?

О. Цвѣте.

В. А чы оцвѣвъ макъ?

О. Оцвѣва.

В. А чы поснѣвъ макъ?

О. Поснѣвъ.

В. А чы поснѣвъ макъ?

О. Поснѣвъ.

Дурачка схватывають, встряхивають, толкають, скрутъ за чуба, и проч.

Деръ-деръ. Это игра мальчишекъ, вбивають колъ на дворѣ, двухъ мальчишекъ привязываютъ за правую ногу къ колу такъ, чтобъ они были шаговъ на 30 отъ кола и могли бы вокругъ бѣгать. одному даютъ трещотку, а другому жгутъ; обоимъ завязываютъ глаза. Первый трещить и старается убѣжать отъ жгута; второй слыша звукъ трещотки старается ударить перваго.

Горьлки, знаменитыя во всей Руси, въ ходу и въ Малороссіи.

Пацы тоже что Русскія бабки.

Ланта на всѣхъ великороссійскихъ условіяхъ, такъ же *жгуты* или «джгуты», *носки*, а равно и *кулачный бой* какъ дому извѣстны; эти игры принадлежать единственно мужчинамъ послѣдняя, т. е. кулачный бой, происходитъ у насъ на трой цынъ день иногда *одинъ на одинъ*, иногда *стѣна на стѣну* иногда *село на село*. Лѣтъ тридцать пять тому назадъ бо *одинъ на одинъ* я нѣсколько разъ видавъ въ селѣ Рудовкѣ Прилуцкаго уѣзда; стѣна на стѣну я видѣлъ въ 1844. году.

и. Ичнѣ, Борзешкаго уѣзда; село на село я видѣлъ нѣсколько разъ между селами Сокирынцы и Калюжинцы, Прилуцкаго уѣзда въ 1848 году; мнѣ рассказывали, этотъ бой очень былъ занимателенъ.

III. ПОВѢРЬЯ И СУЕВѢРІЯ ОТДѢЛЬНЫЯ.

Перейдемъ къ отдѣльнымъ повѣрьямъ.

Медвѣди были люди, жили въ лѣсу; угрюмые, негостеприимные, они не хотѣли знаться ни съ кѣмъ. Зашелъ къ нимъ благочестивый монахъ, прошалъ все село вдоль и поперекъ, просилъ пріюта, никто дверей ему не отперъ. Онъ промчалъ ихъ, они стали медвѣдами.

Лице, которое видимъ мы въ мѣсяцѣ—это Кашнѣ.

Ласточки крали гвозди у жидовъ, когда они распинали Спасителя, и потому грѣхъ выгонять изъ подъ кровель и безпокоить ласточекъ.

Белемниты находимые въ песчаной почвѣ—это громовая стрѣла.

Но домовые, вѣдьми, русалки, вовкулаки играютъ величайшую роль у насъ въ краю.

Начнемъ съ *домовыхъ*. Они живутъ въ домахъ; бываютъ злые и добрые; имѣютъ большое вліяніе на хозяйство. Ихъ не только не должно бранить, но даже не должно противъ ночи говорить о нихъ. Если домовый не понравится хозяйна или кого нибудь въ семействѣ, то дѣлаетъ неприятности, ходитъ и стучитъ по чердаку, безпокоитъ дѣтей въ колыбели, пугаетъ взрослыхъ, не дастъ спать ховнйкѣ и ховяину, наконецъ безъ дальнихъ церемоній душитъ каждую ночь, и не

давая перекреститься, перестаетъ душить только тогда, когда пѣтухи запоютъ.

Есть разные домовые: одни живутъ въ старыхъ винокурняхъ, другіе въ развалинахъ, или въ неосвященныхъ домахъ, но конюшенные домовые и мельничные проказать пуще всѣхъ.

Конюшенные запутываютъ гривы лошадямъ, по ночамъ на нихъ ѣздятъ: не рѣдко поутру рано вы находите которуюнибудь изъ вашихъ лошадей въ поту; не думайте, чтобъ это ктонибудь, тайно увезъ ее изъ конюшни, ѣздилъ на ней. Нѣтъ, это домовый. Одинъ кавалеристъ рассказываетъ будто-бы онъ поймалъ на головѣ коня, ночью, звѣрка ласточку, которая, сидя между ушами, щекотала морду коня; это несправедливо, это домовый принялъ образъ ласточки. Лучше всего держать на конюшнѣ бѣлаго «цапа» (козла); это врагъ домовыхъ.

Мельничные домовые стучать, кричать, бросаютъ камнями изъ оконъ и въ окна; къ мельничнымъ въ гости любятъ сходитьсь и другіе домовые.

Нерѣдко домовые надоѣдаютъ шалостями хозяевамъ до того, что эти принуждены перейти жить на другое мѣсто. Но добрый домовый, когда онъ любитъ хозяина и его семью, это находка, сокровище, кладъ. Онъ кормитъ и холитъ хозяйскихъ лошадей; онъ любитъ хозяйской дочерью, какъ своимъ дитятемъ, онъ къ ней насылаетъ жениховъ; самому хозяину отовсюду и безпрестанно сыплются деньги.

Домовой мохнать; на немъ шерсть влажная; любитъ принимать на себя образъ человѣка, и чаще всего встрѣчается въ видѣ трубочиста.

Упырь, — дѣло другое; онъ всегда золъ; онъ рождается отъ чорта и вѣдьмы, — или отъ вѣдьмы и вовкулака. Живетъ онъ злымъ человѣкомъ. Въ первомъ десятилѣтїи нынѣшняго вѣка покрасили знаменитую легенду объ упырѣ на стѣнѣ Троиц-

каго собора въ Черниговѣ. Не хочу назвать фамилію, которую, по этой легендѣ, носилъ при жизни упырь; онъ былъ очень богатъ и еще болѣе скупъ. Его хотѣли избрать въ гетманы; князь Голицынъ, участникъ дѣлъ и вѣрный слуга царевны Софьи Алексѣевны, потребовалъ съ упыря взятку, съ тѣмъ что доставить ему гетманство; упырь не далъ взятки; Мазепа, Иванъ Степановичъ, человѣкъ смышленный, любившій деньги, но знавшій ихъ употреблять, короче мой прадѣдушка, занялъ у упыря сумму, которой желалъ кн. Голицынъ; тотчасъ же онъ сталъ гетманомъ, и изъ войсковой казны возвратилъ упырю деньги; вотъ въ этомъ онъ мнѣ не прадѣдушка: я бы или возвратилъ деньги эти изъ доходовъ съ моихъ имѣній, или вовсе бы не возвратилъ ихъ упырю. Какъ бы то ни было упырь по народному преданію былъ злой человѣкъ. Всѣ скряги вообще по характеру мерзавцы; это вещь давно признанная. Упырь ѣлъ скоромное въ страстную пятницу; таскалъ къ себѣ дочерей и женъ крестьянъ своихъ; самихъ крестьянъ одѣвалъ въ медвежьи мѣха и травилъ меделянами; наконецъ умеръ. Его похоронили въ Троицкомъ монастырѣ. На другой день увидѣли, что онъ ѣдетъ на шестеркѣ вороныхъ по красному мосту; кучеръ, форрейторъ, лакаи и три собесѣдника въ каретѣ были черти. Молва разнеслась, сдѣлано было проклятіе, упырь съ поѣздомъ провалился въ Стрижень; немедленно открыли гробъ; нашли упыря красно-синимъ, съ открытыми глазами; его пробили осиновымъ коломъ. Все это происшествіе было написано масляными красками на стѣнѣ собора.

Упири не гниютъ въ гробахъ, они по ночамъ выходятъ и изъ спящихъ высасывая кровь засасываютъ ихъ до смерти.

Вовкулаки бѣгають по ночамъ въ видѣ волковъ. Они злы и хищны какъ волки, имѣють любовныя интриги съ вѣдьмами, и, какъ мы сказали выше, ихъ дѣти—упыри.

Оставимъ вѣдьмъ напередъ; мы ими заключимъ наши разказы о существахъ сверхъ-естественныхъ; мы только вскользь упомянули о русалкахъ; мы говорили о нихъ только въ отвѣшеніи къ зеленой недѣлѣ; опишемъ эти существа сколько прелестныя, столько и опасныя. Какъ не вспомнить здѣсь эти звуки:

»Сидятъ онъ часъ, сидятъ другой,
»Вдругъ шумъ въ волнахъ притаихъ
»И влажною всольма главою
»Красавица изъ нихъ.»

Какъ вспомни ихъ не вздохнуть? какъ не вспомнить і этихъ, никѣмъ почти незамѣченныхъ:

»Черны косы разсыпался,
»Съ обнаженныхъ плечъ бѣгутъ;
»По волнамъ перегибался,
»Вслѣдъ за дѣвами плывутъ.
»Грудь высокая колышется
»Сладострастно между водъ,—
»Передъ ней волна утишится
»И задумчиво пройдетъ.

Русалки, водяныя красавицы; ночью при лунѣ онѣ идутъ на берегъ озера, рѣкъ, ручьевъ, нагія, въ вѣткахъ въ осоки и древесныхъ вѣтвей; онѣ садятся на травѣ, расхвываютъ носы, или хороводы ведутъ. Иногда онѣ скрываются въ кустахъ, въ травѣ; всего чаще ихъ вымываетъ на землю заря. На зарѣ дѣвочки наши идутъ къ рѣкѣ за водой; притаивъ за деревьями, русалки ихъ ждутъ; бѣда неосторожной, которая захотѣла была взять съ собой полынъ или «любистокъ»—т. е. зорю. Русалка бросается на дѣвчynu, спрашиваетъ у ней: «полынъ или петрушка»? Если та отвѣтитъ: полынъ,—русалка убѣжитъ, если же: петрушка,—водяная красавица защекочетъ до смерти земную и увлечетъ ее въ рѣку. При словѣ: полынъ, русалка обыкновенно съ досадою отвѣчаетъ: «сама ты згынъ». А если

на къ мужчиѣ обращается то: «самъ ты згинь; ты не мѣ!» —
а слово петрушка русалка говоритъ: «ты моя душка!» и
итомъ щекочетъ. Нельзя знать навѣрно, каковы подводныя жи-
лища этихъ красавицъ. Одни думаютъ, что онѣ живутъ тамъ
въ гнездахъ, свитыхъ изъ соломы и перьевъ, украденныхъ ими
въ селѣ у поселянъ на зеленой недѣль. Другіе полагаютъ,
что въ подводныхъ дворцахъ у нихъ, построенныхъ изъ мор-
скихъ раковинъ, блестятъ жемчуги, яхонты, серебро и кораллы.

«Ахъ, еслибъ зналъ, какъ рыбкой жить

«Привольно въ глубинѣ,

«Не сталъ бы ты себя томить

«На знойной вышинѣ.»

Такая цѣсня «манить, влечетъ» и въ воду покушаться,
и къ тому кто спѣлъ ее: я не говорю о Краевскомъ, Панаевѣ
и Некрасовѣ, которыхъ ничто прекрасное неувлечетъ къ себѣ
изъ типографіи, гдѣ тискаютъ они свои журналы.

У русалокъ по дну, усѣянному разноцвѣтными раковинами,
катятся ручьи изумрудные и падаютъ водопадами надъ хру-
стальными чертогами.

Русалки прелестны собой; онѣ блѣдны, но черты лица
восхитительны, станъ волшебный, косы ниже колѣнъ. Солнце
просвѣчиваетъ сквозъ воду въ ихъ волшебныя жилища; мѣсяцъ
и звѣзды вызываютъ ихъ на берегъ. На Троицынъ день онѣ
выходятъ въ лѣсъ; тамъ цѣлую недѣлю онѣ качаются по
вѣтвямъ деревь, покоятъ, играютъ, бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ
и озеръ, катаются по росистой травѣ. На канунъ Духова дня
бѣгаютъ во ржи, хлопаютъ въ ладоши, хохочутъ.

Однакожь онѣ, бѣдняжки: въ Духовъ и Троицынъ день
просятъ себѣ св. крещенія; многіе слышали голосъ и слова пѣсни,

«Мене маты народыла,

«Незрешену положила.»

Откуда шель этотъ голосъ, — неизвѣстно; но самъ здравый смыслъ говоритъ намъ, что это русалки, не крещеныя, поютъ.

Тогда истинный христіанинъ долженъ сказать: «Иванъ да Марья! хрещая тебѣ во имя Отца и Сына и св. Духа!» — Душа некрещеннаго младенца переносится въ рай; но если до семилѣтняго возраста никто не нашелся вымолвить эти слова, младенецъ превращается въ русалку. Утопленницы тоже превращаются въ русалокъ; но ихъ можно отличить по длиннымъ зеленымъ волосамъ, съ которыхъ непрерывно струится вода.

Многія изъ нашихъ малороссіянокъ, купааясь подъ «*лотоками*» мельницъ, видали какъ русалки, сидя на вертящемся мельничномъ колесѣ, чесали себѣ волосы, съ хохотомъ кидались съ колеса въ воду, шутили вертелись съ нимъ, и ныряли подъ мельницу съ крикомъ — куку! —

Русскія русалки, по словамъ г-на Сахарова поютъ таинственную пѣсню, которая такъ начинается:

Шивда, вивза, каланда, виногама;

Ййда, ййда, акумалима, битама;

Нуффаша, зивзама, охуто ми;

Колоцо, копоцама, копоцама;

Ябудалла, виггаза, мейда;

Ю, ја, о ю, ја цокъ, ю, ја, паццо, ю, ја, папаццо

Паць, паць, паць, паць, паць, паць, паць, паць.

Я полагаю, что наши малороссійскія русалки этаго не поютъ. Пятый стихъ немножко неблагопристойенъ, а седьмымъ наши малороссіянки кличуть свиней; но за то русалки малороссійскія любятъ задавать загадки. Если одна изъ нихъ спроситъ васъ:

«Ой що росте безъ кореня?»

отвѣчайте: — *камень*. По Линеевски говоря: *Lapides crescunt*.

«Ой що цвите да безъ цвиту?»

Отвѣчайте: — *папороть*. По Линеевски говоря: *Filix*. Если вы не будете отвѣчать, русалка васъ зашекочетъ.

По мнѣ все хорошенькія малороссіянки и великороссіянки, когда онѣ купаются,—русалки. Онѣ влекутъ васъ въ воду голосомъ, наружностью, не дотрогиваясь до васъ, щекочутъ васъ, и можно съ восторгомъ для нихъ утопиться.

Обратимся къ вѣдмамъ, которыя въ сравненіи съ русалками тоже что въ сравненіи съ Жуковскимъ—К Впрочемъ въ малороссіи есть вѣдмы и въ мужескомъ родѣ; это *вѣдмакы*; они, по счастью, очень рѣдки.

Вѣдма, во первыхъ, имѣетъ хвостъ; это главный признакъ, по которому она узнается. По несчастью, этотъ признакъ увидѣть довольно затруднительно. Случалось поймать иную вѣдму; коль скоро начиналась съ нею расправа, необходимая въ такихъ случаяхъ, оказывалось, что она не вѣдма, а самозванка.

Вѣдмы ходятъ въ длинныхъ рубахахъ, распустя волосы; онѣ доятъ до крови коровъ; превращаются въ клубокъ, въ кошку, въ различные и безчисленные фантастическіе образы. Я помню, какъ въ дѣтствѣ моемъ рассказывалъ мнѣ дядька мой о своей встрѣчѣ съ вѣдмою. Онъ взялъ съ барской конюшни лошадь тайкомъ съ тѣмъ, чтобы за ночь съѣздить изъ села Туровки въ село Рудовку въ нашъ тамошній господскій дворъ, и обратно. По какимъ дѣламъ ѣхалъ онъ туда, это дѣло постороннее. Онъ отѣхалъ версту, другую, вдругъ видитъ море передъ собою; море тамъ гдѣ даже и лужи не бывало; испуганный, онъ понялъ тотчасъ, что вѣдма разлилась водою; онъ назадъ, море за нимъ, лошадь въ свою очередь, испуганная, скачетъ какъ не тронется грудью къ землѣ, и только у села море оставило его, чуть не нагнало. Бываютъ такіе же случаи.

Въ сказаніяхъ г—на Сахарова списаны три пѣсни вѣдмъ на лысой горѣ, на обыкновенномъ шабашѣ, и на шабашѣ роковомъ.

Вѣдмы изгоняются травой плакуномъ. Главныя собранья ихъ бывають въ Кіевѣ, на лысой горѣ, въ Ивановскую ночь. Они со всей Малороссіи улетаютъ туда черезъ трубу печи (комынь) на помель, или *вилкажъ* или *лушпль*, но сперва для этаго натираются подъ мышками отваромъ вѣдемскихъ травъ, и въ особенности отваромъ тырлыча.

Повѣрья въ мертвецовъ, возвращающихся къ женамъ своимъ, навѣщающихъ родныхъ, знакомыхъ и хозяйство—это повѣрья общія, принадлежащія всѣмъ народамъ въ древности и въ наши времена. Ихъ существованіе понятно. Потеря любимого человѣка, разлука съ нимъ навсегда, пустота въ жилищѣ и въ обществѣ, которую онъ оставляетъ по себѣ на нѣкоторое время, все располагаетъ и сердце и умъ къ вѣрѣ, что онъ навѣщаетъ насъ, что онъ не совсемъ покинулъ міръ. Это повѣрье принадлежитъ и малороссіянамъ. Декабря 7-го, въ 1844 году пришелъ ко мнѣ приходской священникъ и просилъ меня, чтобъ я приказалъ разслѣдовать, кто разрываетъ каждую ночь могилу войта, умершаго отъ холеры въ сентябрѣ. Я спросилъ, не собака-ли, если войтъ имѣлъ любимую собаку?—Мнѣ сказали, что войтъ дѣйствительно имѣлъ собаку, которая была къ нему очень привязана; но что эта собака постоянно ночуетъ въ дворѣ у хозяйки своей. Я приказалъ тайно ставить достаточное количество сторожей и схватить шалуна, который тревожитъ село. Разошелся-ли слухъ объ этомъ приказаніи или 15 градусные морозы тому причиною, только разрытие могилы прекратилось. Но во всемъ селѣ заговорили, что покойникъ приходитъ къ женѣ своей, шумить, стучить, разрываетъ кровлю, мучитъ скотъ и лошадей. Этого не довольно: жена жаловалась, что мужъ дѣйствительно ее посѣщаетъ и проситъ священника сотворить молитву надъ могилою.

Но, какъ я сказалъ о вѣдомскихъ травахъ, то должно упомянуть о травникѣ колдуновъ, вѣдьмъ и знахорей.

IV. ЗНАХОРСКАЯ БОТАНИКА.

Плакунъ собирается на утренней зарѣ въ Ивановъ день; его корень выкапывается безъ заступа и безъ ножа. Онъ изгоняетъ домовыхъ, вѣдьмъ и нечистую силу, стерегущую клады.

Попоротникъ собирается противъ Иванова дня; этой травы нуженъ цвѣтъ. Но онъ цвѣтетъ только въ полночь и охраняемъ нечистою силою. Въ глухую полночь показывается почка цвѣтка, эта почка движется и прыгаетъ, съ каждымъ мгновеніемъ увеличивается, принимаетъ цвѣтъ раскаленнаго угля, ровно въ 12 часовъ съ стрескомъ развертывается и пламеннымъ цвѣтомъ все освѣщаетъ вокругъ, но въ тоже самое мгновеніе нечистая сила срываетъ его. Итакъ, кто хочетъ его добыть, долженъ идти съ вечера въ лѣсъ, отыскать кустъ попоротника, стать возлѣ, очертить себя и траву. Когда нечистая сила станетъ звать или пугать, заговорить иногда голосомъ родни, невѣсты, не должно оборачиваться, оглядываться. Кто оглянется, у того голова такъ и останется, а иногда еще и задушитъ. Кто сорвалъ цвѣтокъ, тому бояться ужъ нечего; онъ отыскиваетъ клады, можетъ стать невидимкою, владѣть землею, водою и даже нечистою силою. Стоитъ подбросить цвѣтокъ вверхъ, и если онъ будетъ носиться звѣздою надъ какимъ нибудь мѣстомъ, потомъ прямо на землю упадетъ, смѣло начинайте рыть, подъ тѣмъ мѣстомъ яладъ.

Прикрытъ, эта трава употребляется противъ свадебныхъ наговоровъ; ее собираютъ съ 15 Августа по 1-е Октября, т. е., между первой Пречистою и Покрова.

Нечуй-снитеръ растеть знойю на берегахъ рѣкъ и озеръ. Его собирають съ 13 Декабря на 1-е Генваря, въ полночь. Зрячіе не могутъ его находить; для этого надобно просить слѣпыхъ, они чувствуютъ присутствіе этой травы; приближеніе къ ней имъ глаза колетъ. Она полезна при переправахъ чрезъ рѣки и рыбалкамъ.

Сонъ-трава; темногубой цвѣтокъ ея распускается въ Апрѣль. Въ 1829 году въ Телеграфѣ, и въ 1832 году особенной книжкою я издалъ описаніе почти всѣхъ этихъ травъ въ стихахъ. Цвѣтокъ сонъ-трава должно класть подъ подушку, и что приснится, то сбудется.

Тырлычь растеть и собирается только въ Кіевѣ, преть Ивановымъ днемъ, на лысой горѣ; но какъ въ эту ночь всѣ вѣдьмы туда слетаются, то изъ партикулярныхъ людей только тотъ можетъ имѣть тырлычь, кто прежде добылъ плакунъ.

Разрывъ; эта трава разрываетъ всякій металлъ въ мелкие куски; замки подземельевъ, оберегаемая нечистою силой, могутъ быть отперты только разрывомъ. Но эта трава необыкновенно рѣдка, и сами знахоры очень дорого за нее платять. Кто имѣетъ плакунъ и папоротникъ, тотъ можетъ найти и разрывъ.

Уосики отъ того листь дрожить, что продавши Христа Іуда на ней удавился. Съ тѣхъ поръ этимъ деревомъ, затесава изъ него колъ, полезно упырей пробивать, если они выходятъ изъ гробовъ, мучить живыхъ.

Есть травы у насъ въ малороссіи, которыя превращены въ злакъ изъ людей; на примѣръ: василекъ, *суанси*, или Иванъ да Марья.

Василекъ, не душистый, а самородный растеть на поляхъ пахатныхъ и наиболѣе во ржи, называемый у насъ «волошки»; это молодой челобѣкъ, прекрасный собой, одинъ сынъ у матери,

котораго красавица русалка приманила на Тройцынъ день въ поле, защекотала и превратила въ цвѣтокъ.

Иванъ да Марья, *melamprugum nemogosum*, описанъ въ слѣдующей народной пѣснѣ:

Край долины глыбокій
Стоявъ теремъ высокій;
Изъ подъ того терема
Выходила удова;
Выходила удова
Чернобрива, молода;
Чернобрива, молода!
Повирь меду и вына.
Я-жъ навиру не продамъ,
Бо на тоби жупанъ дранъ;
Хоть на мена жупанъ дранъ,
Подъ жупаномъ златъ гаманъ.
Колы кажешъ златъ гаманъ,
Я за тебе дочку дамъ;
Ой хочь дочку не дочку,—
Вирисеньку наймычку.
Въ суботоньку змовлялы,
Въ недилоньку звянчалы.
Сталы вони винчатъся,
Сталы вони й пытатъся:
Козаченьку молодой,
Видкиля ты родонькомъ?
«Я зъ Кіева, Йваненко,
«По прозвыщу Войтенко.
«Дивчынонько молода,
«Видкиля ты родонькомъ?»
—Я зъ Кіева, Йванывна,
По прозвыщу Войтывна.—
«Якій теперь свить наставъ,
«Що братъ сестры не пизнавъ!
«Якы й попы насталы:

«Сестру въ братомъ звинчаль!
«Ходимъ, сестро, въ темный лисъ,
«Нехай-же насъ звирь взіистъ.»—
—Ходимъ брате, до бору,
Станемъ зильемъ, травою:
Ой ты станешъ жовтый цвѣтъ,
А я стану сывій цвѣтъ;
Хто цвѣточка увире
Сестру зъ братомъ зюмане.

Барвинокъ, душистый василекъ, гвоздика, все имѣеть свое назначеніе. Но одно изъ прелестныхъ поэтическихъ преданій, переданное мнѣ молоденькою крестьянкою, это «сочетанье душъ.»

Однажды, я спросилъ у нее, почему она отказала такому-то жениху. Она отвѣчала: «онъ вдовецъ». Такъ чтоже?—«На томъ свѣтѣ жена его у меня его отниметь; они любились.»—А если-бы ты была вдова?—«Вышла-бъ, а на томъ свѣтѣ мы-бъ размѣнялись.»—И вотъ причина, что холостые здѣсь не охотно вступаютъ въ бракъ съ овдовѣлыми.

Множество секретовъ есть о болѣзней и чарѣ. Знахари и знахорки наиболѣе лѣчатъ отъ соняшницы, сглазу, грызи, размывки, зубовъ, змѣй, переполоху и куриной слѣпоты. Такъ-же надобно умѣть откручивать закрутки, ловить змѣй, гасить пожаръ.

V. БОЛѢЗНИ ОСОБЕННАГО РОДА И ЛЕЧЕНЬЯ ИХЪ.

Соняшница, боль въ желудкѣ. Ее лечутъ такимъ образомъ: больному на животъ ставятъ миску воды въ три штофа; зажигаютъ паклю пеньковую на животѣ; послѣ этого кружку ставятъ въ миску и начинаютъ заговоры, которыхъ не слышно, потому что больная ужасно кричить.

Сглазу; эта болѣзнь происходитъ отъ дурнаго глаза, который на васъ посмотрѣлъ; она еще называется «уроки.» Про-

тивъ этой болѣзни берутъ воды нѣкъмъ не питой и не отвѣданной, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ *четверговой* соли; все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, плюютъ три раза въ сторону; нечаянно сбрызгиваютъ больнаго три раза; даютъ хлѣбнуть три раза; вытираютъ грудь противъ сердца, заставляютъ рубашкой обтереть лицо, остальную воду выливаютъ подъ притолоку.

Иногда отъ сглазу употребляютъ заговоръ слѣдующій:

«Помогаешъ, вода явленна; очищаешъ вода явленна и «луги и береги и середину. Очищай ты, вода явленна, отъ «презора придуманна, погаданна и встричена, и водяного, и «витрянного, и жиноцького, и мужыцького, и дивоцького, и пару-«бицького; пойдить вы, уроки, на сорѣки, на луги, на очереты, «на болота, на моря.»

Прошептавши это, даютъ больному напиться святой воды, преимущественно крещенской.

Вотъ и еще заговоръ отъ сглазу.

«У моря калына, пидъ калыною дивчина; вона не знала «ни шыты, ни прясты, ни золотомъ гаптоваты; тыльки умила «и знала отъ раба Божого (имя) уроки и презоры выклькаты «й вызываты, на сухыи лиса посылаты. Уроки, урочища, чоло-«вичи й жоночи, парубочи й дивочи, хлопчачи, дивчачи й ды-«тячи, вамъ уроки, урочища у раба Божого (имя) не стояты, «жовтой косты не ломаты, червоной крови нѣ пыты, сердца його «не нудыты, бѣлого тѣла не сушыты; вамъ игы на мха, на «темны луги, на густы очерета, на сухы лиса.»

Дѣтей при рожденіи должно приниматьъ съ слѣдующими предосторожностями:

Нареченная кума должна взять уголь изъ печки, идти съ нимъ на перекрестокъ и перебросить его черезъ себя; это предохранительное средство *отъ сглазу*. Возвратясь, она беретъ

дита, кумъ беретъ хлѣбъ и водку въ гостинцы священнику; отъ священника идутъ оба они въ церковь; окрестивши младенца, они идутъ къ родильницѣ; на порогѣ встрѣчаютъ ихъ бабка и кто нибудь изъ мужчинъ; всѣхъ ихъ, кромѣ младенца, должно быть четверо; они другъ съ другомъ поцалуются; тутъ кума скажетъ: «вы дали намъ роженного, а мы вамъ мольтвеного и крещеного; бабка принимаетъ дитя, кладетъ его на черный овечій тулупъ, чтобъ у него скотъ водился; потомъ относить его къ матери, и идетъ обѣдать со всѣмъ обществомъ. Первые куски со своей тарелки кума отправляетъ къ родильницѣ; баба подаетъ узваръ изъ грушъ, ей за это кладутъ деньги; у кого нѣтъ денегъ, тотъ говоритъ: «я завтра, бабуся, прыду до васъ петрушку полоть.» Послѣ узвара кума подноситъ водку, и ей кладутъ на подносъ деньги; послѣ обѣда эти деньги высыпаютъ на колѣни родильницы.

На другой день приносятъ ведро воды; бабка починаетъ его: наливаетъ въ кувшинъ, высыпаетъ туда ржи, овса и проса; на полу кладетъ топоръ обухомъ внизъ, остриемъ вверхъ, кладетъ на него вѣнокъ изъ травъ, наступаетъ тихонько на острие; потомъ подымаетъ топоръ три раза, насѣкаетъ вѣнокъ и севозь этотъ вѣнокъ изъ кувшина подаетъ родильницѣ умыться. Слустивши воду съ руки по локтю и принявъ ее въ другую руки, родильница изъ горсти прежде правой, потомъ лѣвой напьется; потомъ ей потрутъ этою водою крестообразно грудь, для прибавленія молока, и подадутъ полотенце, чтобъ отереться. Тогда родильница садится за столъ вмѣстѣ съ мужемъ; бабкѣ подаютъ хлѣбъ, соль и водку; потомъ даютъ ей денегъ, она покупаетъ водки и угощаетъ всѣхъ отъ себя. Эта церемонія называется: *размывки*. Родильница и бабка очищаются отъ всего нечистаго посредствомъ воды; младенца-же равно какъ и родильницу предохраняетъ отъ сглазу вѣнокъ.

Грызъ, ломъ въ рукахъ или ногахъ. Ее лѣчатъ слѣдующимъ лекарствомъ: призываютъ мальчика или дѣвочку—первенца или послѣдне-рожденнаго, т. е., познихырочку; даютъ этому ребенку кусать слегка больную ногу или руку за локоть или за колѣно; послѣ каждаго укушенія долженъ ребенокъ плюнуть; болѣзнь тотчасъ пройдетъ.

Укушеніе змьи; это лѣчатъ заговоромъ:

«Заклинаю васъ, гадюки, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и св. великомученика и побидоносца Георгія и всеми небесными силами. Заклинаю тры царыци: Куфію, Невію и Полю, щобъ не вредылы (старцу или младенцу по имени) волосомъ (цвѣтъ волосъ).»—Потомъ читаютъ молитву: Пресвятую Тройцу пять разъ и Отче нашъ семь разъ; если змѣя очень ядовита, то читаютъ заговоръ три раза.

Зубная боль; отъ нее есть заговоры предостерегательные и заговоры излѣчающіе. Начнемъ съ предостерегательнаго:

«Тоби, мисяцю, сповни; мени на здоровье. Тоби, мисяцю, насвѣтитыся, мени по свѣту надывытыся, добре находытыся.»

Это говорится къ молодому мѣсяцу, увидѣвши его въ первый разъ и съ правой стороны. А вотъ излѣчающіе:

«Мисяць у неби, мертвецъ у гроби, камень у мори; якъ тры браты до купы зберуться и будутъ бѣннеть роботы, тоды у мене зубы будутъ болиты.»—

«Ты, мисяцю, Адаме, молодыгъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болятъ?—У мертвого зубы николы не болятъ, косты задубилы, зубы занимилы; николы не будутъ болять. Даруй, Господы, щобъ у мене раба Божого нароженого, мольтвенного, крещеного (имя) зубы занимилы, николы не болылы (три раза повторить).»—

Курына слѣпота, Hemeralopiam; человекъ не видитъ ничего по захожденіи солнца; этой болѣзни родня деготь. На-

добно нагнуться надъ мазницею и просить деготь, чтобъ онъ отозвалъ куриную слѣпоту, или помѣрять ниткой страстную свѣчу, сжечь нитку, и напитокъ воды, смѣшанной съ золою нитки.

Переполохъ; болѣзнь, происходящая отъ испуга. Отъ этой болѣзни зажигаютъ страстную или обручальную свѣчу; ставятъ мыску съ водою, и на свѣчѣ льютъ олово въ воду; пара, поднимающаяся въ это время изъ воды, есть нечистая сила, бѣгущая отъ больного.

Раны лѣчатъ колосьями тростника, называемыми «куница.» Пережигаютъ, стираютъ въ порошокъ и засыпаютъ раны.

Испугъ дѣтскій животнымъ или птицею лѣчится шерстью или перьями того животнаго: ими окуриваютъ больного.

Нарывы излѣчаются прикладываньемъ заячаго мѣха, намазаннаго сметаною по шерсти.

Поносъ—перезженнымъ макомъ, посыпаннымъ на ломоть хлѣба.

Лихорадка—горькими травами, заговорами, а въ Кременчугскомъ уѣздѣ слѣдующимъ образомъ: должно разрѣзать грецкій орѣхъ по поламъ, вынуть зерно, посадить въ скорлупу большаго паука, сложить половинки вмѣсто, залѣпить ихъ воскомъ, связать накрестъ ниткою и надѣть больному на шею.

Боязнь грома излѣчается хлѣбомъ, на которомъ есть цвѣль: надобно ѣсть этотъ хлѣбъ во время грозы.

Въ другихъ болѣзняхъ очень полезны травы: петривъ батыгъ (цикорія), шевлія (шалфей), конвалія, любыстокъ, чабрець, и просерень.

Тайны-пожаръ гасить, разкручивать закрутки и ловить змій принадлежать не многимъ, но въ числѣ немногихъ и мнѣ.

Когда *ужь* начнет глотать жабу, схватите лѣвою рукою ужа подъ жабры, а правою, съ помощью палочки, избавьте жабу отъ смерти. Съ этой палочкой обойдите загорѣвшійся домъ и пожаръ погаснетъ.

Закрутку уничтожить гораздо труднѣе. Тутъ ужъ нечистая сила дѣйствительно замѣшана. Закрутку дѣлаетъ дурной и злой сосѣдъ по ненависти къ сосѣду; онъ завиваетъ колосья ржи на сосѣдской нивѣ, загинаятъ колосья концами отъ солнца и дѣлаетъ завязку. Семейство хозяина въ ужасѣ; если онъ съѣстъ хлѣбъ съ этой нивы—неминуемая гибель постигнетъ его и всю его семью.

Тотчасъ надобно запречь въ телѣгу неѣзженную лошадь, взять подстилку изъ свиннаго логва, положить на телѣгу, и скакать на ниву во весь духъ; этою подстилкою должно накрыть *закрутку*; но съ предосторожностью: не дотрогиваясь рукою до *закрутки* и до ее стеблей; не то, опять бѣда. Сдѣлавши это, опять скакать во весь опоръ домой и не оглядываться; въ противномъ случаѣ нечистая сила евернетъ голову на сторону. Приѣхавъ домой, занречь лошадь поѣзженную, набрать въ телѣгу конскаго навозу и ѣхать въ поле, пожалуй, хоть рысью, хоть шагкомъ. Этимъ навозомъ обложить корни стеблей, на которыхъ сдѣлана *закрутка*.

Ловля змѣй—другое дѣло; на счетъ этого слѣдовало-бы сдѣлать опытъ; что, впрочемъ, весьма легко. Здѣсь чисто тайна природы, переходившая изъ рода въ родъ, быть можетъ, въ продолженіи вѣковъ и нынѣ открытая. Но должно ее извѣрить, чтобъ убѣдиться въ ней. Вымыть платье въ щолокѣ изъ *ясеновой золы*, напрыскаться отваромъ коры, листьевъ, стружекъ ясеновыхъ; натереть тѣмъ-же отваромъ руки и подходить смѣло къ змѣѣ; она теряетъ способность кусать, становится почти неподвижною, вздрагиваетъ, жметса къ землѣ при ва-

шемъ приближеніи. И наконецъ если вы станете ее трогать, она издохнетъ. Капнуть на нее ясеневою настойкою она 5 минутъ не переживетъ; отъ укушенія змѣи мазать деревяннымъ масломъ ранки и обмывать ихъ ясеневою настойкою.

Теперь должно сказать о примѣтахъ по животнымъ.

VI. ПРИМѢТЫ ПО ЖИВОТНЫМЪ.

Если *дятель* долбитъ стѣну дома, это не насѣкомыхъ, не шашели онъ ищетъ; онъ предсказываетъ хозяину смерть.

Если *тараканы* вдругъ оставляютъ избу, въ которой они долго жили, будетъ въ ней пожаръ.

Если *фильмъ* кричитъ на домѣ, кто нибудь въ немъ умретъ.

Если *собаки* воютъ подъ окнами, или роютъ посреди двора ямы, это значить, что опять кто нибудь умретъ. Если собаки съѣвъ, какъ онѣ садятся обыкновенно, стануть ѣздить по полу—будутъ гости.

Если *котъ*, полизавъ свою лапу, умываетъ ею морду—будутъ гости.

Если *мыши* появляются въ большомъ количествѣ въ домахъ будетъ холодъ; если-же въ гумнахъ—будетъ голодъ.

Если *конь*, выѣзжая со двора, станеть упирается или спотыкнется—будетъ неудача.

Если *кукушка* въ первый разъ кричитъ и въ это время есть у васъ въ карманѣ деньги, то какія есть, такого сорта будутъ и вестись цѣлый годъ.

Если *аисты* улетаютъ изъ двора неожиданно и не возвращаются въ гнезды, то или будетъ пожаръ или дворъ запустѣетъ.

Если курица запоет пѣтухомъ, то произойдетъ что нибудь необыкновенное; но это очень рѣдко случается.

VII. ЛЮБОЩИ.

Любощи составляютъ одно изъ самыхъ интересныхъ повѣрьевъ; это повѣрье у всѣхъ народовъ есть и никогда не истребится; потому что любовь есть и всегда будетъ у всѣхъ народовъ. Страсть пылкая, жгучая, не вознагражденная взаимностью, омрачаетъ умъ и заставляетъ вѣрить всему, что можетъ подать хоть малую надежду на блаженство, выше котораго на землѣ нѣтъ.

Часто это желанье нравиться основано на расчетахъ интереса. Въ томъ и другомъ случаѣ средства одни; должно прибѣгнуть къ любощамъ.

Мнѣ рассказывалъ одинъ пріятель, человѣкъ очень вѣрный, слѣдующій случай: родной дядя и лучший другъ его былъ не здоровъ; служанка, очень хорошенькая, терла ему ноги; самъ онъ сидѣлъ возлѣ больного на кровати. Еще на канунѣ замѣтилъ онъ, что дѣвушка что-то тайкомъ положила подъ голову его благодѣтеля; онъ не рѣшался однакожь иначе ему донести о томъ, какъ поймавъ «чаровницу» на дѣлѣ. Весьма ловко, передъ самою тою минутою, когда должно было начать треніе ногъ больному, она мгновенно выхватила что-то изъ за пазухи, и начала этимъ тереть ноги господина; не менѣе ловко молодой человѣкъ схватилъ ее за руку подъ одѣяломъ, открылъ одѣяло, и сжавъ руку дѣвушки притянулъ ее къ больному. Въ рукѣ нашлась какая то лепешка; вслѣдъ за тѣмъ изъ подъ подушки вытащили какія то травы, локонъ волосъ этой дѣвушки, уголекъ и проч. Дѣлать было нѣчего, должно было признаться;

она хотѣла «до себе пана прывернуть.» Разумѣется, что кляшница, довольно строгая, какъ всѣ кляшницы обыкновенно, и довольно скупая, на этотъ разъ очень щедро подарила ее урокомъ противъ любощей.

Въ старину эти любощи были въ большомъ употребленіи: въ особенности должно было остерегаться отъ нихъ господамъ. Желанье быть любовницею барина, имъ овладѣть и потомъ властвовать надъ всѣми своими равными, увлекало служанокъ употреблять знахорскія тайны. Но иногда нельзя дойти до барина; никакой связи съ нимъ нѣтъ и развѣ только жалобу или просьбу можно ему принести; что же тогда дѣлать? и на это есть средство: лѣтъ за сорокъ пять тому назадъ у моего дѣда въ домѣ жила служанка бабки моей, тогда уже покойницы. Необыкновенно злая, интригантка, сплетница, ненавидимая всею дворнею, она не имѣла случая даже приблизиться къ дѣду моему. Напрасно она старалась обратить на себя его вниманіе, то встрѣчами съ нимъ, то лишними поклонами; онъ даже не замѣчалъ ее. Она прибѣгнула къ какому то знахору; въ слѣдствіе чего дождалась первой ясной ночи во время полнолунія, и, полагая, что въ дворѣ спать, раздѣлась совершенно, стала противъ оконъ спальни моего дѣда, въ которой огни были погашены. Тутъ, распусая косу и раскинувъ руки по воздуху, она начала кружиться сколько силъ подъ мѣсяцемъ. Дѣдъ мой стоялъ у окна, и видѣлъ всю продѣлку; онъ послалъ камердинера, который подкрался и схватилъ волшебницу; другой человекъ былъ посланъ къ дворецкому; а этотъ, съ помощью дворянскихъ, не далеко откладывая, тутъ же подъ мѣсяцемъ далъ ей довольно чувствительное наставленіе, котораго содержаніе она всегда помнила. Она уже была старухой, свободной, и злѣе чѣмъ когда нибудь; мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Окончивъ курсъ ученья, я пріѣхалъ изъ Петербурга въ Малоросію; мнѣ расказа-

зали подробности жизни этой старухи, къ которой я имѣлъ непреоборимую антипатію, и я не могъ встрѣтить ее, не спросивъ: что съ нею говорилъ дворепкій покойнаго дѣдушки моего передъ спальнею въ полнолуіе. Разумѣется, что на 'вопросъ она отвѣчала ужасными ругательствами.

Впрочемъ здѣсь дѣйствовала только страсть къ интересу; страсть истинной, несчастной любви увлекала иныхъ до того, что они не боялись давать жестокому предмету любви любви внутри. Послѣдствія такъ хорошо описаны въ одной изъ нашихъ простонародныхъ пѣсень, что я вмѣсто описанія прилагаю пѣсню.

Не ходы, Грыцю, на вечерныци,
Бо на вечерницахъ усе чаровныци.

IX. С В А Т Ъ Б Ы.

Обрядъ 1-й.

Сынъ приходитъ къ отцу и кланяется ему въ ноги: «тату, позволте мени женыться!»—Боже тебе благослови!—Отвѣчаетъ отецъ, даетъ ему паляницу или буханецъ и говоритъ: «пыйды-жь попросы въ старосты кого знаешь, и ступай, куда тоби вгодно».

«Про мене, сынку, хочь свынку,
«Абы на мене не роккала.»

Молодой избираетъ старость, приноситъ полкварти горѣлки; отецъ, мать, старосты и молодой пьютъ могорычъ; молодой беретъ большой хлѣбъ на поклонъ отцу невѣсты и ведетъ старость, куда знаетъ. Старосты входятъ въ избу; женихъ остается гдѣ нибудь въ скрытномъ мѣстѣ. Въ избѣ старосты кланяются хозяину хлѣбомъ, и этотъ хлѣбъ кладутъ на столъ. Хозяинъ говоритъ: «садте у мене!»—Усѣвшись на скамьяхъ, послѣ

минутнаго молчанія, старосты говорятъ хозяину: «що-жъ, свату, «мы до тебе прышлы не сидить, а говорыть и сватать дивны «за Андрія Юрковича Чарнышенка.»—Я сей годъ не намірень отдавать; у мене нема ничего изготовленного, щобъ сватьбу гулять.—«Щожъ, свату, тоби еи до вику не держать, а треба «оддавать; намъ вашого хлиба й достатку не щытать; а ка- «жется, за сіюго хлопца можно оддать.»—Э, добры люде, вамъ то кажется, що можно, а мени й не можно. У мене теперь и хлиба нема й горилки ни за що купыть; я сіюго не ождыдавъ.—«Сіюго у насъ николы не мае, а якъ прыдется, «то щобъ було!»—Що-жъ, добры люде! я не знаю, якъ ихъ любовь; позовить, що вона скаже?—

Изъ двухъ старость одинъ старшій, другой младшій. Старшій староста говоритъ младшему: «добре; пыйды, старосто «меньшій, поищы еи.»—Младшій староста идетъ къ невѣстѣ, беретъ ее и приводитъ къ отцу. Она должна стать возлѣ печя, «у комына.» Она говоритъ отцу:—я паробку ганьбы не даю и замужь не пойду.—Отець и мать начинаютъ ее бранить: «на що-жъ ты, суча дочко, старостывъ намъ навела, а насъ «и не пыталась?»—Хыба я имъ наказовала, або за имы по- емлала, щобъ мене сваталы? Я еномъ и духомъ не знаю.

Ее начинаютъ уговаривать старосты: «що-жъ дивчыно, тагъ тоби не прожить и батько й маты тебе не будутъ при собі держать, а треба оддавать; то ты подумай и насъ не воло- водь; колы ты намірена—скажи однимъ словомъ и благосло- высь у батька й матеры.»

— Всѣ молчатъ, это молчаніе довольно долго продолжается; его прерываетъ отецъ:

«Що-жъ ты, суча дочко, ничего не одвичаешъ; чы ты «согласна, чы ни? говоры, а людей не держи.»—Що-жъ тату

И мамо ваша воля отдавать и не отдавать, а мени у васъ до вику не жыть.

Отець встаетъ, проходитъ по хатѣ взадъ и впередъ, принимая видъ задумчивости, потомъ обращается къ дочери:

«Такъ, суча дочко! сама сватаешся, а намъ и не кажешъ; а зъ чимъ ты пійдешъ?... Напряла? наткала? прыдбала?... чортового батька! а замужь рыгнешъ!»

Послѣ довольно долгаго молчанія, онъ обращается къ старостамъ:

«Що-жъ, добры люде, уведить вашего молодого; що тамъ «такее? покажить на лице; чы вы може прышли насміяться тыльки?»—А якъ-же то можно насміяться; отвѣчаетъ староста;—мы люде проханы не на смихъ, а казать дило; отъ вамъ позовемъ и молодого. Потомъ говоритъ къ младшему старостѣ: «пійды да позовы, де вынъ е.»

Женихъ входитъ, кланяется отцу и матери, цалуеть ихъ въ руки; невѣста, оборотясь лицомъ къ печкѣ, закрываетъ лице, какъ будто стыдась, т. е., соромляется. Отець ея говоритъ жениху; «ну колы ты нашъ зять, прошу сисы.»—Потомъ невѣстѣ: «а ты, дочко, колы іого любышь, то шукай рушныки.»

Старшій староста беретъ ее за руку, приводитъ къ отцу и матери и говоритъ: «просы благословенья и кланяйся до ногъ тры раза.»

— Дочь кланяется: «благословить, тату и мамо!»—«Боже тебе благослови!» отвѣчаютъ отецъ и мать. Молодая вноситъ старостамъ рушныки, а жениху хустку кладетъ на тарелку и ставитъ передъ ними на столѣ. Старосты берутъ рушныки и перевязываютъ себя ими черезъ правое плечо подъ лѣвую руку, говоря: «спасыбу свату, и сваси, и молодой княгыни, що вона «ставала и рушныки пряла старостамъ. Возьмы-жъ, батькова «дочко, хустку, да пощупай у молодого ребра; ты за іого

«Идешъ, а у його може й ребра не мае.» Невѣста беретъ хустку и затыкаетъ ее жениху за поясъ; старосты и женихъ кладутъ на тарелки по грошу и ставятъ полкварты горѣлки, т. е., могорыча. Имъ подають закуску: хлѣбъ, соль, капусту, рыбку, что у кого есть. Закусивши, старосты прощаются и говорятъ отцу: «ну, свату, теперъ просымъ до насъ». Потомъ, раскланявшись, уводятъ молодаго.

Обрядъ 2-й.

Отецъ и мать жениха на другой день приходятъ къ отцу и матери невѣсты, т. е., къ своимъ свату и свахи. Эти просятъ ихъ сѣсть; кварта, а когда можно и полведра горѣлки стоитъ на столѣ передъ ними, они пируютъ и ведутъ обрядный разговоръ: «ну, сваты, вы мене знайте, и на пидмогу горѣлки видра два дайте, а у мене багато не требуйте.»—А що-жь, свату, по нашимъ достаткамъ, мени не треба ничего.— «Э, ни-бо, брате свату! такъ якъ у людей, щобъ и въ насъ було. Ось ну лышь, роспережыся, да купы отсе що мы будемо требоваты: ридному батьку полотна на сорочьку; матери на-митку; хрещеному батьку платокъ, родычамъ нашимъ десять хустокъ и хресной матери намитку; да щобъ воны за твоею дочкою не сожалилы, и очей не выбывалы, а намъ за неи для ху-стынны не видцураться родынкы, то усе оддай.»—Добре свату! що-жь ты багацько такъ потребуешъ?—«а що-жь, свату? намъ родни не видцураться; що треба, то що годытся.»—Добре, свату, купить же й нашему роду дви пары чобить, панчохи й двадцать калачивъ, десять очипковъ, два аршына стювжы; а молодую хоть и безъ очипка возьмечь.—Кончивъ условие, сваты и свахи пьютъ могорычъ вволю; закусывають саломъ, картофелемъ и пр., судя по состоянню и по постнымъ или ско-

ромнымъ днямъ. Подгулявши, встають, благодарять Бога; отецъ и мать жениха просятъ свата и сваху своихъ къ себѣ въ гости.

Обрядъ 3-й.

Отецъ и мать невѣсты приходятъ въ домъ къ родителямъ жениха. Угощеніе происходитъ обыкновенное и, разумѣтся, съ достаточнымъ количествомъ горѣлки. Въ тоже время невѣста собираетъ по селу дѣвушекъ, женихъ собираетъ парубковъ и идутъ къ невѣстѣ въ домъ. Женихъ приноситъ горѣлку и приводитъ музыкантовъ, невѣста приготовляетъ блины, пампушки и проч. Часа три идетъ у нихъ пиръ, ужинъ и пляска.

Обрядъ 4-й.

К О Р О В А Й.

Собираютъ въ домъ жениха женщинъ дѣлать коровай; онѣ входятъ и спрашиваютъ: «чи е въ васъ мука?»---Е.--- Отвѣчаетъ головатая маты.---«Дакъ, давайте-жъ!»---Вносятъ муку двухъ сортовъ: пшеничную и ржаную. Коровайницы сѣютъ и учиняютъ; когда взойдетъ тѣсто, онѣ дѣлаютъ изъ пшеничной муки большой хлѣбъ, а дно, т. е., нижнюю корку дадутъ ему изъ ржаной; тогда коровайницы начинаютъ пѣть:

Засвѣты Боже изъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було виднесенько
Краваты дрибнесенько.

* * *

Ой піду я, погуляю,
Стану подумаю:
Да чи мени волю браты,
Чи коровай, може, бгаты.

* * *

«Старша дружечко,

«Подивись в окошечко:

«Чи високо сонечко на небі?

«Чи багато боляр на дворі?»—

Багато не багато, тільки з їх

Кращій Івашко одо всіх.—

Ой ви, бояре, яснія соколоньки,

Чом же ви до нас нерано принхали?

Чи ви, бояре, кониковь добували?

Чи ви, бояре, жунаивь пожычали?

— Ой ви, дружечки, сывы голубочки!

У нас коньки посилланы стоялы

У нас жунаны побганы лежалы,

То у Івасечка ласковий пань—отченько

Забаривь нас ласковымы словами,

Наповавь нас сладкымы медами;

Прохавь нас прозьбою й грозьбою,

Щобь мы привезлы Марусеньку съ собою.

* * *

Заковала зозуленька

У садочку,

Прыхылившы головоньку

Икь лысточку:

Ой не буде сат зимою

Зелениты,

Тыльки буде изь подь снигу

Лысть чорниты,

А якь буде да литечко

Дай тепленьке,

Дакь в буде садовынка

Дай рясенька.

Заплакала дивчывонька

У свитлице,

Прыхылившы головоньку

До скамныця:
Ой чи буде такъ у свекра
Якъ у батька?
Ой чи пустыть на юлицю
Погулаты?
Лыхій свекоръ погулаты
Да непустыть;
Ой хоть пустыть молодую
Дай пригрустыть,
Иды, вды, дытя мое,
Не барыся:
У синечки, за дверечки
Да й верныся!
Увыйшовши у свитловьку
Поклоныся:
Ой спасьбу, мій батеньку,
Погуляла,
У синечкахъ, на дверечкахъ
Постояла,
И челядына у вычи
Не выдала.

*
* *

Да Андрійкова маты,
Да Анварійкова маты
Да по сонца ходить;
Да по сонца ходить,
Да сусидочокъ просить;
Да сусидочокъ просить.

Во время пѣнія, онѣ лѣпятъ изъ муки пшеничной шишки и птички. Птички по парно прилѣпляють къ хлѣбу, на минуту прерывая пѣсню словами: «Дай Боже, щобъ наши диты въ пари булы!» Когда должно коровай садить въ печь; тогда онѣ зовуть мушину и даютъ ему прозвание: «*кучерявый*».

Онѣ говорятъ ему: «кучерявый! выметы пичь, да посадишь «нашь коровай.»---Кучерявый выметаетъ и послѣ вмѣстѣ съ коровайницами поеть:

Кучерявый пичь выметае, (bis).
Вермянка въ пичь заглядае,
Въ щаслывому мвсти
Короваю снсты.

Посадивши коровай, онѣ кричатъ: «жонки до джы!» — Женщины берутъ дѣжу, въ которой творили коровай, носятъ ее по всей избѣ; подымаютъ выше себя и бьютъ ею три разъ въ сволокъ, припѣвая вмѣстѣ съ кучерявымъ:

Ой пичь, пичь на стовпахъ,
Да джы носить на рукахъ,
Наша пече. наша пече,
Намъ спечи коровай
Грече.

Потомъ говорятъ хоромъ: «да цѣлуйтеса, да милуйтеса коровайницы.» — Коровайницы обнимаютъ и целуютъ кучеряваго, головата маты приносить закуску и горѣлку, сажаетъ всѣхъ за столъ, угощаетъ, пока коровай спечется; вставъ изъ застола и Богу помолясь, вынимаютъ изъ печи коровай, обертываютъ его длиннымъ рушникомъ и кладутъ на столъ.

Въ это время подходятъ дѣвушки, т. е., дружки, чтобъ вильце вить, ихъ впускаютъ въ избу.

Обрядъ 5-й.

В И Л Ь Ц Я.

Въ назначенную для дѣвичь - вечера субботу въ домѣ у невѣсты происходитъ слѣдующее:

Поутру, въ то время, когда коровай пекутъ, она ходитъ по селу, собираетъ подругъ *у дружки*. Дружки поютъ:

Туда идутъ дружечки пышныя ;
Несутъ воны корогву якъ огонь ;
А на тоей корогви листовки ;
Тожъ нашон Марусеньки мысленьки.

*
* * *

Ой ходыла Марусенька по полю,
Ой тисным юлонки тисным ;
Да плела винокъ съ куколою ;
Да просыла матыньки просьбою,
Ой хоть просы доненьку не просы,
До вечера виночокъ доносы
А въ вечери дружечкамъ отласы.

*
* * *

Ой поле, поле полечкомъ
Туды ихавъ Андріечко конычкомъ ;
Да ризавъ ризки зъ березки,
«Бижы, бижы, коныченько, швиденько,
Тутъ наша Ганусенька близенько.»

*
* * *

Ой помалу дружечкы идите,
Пыломъ не пылыте,
Щобъ наша пава
Пыломъ не припала ;
Щобъ наша слава
По всѣмъ свиту стала.

*
* * *

Ой городъ, городъ, городынъ,
Приѣхавъ Андріечко челядынъ,
На воровомъ кони,
Въ голубомъ жупанъ.

Подходя къ избѣ жениха, дружки поютъ:

Застилайте столы,

Мостыте услоны,
Станавить кубочки,
Не далеко дружечки.

*
* * *

Сяду, паду ластовкою
Передъ синечками,
Передъ своею матинкою
Изъ своихъ дружечками.

Тутъ невѣста входитъ съ подругами въ избу жениха, чтобъ ему *вильце* вить.

Вотъ что значить вильце: молодой вырубливаетъ сосонку, елочку, а за неимѣніемъ — вышеньку; но предпочитаютъ деревья вѣчно — зеленыя; у меня въ саду однажды вырубилъ для вилы молодой — кедръ! Признаюсь, что я не очень былъ радъ свадьбѣ; лѣтъ пятнадцать ужъ прошло и я не могу забыть этаго. Итакъ женихъ вырубить сосонку, пригласить къ себѣ товарища или родственника и назоветъ *бояриномъ*. Бояринъ вносить это деревцо въ избу, даетъ ему названье — *вильце*, и втыкаетъ его въ *великій хлѣбъ*. Это не тотъ хлѣбъ, который играетъ роль съ начала сватъбы, и на которомъ лежатъ три житныхъ колоска и соль; хлѣбъ лежитъ на столѣ. Молодая говоритъ: «старосто, пане подстаросто, благословить старшу квитку вильцю звыты!» — Боже благословы! — Молодая съ дружанамъ садится за столъ, дружки поютъ:

Благословы Боже,
Благословы Боже,
Намъ вилечко звыты,
Сей домъ звеселиты;
Ой мы вильце вылы,
Да мы меду не пылы,

Да все тее пиво,
Зеленее вино.

Во время пѣсни, онѣ выютъ вильце; молодая подаетъ имъ по чаркѣ горѣлки. если нѣтъ меду; окончивъ дѣло, они встаютъ и идутъ въ домъ молодой вить вильце такимъ же порядкомъ и съ тѣмъ же припѣвомъ и тамъ: — *вить вильце* значить вить вѣнки изъ цвѣтовъ, изъ калины или изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ, когда нѣтъ натуральныхъ, и увѣшиваютъ букетами и увиваютъ вѣнками дерево, т. е. вильце.

Обрядъ 6-й.

Въ назначенную по условію и по возможностямъ субботу отецъ кличетъ жениха, кладетъ ему за пазуху паляницу и говорить:

«Пійды, сынку, попросы у дружки Степана и Грицька.»

Сынъ приводитъ Степана и Грицька; отецъ просить ихъ садиться и подбиваетъ горѣлкою, потомъ говорить:

«Услужить, мому хлопцевы: сходить до свата, договориться зъ сватомъ, скільки треба поизду, за коня, за мисто «й за квитку грошей, щобъ знали зъ чымъ иты завтра до «сватывъ.»

Дружки отвѣчаютъ: — такъ, батьку головатый! Ну теперъ давай намъ хлѣбъ и могоричь.

«Постойте, добры люде! а де стара? треба людей отира- «выты: а пійды стара, да унесы пляшку горѣлки, бо ты зна- «ешъ, що се дѣло важне, щобъ намъ очима не лупать; треба «дать людямъ по чарци, бо имъ треба съ своимъ дѣломъ «справляться, а нычь не стойть.»

Дружкò требуетъ молодого; поклонясь отцу и матери ставятъ «услонъ,» застилаютъ его кожухомъ шерстью вверхъ;

на немъ садятся отецъ и мать, и держутъ хлѣбъ съ кускомъ соли и съ тремя ржаными колосками, лежащими на хлѣбѣ.

Тогда дружка говорить: старосто, пане подстаросто! Благословить молодого князя отцю и матери отклонить! — «Боже «благословы, дружко.» Это требованье и отвѣтъ повторяются девять разъ; или выражаясь мѣстнымъ словомъ: *трычы по трычы, щобъ було девять разъ.* Дружка обвертываетъ свою руку хусткою, чтобъ голою рукою не трогать молодого, потомъ беретъ его за голову, подводитъ къ отцу и матери, и предъ ними наклоняетъ его голову; это называется «откланивае,» съ тѣмъ, чтобъ идти въ путь къ невѣстѣ; а между тѣмъ тотчасъ же кличетъ музыкантовъ:

«Веселы, веселы, веселы! скорій идить сюда!»

Музыканты приходятъ и начинаютъ играть, женщины поютъ:

1. Похилее дерево да ялыва,
Покирнее дитятчко да Анарійко;
Отцю и матци у ныженьки поклонився
И дрибными слязоньками да облывся.

Дружка откланиваетъ молодого и ведетъ его за столъ, говоря: «старосто, пане подстаросто! Благословы молодого князя «за столъ завесты.» — Боже благословы! отвѣчаетъ староста. Дружка беретъ молодого за хустку и ведетъ его за столъ. Женщины поютъ:

2. Ишовъ Андріечко на посадь;
Стричае його Господь самъ,
Изь долею щастливою,
Изь доброю годыною.

Молодого обводитъ дружка вокругъ стола три раза, сажаетъ его на покути, садится самъ возлѣ него и говоритъ: «старосто, пане подстаросто! обыщы ты мени батька голова того, або матирь, чи не булабъ ихъ мылость намъ по чарци

горилки дать, бо мы хочемъ въ Божу путь ити.»—Отець подходитъ и поднесши каждому по чаркѣ, ставитъ пляшку на столъ и отходитъ. Дружко говоритъ: «а що-жь? якъ бы ще и маты по одной дала на дорогу.»—Мать входитъ, подчуетъ, и потомъ обращается къ мужу своему: «ну, старый, я не «выновата, дала по чарци и теперь якъ хочешъ, старый, од- «правляй людей.»

Дружки встають, благодарять Бога, отца и мать; требуютъ у отца и матери пляшку горилки для свата на могорычь. Отець наливаєтъ полкварти или квартиру въ бутылку и отдаетъ дружку. Этотъ говоритъ: «старосто, пане подстаросто!»—Рады слушать!—Отвѣчаетъ староста.—«Благословить въ Божу путь пийты.»—Боже благословы!—Отець подаетъ дружку буханецъ. Дружко говоритъ: «а ходимо уси прошены и непрошены поклонны- «тыся батькови одъ молодого.»

Они идутъ къ избѣ, гдѣ невѣста живетъ; всѣ останавливаются на дворѣ; одни дружки входятъ въ избу, кланяются хозяйевамъ хлѣбомъ и солью и говорятъ: «свѣтъ и сваха кланяются хлибомъ и солью и просятъ васъ якъ бы не гаять «насъ: изыскать свое дитя и посадить за столомъ, а мы жъ «ий и пару уведемъ.»—Подождить!—говоритъ отецъ невѣсты. Начинаетъ ходить по избѣ то назадъ, то впередъ какъ будто съ безпокойствомъ и потомъ посылаетъ своихъ пріятелей къ невѣстѣ:—скажить, щобъ вона сей часъ була, бо до мене люде прышлы; треба имъ щось казать!—пріятели отыскивають и приводятъ дѣвушку къ отцу. Онъ обращается къ ней:

«А що се ты, дочко, крынешся? аже-жь ты се сама за- «вела; а черезъ тебе и мени покою нема; щось симъ людамъ «да треба казать, що прышлы до насъ; гей, хлопци, шукайте «мени кожухъ, да услынь, то мы знайдемъ свій порядокъ; а ну,

«стара, де ты? готово дело, щобъ намъ всю ныч людей
«не держать.»

— А нужь, батьку, сидайте да отклонить свое дытя!—говорятъ пріатели.

«Я, диты, заразъ! тыльки шукайте брата молодой.»

Если она не имѣеть брата, то родственникъ или даже посторонній молодой человекъ принимаетъ на себя роль брата. Его вводятъ; онъ говоритъ:—«старосто пане подстаросто, благословить батькови й матери сестру одклонить.»—Боже благословы!—отвѣчаетъ староста. Это повторяется трычы по трычы щобъ було девять разъ. Тутъ одклоняють невѣсту и зовуть музыкантовъ присланныхъ молодымъ.

«Веселы, веселы, веселы! а йдуть сюда! грай музыка!»—

Музыкантъ говоритъ: а нуте дружки спивайте голосомъ що у молодого. Дружки поють;

Похилее да дерево ялына;

Покарнее дытяточко Марусевька:

Отцю й матцю у ныженьки поклонилась.

И дрыбными слзопцьками да й облылась.

Братъ просится въ избу: «староста пане подстаросто!»—
Рады слухать!—«Благословить сестру за стылъ завести.»—
Боже благословы.—Это все повторяется какъ и прежде: трычы по трычы щобъ було девять разъ. Тутъ братъ сестру заводитъ за столъ, усаживаеъ ее и садится возлѣ. Видя что женихъ негдѣ посадить, дружки просятъ, чтобъ братъ уступилъ мѣсто: «устань, брате, а мы молодшого посадымо икъ Гащи въ пару.»—Братъ требуетъ за свое мѣсто денегъ или бочку горѣлки: «щобъ за сестрою зъ добрымы людьмы погуаять.» Дружки просятъ у невѣстинаго отца пляшку горілки: «якъ бы молодой брата изъ мѣста изкупить и молодого на тому мѣсти

посадить.»—Отець подаєть горилку, дружки наливають чарку и просятъ брата, чтобъ уступилъ молодому мѣсто.

Въ это время, а иногда часа четыре, женихъ стоитъ на дворѣ, не смотря ни на какую непогоду. Дружки говорятъ, обращаясь къ брату невѣсты:

«Молодой стоитъ на двори часа чотыри и просить, щобъ «и його у хату упустилы; то ты, брате, уступы намъ мисто «сеє, а мы тоби и завтра подякуемо.»

Братъ отвѣчаетъ: «налыйте-жъ хочъ чарку горилки теперь, а завтра мени оддасте бочку, що бъ и я за сестрою погулявъ; щобъ и мене люде знали, що сестра моя замужъ иде.»—Дружко подаєть ему чарку горилки и говоритъ: «пора, брате, «на выстуци, бо вже мы й такъ загаялись.» Братъ невѣсты выходитъ изъ застола, благодарить Бога и говоритъ: «ну, сестро! «Прощай до завтраго; а що ты намъ у двори и въ горѣди на «портыла черезъ гулянки, то я завтра изыщу. Ты мени батька «годувать не будешъ, а сама йдешъ прычь.»

Догда дружкѣ идетъ изъ избы за молодымъ, вводитъ его, останавливается на порогѣ и начинаєть трычи по трычы: «старосто пане подстаросто!»—Рады слушать.—«Благословить у сей честный домъ уступить, и молодого князя коло молодой посадить.»—Боже благословы!—Послѣ девятикратнаго повторенія этой формулы, дружкѣ вводитъ жениха и сажаетъ его на мѣстѣ брата, по лѣвую руку отъ невѣсты. Потомъ говоритъ:

«Старосто, пане подстаросто; обыскайте сіому дому батька «головятого або матирь, чы не булабъ ихъ мылость хлиба— «солы поставыть, такъ ягъ мы люде дорожни.»

Отець подходитъ съ матерью; ставятъ хлѣбъ—соль на столѣ. Дружки продолжаютъ: «що-жъ, батьку, мы люде до- «рожни; у насъ руки не чысты. Мы на безпутыци одинъ дру-

«того ратовалы й руки свои помазаны. То не була-бъ ваша мыдость позволить намъ руки помыть и рушвыками потерты?»

Отец и мать невѣсты подходят къ столу, ставятъ «пштунъ»; дружки моютъ руки, мать подноситъ имъ ручники на тарѣлкѣ, и проситъ, чтобы они приняли ихъ руки обтереть; дружки берутъ ручники и говорятъ:

«Спасыбу свату й сваси и молодой княгynie, що вона рано вставала, подарки пряла и намъ за наши труда давала. Теперь, батьку, мы за кимъ пьемъ и гуляемъ, а е той що скося поглядае, що йому подарковъ немае.»—Требуйте, отвѣчаетъ батьку, мы дамо.—«Що-жъ, батьку и ты мамо, намъ треба молодому, боярину й музыци; изъ кымъ прышлы, тому й требуемъ.» Мать подаетъ всѣмъ названнымъ хустки; молодому на тарѣлкѣ и на столъ; боярину и музыкантамъ въ руки. Они, принявъ, благодарятъ. Дружки обращаются къ невѣстѣ:

«А ну лышень, Марусю, возьми отсю хустку, да подывысь, чи е въ його ребра, бо мы теперь поночы йшли, по года худая, може вынъ де впавъ и пробывъ ребро,—подывысь.» Невѣста затыкаетъ хустку молодому съ боку, за поясъ. Дружки говорятъ: «спасыбу батьку й матцы за подарки; теперь, чи не була-бъ ваша мыдость намъ по чарци могорычы дать, або одъ насъ потребувать.»—Уже була одъ насъ; отвѣчаетъ батько, якъ бы вы свою прынесли й поставылы, то-бъ и я зъ своимы родычамы выпывъ.—Дружко вынимаетъ изъ кармана бутылку горѣлки, ставитъ на столъ, подчиваетъ отца, мать и всѣхъ родныхъ. Хозяева ставятъ на столъ завтракъ, всѣ закусывають и благодарятъ Бога.

Тогда женихъ и невѣста берутся за платокъ дружка; выходятъ изъ за стола и за дружкомъ идутъ учиться танцовать. Дружко зоветъ музыку: «иды—лышь намъ заграй!» Выходятъ въ сѣни, музыка играетъ; дружко водить молодыхъ вокругъ

себя, какъ будто-бъ учить танцованью; три раза обвевъ, оставляетъ ихъ въ сѣняхъ, это бываетъ иногда и на дворѣ; самъ-же онъ идетъ въ избу и начинаетъ договоръ съ отцомъ.

«А що-жъ, свату, мы теперъ вами довольны, да скажи намъ, сколько завтра поѣзду провезты?»

— А що-жъ, дружки, скажите свату, щобъ не було лишніюго; мени колыбъ такъ щобъ лишняго не було: видтыля девять а мое десяте.— «Добре, свату; а якъ же намъ батько, да тамъ-же й молодой захочуть прислать и больше по його великой родни? то не откажитъ!»— Скажи свату мому: якъ вынъ хоче поѣзду прибавить, то нехай присыла великій кашпукъ грошей: за коня 2 рубля, за мисто 2 рубля, за квитку рубъ.— «Спасибо, свату; да щобъ и нашему батьку гнивно не було.»— Э вже-жъ, братья, колы вы нехочете роду оставлять, дакъ и мени треба свій родъ чимсь обдилить.— «Ну, свату, изъ симъ прощайте.»

Дружко встаетъ и говоритъ: «що-жъ свату? благодаримъ Богу и вамъ за хлѣбъ и силъ, да чи нема у васъ ище по чарци горилки.» На это отвѣчаетъ отецъ:— да се е!— «Тото, свату, «я доволенъ за твоимъ столомъ, а музыка нашъ и доси на двори, то щобъ не жаловавсь нашему батькови, а вашому «свату нанасъ!»— Укльчте його, да почаствуйте.— Отецъ подчуеъ музыкантовъ. Послѣ этаго дружко говоритъ: «теперъ, свату, прощай, а на завтра ожыдай.»— Отецъ называетъ себя впервые сватомъ; даетъ дружку буханецъ и кланяется черезъ него свату и свахъ своимъ, прося ихъ, чтобъ и они у него побывали завтра. Прощаются всѣ, дружко беретъ молодого боярина, музыку, всѣхъ родныхъ жениховыхъ и его пріятелей ведетъ ихъ къ отцу жениха на хлѣбъ, на соль и на вечерю. Пришедши, кланяется ему буханцемъ отъ свата и свахи.— Отецъ спрашиваетъ: а що вамъ тамъ було въ свата? Дружко отвѣчаетъ: » усе добре: нема ніякой насмишки.»— Добре,

дети! спасибо свату; сидайте-жь дети за стылъ, и вы приятели, да будемъ свое дѣло робыть; давай лышень, стара, вечерять; да по чарци, а тоди кому якъ вгодно: хто хоче погулять, а хто й хоче спать, бо завтра треба й дѣло справлять.—

Садятся за ужинъ, обрядные разговоры и церемонии остаются на завтра.

Обрядъ 7-й.

ВОСКРЕСЕНІЕ.

По утру входитъ въ избу жениха дружка, и говоритъ отцу: «зраствуйте, тату; спасибо за учорашнее! а теперь чи у васъ «уже готово, щобъ намъ до Божого дому?»—Готово уже; нехай, съ Богомъ одѣвается и идетъ.—Дружка вводитъ молодого, просятъ отца и мать сѣсть на услонъ; они берутъ хлѣбъ—соль и три житнихъ колоска, чтобъ отклонить въ путь молодого. Дружка подводитъ его къ нимъ и не голою рукою, а закрывши руку платкомъ, наклоняетъ ему голову предъ отцомъ и матерью. Отецъ говоритъ: «Боже благословы тебе, сыну, у законъ уступитъ!» Дружка идетъ тогда съ бояриномъ въ домъ невесты; ея отецъ долженъ отклонить пару, «у Богу путь до церкви.» Невѣста беретъ съ собою сваху, чтобъ слала ружныи подноги и дружку вѣнца держать. Когда сверннется вѣнчальный обрядъ—молодыхъ ведутъ прямо въ домъ молодого; музыка играетъ маршъ; отецъ и мать ихъ встрѣчаютъ на дворѣ съ тѣмъ же хлѣбомъ—солью и тремя колосками; они кланяются въ сѣняхъ отцу и матери; эти ихъ поздравляютъ; въ сѣняхъ они снова кланяются и целуютъ отца и мать въ руку. Ихъ вводятъ въ избу, сажаютъ за столъ, отецъ приноситъ горѣлку, подбиваетъ молодыхъ а потомъ и все общество; мать подаетъ завтракъ и проситъ закусить; молодые кланяются и «сромляются», то есть, глаза опусятъ, не смотря ни кому въ лицо и не прижимаются за завтракъ. Дружка, вида, что молодые сромляются,

говорить: «Давайте, мамо, и вы по чарци: то лучше будутъ «нашы молодны исты.»—

— Да добрежь, отвѣчаетъ мать, я заразъ.—Попотчивавши, она отступаетъ; отецъ повторяетъ просьбу закусить. Молодые принимаются за завтракъ; потомъ подають обѣдъ; отецъ приглашаетъ обѣдать; но молодые опять соромяются; тогда отецъ говоритъ; «Клыме, прыгоняй лышень и Гапку; чи воца такъ «буде и дило робыть якъ исты?»—Э! тату,—говорить дружкѣ,— якъ бы була ваша мылость и по третій чарци дать къ обиду.— Батько беретъ чарку и частуетъ прежнимъ порядкомъ. Дружкѣ, увидя что всѣ поподчиваны, говоритъ: «а нуте, молодны дыты «и вы добры люде, обидать у нашего батька, бо намъ ище «дила багато, треба и въ дорогу збираться пообѣдавши.»

Отецъ просить «выбачать» и «систы на мисти, гдѣ хто сыдивъ,»—молятся Богу, садятся и обѣдають. Послѣ обѣда подають варенуху на столъ. Старуха выпиваетъ чарку, потомъ подноситъ попорядку каждому, начиная съ старика и молодыхъ. Тотчасъ послѣ обѣда всѣ встають; мать говоритъ: слава Богу, що я «дождала невестки!» Всѣ благодарятъ стариковъ за хлѣбъ за соль; старикъ беретъ буханецъ, подаетъ молодой и говоритъ: «кланяйся, дочко, своему батьку, а мому сватови, и «скажи йому, якъ прыдутъ мои люде, то щобъ не держалы «довго, щобъ меньше було утраты.» Молодая цалуетъ свекра и свекровь въ руки, беретъ сваху и дружку и идетъ къ своему отцу. Дружкѣ и молодой проводятъ ее съ музыкаю шаговъ за сто и возвращаются назадъ.

Вшедши въ избу, дружкѣ говоритъ: «що, тату, пора и намъ избираться?»—Э! пора, хлопци!—«Клыме! а йды-жь «по свитилкы и по свахи, да скорій.»—Молодой приводитъ изъ своей родни двѣ дѣвушки въ свитилки и двѣ молодицы въ свахи, другого боярина, двухъ старостовъ, два

дружка, музыку и возныка, то есть кучера; садятся всѣ за столъ; старшій дружка разщитываетъ сколько нужно поѣзду; за столомъ сидитъ двѣнадцать безъ молодого; молодой безъ пары тринадцатый, а его пара, которую привезутъ будетъ четырнадцатая; видя это дружка говорить:

«Тату, уси наши! теперь вы, свахи й свитилки! берить «шапки й пришивайте квитки, щобъ наше вѣйско позначене «було, якъ придемъ до свата.» Свахи и свѣтелки берутъ квиты, стѣнжки, пришиваютъ ихъ къ шапкамъ и поють:

Да стоять верба.
Не рикъ не два;
 Да рано, рано!
Не стый вербо,
Розывайся;
 Да ранесенько!
Розвий соби
Сямсотъ квитокъ;
 Да рано, рано!
Сямъ-сотъ квитокъ
И чотыры;
 Да ранесенько!
Всімъ боярамъ.
По квиточця;
 Да рано рано!
Усімъ дружкамъ
По квиточця;
 Да ранесенько!
Андріечку
Нема квитки;
 Да рано, рано!
Андріечку квитка:
Марусенька дивка,
 Да ранесенько!

Дружко говорить: «беры свахо пляшку горилки на столи: частуй старостывъ, дружкивъ, бояръ, музыку й возницю; нехай выкупають шапки!»—Сваха подаеть на тарѣлкѣ по чаркѣ каждому; каждый выпивъ, беретъ шапку съ квиткою и кладеть деньги на тарелку. Свигилки цюють:

Теперь у насъ да дивычъ вечеръ,
Рано, рано, да дивычъ вечеръ хороше изряженъ,
Да не такъ изряженъ, якъ обсаженъ:

У тры стины каменны, четвертая золотая;

А на той стини теремъ стоить,

А на теремочку маковочка,

А на маковочци ластовочка,

Да свила гнзедечко съ чорного шовку

Да вывела диткы—однолиткы:

Перве дытатко молодой Андрийко,

А друге дытатко молода Марусенька.

* * *

Слала зоря до мисаця:

«Ой мисацю, товаришу,

«Не заходь ты раній мене,

«Зайдемо обое разомъ,

«Освитимо небо й землю,

«Зрадується звирь у поли,

«Зрадується гость въ дорози!»

Слала Марья до Андрийка;

«Ой Андрийку, мій сужений,

«Не сидай ты на посаду,

«На посаду раній мене;

«Сядемо обое разомъ,

«Звеселимо мы два двора:

«Ой первый двирь—батька твого,

«А другий двирь—батька мого.

* * *

Пльве утонька безъ утеняты

На мори вочоваты;

А проты ей, сызый селезень
Съ черными косыцями.
«Ой постой, утко!
«Да не пльывы, хутко!
«Щось тоби за висть скажу:
«Бувъ я на ставку,
«Чувъ я славоньку
«И про тебе сир утоньку,
«Да плетуть ситны
«Да на твои дутки
«И на тебе сира утонько.»
— Да нехай же плетуть
И прыплетують;
Яжъ того не боюся:
Я на дно порну,
Я ситны порву,
И диточокъ повывускаю.
Идутъ дружечки
У два радочки,
А Маруся посереду;
Проты ей молодой Андричко,
Зъ своиы бойрамы;
Ой постой, постой Марусечко,
Щось тоби за висть скажу:
Бувъ я на мисти
Чувъ же я висты
И про тебе, молода Марусечко.
Да купують чепца
И кибалочки
Да на твою головоньку.
Да нехай купують,
Да нехай торгують,
Яжъ того не боюся
Я у недилоньку, да увечери
Да у тее прыберуся.

Выйды, матинко, оглады
Що тобі бояре привезлы:
Да привезлы скрыцю й перыну
И молодую княгиню.

* * *

Ой кони нашы вороны
Чи чуєте на сыду?
Чи звезете княгиню,
Да на тую гвровьку крутую,
Да у тую свитловьку новую?
А у той свитловьци медъ—выно пьютъ;
Да вже нашу Марусеньку давно ждуть.

* * *

Маты Марусеньку родила,
Мисяцемъ обгородыла,
Сонечкомъ пидперезала,
До свекорка выпровожала.

* * *

Да сказали: Марусенька не пряха;
А матинка Марусеньки не ткаха;
Ажъ вона раненько вставала,
Тонкii рушныки напирала,
У тихого Днипра билыла,
Молодыхъ дружкывъ дарыла.

* * *

Да гадайте, бояре, галайте!
Да по червовьцу складайте,
Бо теперь годынонька не тая,
И дорыжевька склызькая;
Треба нашому Андриечку
Чобытокъ

И золотыхъ пидкивокъ.

Собравши деньги, сваха отдаетъ ихъ старшей свитлягѣ;
эта—же кидаетъ ихъ молодому за плечи за сорочку и говорить:
«щобъ вы богаты булы!»

Тогда дружка говоритъ: «а що ты свахо справыла свое дило?»—Вже!—«Ну, пора въ дорогу йты. Старосте й пане пидстаросто! обыскайте сієму дому батька головатого!»—Заразь!—Входить батько; дружка обращается къ нему: «благословы, тату, въ Божу путь пойти!»—Боже благословы!—«Да давай, тату, по чарци горилки на дорогу: да шукайте чего намъ треба.—Отець приказываетъ: стара! а шукай, що у тебе тамъ е до сватывъ, а я буду частовать поїздъ.

Тутъ онъ беретъ въ руки хустку, хусткою беретъ чарку, и подноситъ ее молодому. Молодой тоже не голою рукою а хусткою берется за чарку; это для того, чтобъ по общей примѣтѣ, молодые хозяева были богаты. Молодой подчиваетъ всѣхъ остальныхъ изъ голой руки; въ это время мать выноситъ изъ хижи 2 пары чобитъ, чулки, 10 очипковъ, 20 калашей и 2 аршина стіонжки; все это отдаетъ она свахѣ для передачи роду молодой. Дружка обращается къ отцу: «тату! а знайд намъ три пляшки горилки до сватывъ на могорычъ: намъ одну, а старостамъ дви: одну на воротахъ а другу імъ у хату, а намъ для могорыча.» Послѣ этаго требованья онъ ставитъ посреди двора услонъ, на услони дѣжу вверхъ дномъ, на дѣбѣ хлѣбъ и соль; наряжаетъ мать молодого въ кожухъ, шерсть вверхъ, надѣваетъ ей на голову самую дрянную шапку: она беретъ овесъ, орѣхи, тыквенное сѣмя и обсѣваетъ ими поѣздъ. дружка требуетъ благословенія у старость: «старосто й пане пидстаросто! благословить у Божу путь идты!»—Боже благословы!—Дружка беретъ молодого за хустку и весь поѣздъ, съ музыкой, идутъ за молодымъ во кругъ дѣжи, поставленной на скамѣ. «Весели, весели, весели! грай!» Кричитъ дружка, мать обсѣваетъ, свахи и свитилки поють:

Ой чіа то дружина

Кругомъ днжи ходыла.

Изъ скрыпканы, съ цымбаламы,

Зъ молодымы да боярамы?

По обходѣ, мать беретъ молодого за руку, проводитъ со двора и говоритъ: «сынку, щобъ ты до мене у вечеръ зъ парю прышовъ.»—Они выходятъ изъ двора подъ пѣсню:

Соколонько да не вылеты;

Андриѣчко да на выходи;

Соколонько да по галочку;

Андриѣчко по Марусечку.

Тотчасъ же отецъ молодого зоветъ возницу, частуетъ его и говоритъ: «запрягай волю да іидь до свата за скрынею молодой, да за постилью; да не жалуй сватового сына, волю годуй добре, щобъ не попрыставалъ.»

СЦЕНА У ТЕСТЯ.

Поѣздъ приблизился къ воротамъ; родня молодой стоитъ у воротъ и не выпускаетъ поѣзда; подымается шумъ. Эта родня говоритъ: «що вы за люде, шо позначены? у нашего батька такихъ нема; давайте пашпортъ, покажемо батькови; колы звелыть пустыть, дакъ пустымо.»—Пашпортомъ въ это время называется бутылка горѣлки. Староста вынимаетъ изъ за пазухи пашпортъ и отдаетъ тестевой роднѣ; тѣ не несутъ его въ избу, а тутъ-же сполна прочитываютъ, отпираютъ ворота и выпускаютъ въ дворъ.

Возлѣ избы они опять останавливаются: дружки одни входятъ въ избу и кланяются отъ свата буханцемъ: «свату! мы у васъ учора булы, то пустить и сіюгодня.»—У мене людей багацько, отвѣчаетъ тѣсть, я васъ боюєь, шо вы позначены, не знаю хто вы.—«Мы пашпортъ оддали вашимъ калавурнымъ.»—Ну, сядьте, добры люде!—Усѣвшись, дружки продолжаютъ: «щожь, свату, мы булы у васъ учора поночи; то чи

познали насъ? Мы тыи, що за Клыма у васъ дочку полюбыли; то чи не булабъ ваша мылость іеіи знайти й застыць посадить; а мы й Клыма коло іеіи посадимъ, щобъ побачыть, по выдному.» — Заразь хлопци нашы! становить услынъ, да стелить кожухъ, да шукайте молоду, бо людямъ на двори цилый день не стоять. — Тестъ и теща садятся на кожухъ, вводятъ молодую, наклоняють ей голову передъ родителями и поють:

Похилее дерево да ялына. (смот. выше.)

Братъ заводитъ молодую за столъ, старикъ говоритъ друзьямъ: сядте и вы, люде добрыи; а ты, стара, поставъ хлеба й закуску. — Онъ просить закусить; но ему отвѣчаютъ: «щожъ свату? мы рукъ не помывшы не будемъ істы: мы люде дорожни; може й руки помаралы.» Предъ ними ставятъ пытунъ воды; кладутъ рушники на тарелкѣ, они моють руки, утираются рушниками, перевязываются ими черезъ плечо, кладутъ по грошу на тарелку, свать подбиваетъ ихъ водкою, они закусываютъ и потомъ говорятъ: «а наряжайте матиръ зятя стричать!» — Самы выходятъ, чоломкаются съ поѣздомъ; свахи и свитилки поють:

Да пусты, свату,

Въ хату!

Да доки-жь мы да стоятынемъ,

Сыру землю да топкатынемъ

Червовыми да чобытками,

Золотыми да пидакивками?

Передъ ними ставятъ услынъ, на услови дижу засланную, на дѣжъ хлѣбъ и соль, а возлѣ ведро пива. Выходятъ двое старость отъ молодой съ буханцемъ, цалуются съ старостами молодого и просятъ ихъ въ избу: «а йдите товаришы въ хату, бо намъ дило буде.» Входятъ, садятся за столъ у порога; старикъ подноситъ имъ водку; въ это время старуха наряжается

въ кожухъ шерстью вверхъ и въ самую дрянную шапку, беретъ ковшъ воды съ овсомъ, выходитъ встрѣчать зятя, кланяется ему, цалуетъ его въ лице, онъ ее въ руку, она подаетъ ему ковшъ. Онъ беретъ и выливаетъ воду съ овсомъ на свою палку, т. е., на «ципокъ;» братъ молодой садится на этотъ ципокъ верхомъ, какъ на коня и ѣдетъ на немъ отъ молодого къ молодой. Къ матери выносятъ бутылку горѣлки, она подбиваетъ молодого и весь поѣздъ. Свахи и свитилки поютъ:

У гордого теста

Стый, зятю, да за воритьмы

Ой на двори да метиль мете (bis)

Ой на двори дрибенъ дощъ иде;

Крыйся, зятю, крыйся зятю,

Й кувами й бобрамы, (bis)

Й чорвыми да соболями.

ДРУЖКО ВЫКУПАЕТЪ КОНЯ.

Дружко говоритъ: «мамо, дай намъ пляшку й чарку, выкупить коня зятя твоего.»—Мать молодой подчуетъ весь поѣздъ даетъ дружку пляшку и чарку и говоритъ: «нате вамъ пляшку й чарку, да спольняйте свое дило скорійше.» Дружко беретъ прежде тарелку съ буханцемъ, принимаетъ пляшку горѣлки и чарку, потомъ идетъ къ брату, молодой выкупать коня и кланяется съ просьбою: «свату, отдай коня, бо вже ты й такъ його заганявъ.» Тотъ отвѣчаетъ:—щожъ свату, якъ положишь ты грошы, що батько казавъ, дакъ и коня заберешъ.—»Эй, свату, чы не була-бъ твоя мылость уважить хочъ на половыну грошей! одинъ рубъ да могорычъ за сестру прынять одъ насъ велько!»—Эй, свату, сестра у мене дорогая, а положишь ты грошы, що батько казавъ; я сіого двадцять лыть ожыдавъ.—Дружко вынимаетъ деньги, сколько, требуютъ, подбиваетъ и платитъ. Тогда братъ отдаетъ дружку вмѣсто коня

ципокъ (палку) для передачи молодому и приглашаетъ весь поѣздъ къ себѣ въ избу. Свахи поютъ:

Ой выйды сватечку проты нась,
Да засвѣты свичечку, есть и въ нась:
Да стулымо свичечки у руки,
Да зведемо лѣточокъ до купы.

Тутъ сваха молодой зажигаетъ вѣнчальную свѣчу и выходитъ противъ свахъ молодого. Эти свахи зажигаютъ и свою свѣчу, потомъ слѣпливаютъ ихъ вмѣсто и целуются со всѣмъ поѣздомъ.

«Старосто, пане пидстаросто!»—Говорить дружка.—Радъ слухать!—«Благословить у сеѣ чесный домъ уступитъ.»—Боже благослови!—Молодой съ поѣздомъ вступаютъ въ избу, старшая дружка наклоняетъ сидящую съ нею молодую къ ступи головой, а дружки поютъ.

Устань, устань, Марусенько,

Батенько кльче.

Ой не встану, не встану

• Не прывытаю.

Есть у мене служба:

Старшая дружка;

Да вона устане и прывытае.

Устань, устань, Марусенько,

Матявка кльче.

Ой не встану, и проч.

Устань, устань, Марусенько,

Авдрийко кльче.

Ой устану, устану,

И прывытаю.

Дружка хочетъ посадить молодого возлѣ молодой, а возлѣ нея сидятъ братья и родные и не даютъ ему мѣста: «Молодой намъ тыи грошны за мѣсто, що изъ нашими батькомъ уговоромъ положились.»—За що-жъ вамъ грошны будемо платити!

Спрашиваетъ дружка, — «А якъ-же за що? мы іеи двадцять литъ кормылы; вона у насъ на городи и качаны усе пошла; а що ище й добра на доствитки выносыла! дакъ вамъ хйба даромъ іеи оддать?» — Гай, гай якы сваты вы спорны! — Отвѣчаетъ дружка, кладетъ деньги на тарелку, подноситъ ихъ и по чаркѣ могорыча. Тогда родные, взявъ деньги и выпивъ могорычъ, встають съ своихъ мѣсть. Дружка усаживаетъ молодого возлѣ молодой, и говоритъ: «староста, пане подстаросто!» — Рады слухать! — «Обыскайте намъ батька головатого, або матери, чи не обыскады-бъ намъ такой швачкы молодому князю квитку прышыть; бо у насъ усе висько зозначене, а за кымъ пьемъ да гуляемъ, до тому й знака не мае, бо въ нашего батька таном швачкы не обыскалось.» — Сей часъ! — Отвѣчаетъ староста и приказываетъ сестрѣ молодой пришить бантъ къ шапкѣ. Сестра становится на сямью, беретъ у молодого шапку и говоритъ: «староста, пане подстаросто!» — Рады слухать! — «Благословить молодому квитку прышыть.» — Боже благословы! Дружки поють:

Изъ Кіева швачка,

Изъ Кіева швачка,

Да Кіяночка;

Изъ города городяночка,

А изъ міста да мищаночка.

Вона въ торгу була

Вона вторговала

За тры копы голку,

За чотыры шовку.

Пришивъ бантъ, сестра молодой надѣваетъ шапку на себя и поетъ:

Ой глянь, глянь, зяченьку, на мене;

Я краще козакъ отъ тебе,

Бо на меня шльгчокъ

Колпачокъ.

Готуй, зятеньку, шостачокъ,
А изъ того шостачка
Гривень шість;
Отъ тоби, зятеньку,
Ридна свисть!

Дружко беретъ бутылку горѣлки, чарку и подноситъ сестрѣ молодой на тарѣлкѣ. Она нехочетъ пить и требуетъ рубля за квитку. Дружко вынимаетъ рубля и кладетъ на тарелку; она беретъ деньги, выпиваетъ чарку,—снимаетъ съ себя шапку, обводитъ ею надъ головою молодыхъ кругомъ три раза, надѣваетъ на молодого и целуетъ зятя и сестру.

Дружко: «староста й пане подстаросто!»—Рады слушать!—
«Обыскайте намъ сію дому батька головатого.»—Сей часъ!—
«Мы прышли гости да й зъ гостынцемъ, нехай благословить на прытелей роздать.»—Батько головатый подходитъ къ столу и говоритъ: Боже благословы!—Дружко вынимаетъ чулки (панчохи) и калачы, и подноситъ батьку на тарелкѣ, матери калачъ и чоботы такимъ же порядкомъ. Они благодарятъ свата, сваху и зятя за подарки. Крестному отцу и матери опять чулки одному, чоботы другой, и обоимъ по калачу, также на тарелкѣ; тѣ благодарятъ. Дядькамъ и братьямъ по калачу, замужнимъ теткамъ и сестрамъ по очипку. Отъ каждого слѣдуетъ благодарность. Дружко вынимаетъ двѣ связки бубликовъ, и подноситъ ихъ молодымъ и даетъ каждому по парѣ, потомъ дружечкамъ за то «що хороше спывали,» потомъ своимъ старостамъ. Взявъ бублики, староста спрашиваетъ: «а що, панове сваты, чы довольны одъ нашего батька й матери хлибомъ и подаркамъ?»—Довольны.—«Теперь же за наши подарки давайте намъ одарки.»—Сей часъ.—Дружко требуетъ батька головатого и говоритъ ему: «давай, тату, намъ по чарци го-

рижки; за нами подарки.»—Батько подбиваетъ весь поѣздъ и говоритъ своей женѣ:—«стара! а готуй намъ тее, що намъ треба; а я буду частовать.» Тутъ онъ подчуеъ сперва молодыхъ, оборота свою руку платкомъ. Молодые принимаютъ чарку платками, и надбиваютъ каждый *по немногу*. Поѣздъ подчуется и принимаетъ чарку голыми руками; въ это время дружки поютъ:

Да давайте дары, залары! (bis).

Щобъ наши бояре знали,

Якъ вышенька въ ляти

У бялому цвати.

Кончивши подбиваѣе, батько подноситъ свитилкамъ, свехамъ и боярамъ платки, а дружкамъ и старостамъ рушники, каждому на тарелкѣ; изъ нихъ-же каждый бросаетъ на тарелку по грошу, приговаривая: спасибо свату и сваи за подарки. И молодой княгнни, що рано вставала и намъ подарки пряла. «Обдѣливъ поѣздъ, онъ подноситъ своимъ старостамъ рушники на тарелкѣ-же. Они принимаютъ ихъ съ тарелками, спрашивая:» чы вси довольны и нашего батька подарками? якъ недовольны дакъ кажитъ, батько нашъ постачыть.»—Дружко отвѣчаетъ: ище за кымъ пьемъ да гуляемъ, то тому подарка немае, дакъ просымъ дать и тому.—Батько откликается: заразъ! А находъ стара и зятеви платокъ, щобъ не дывывсь изкоса на насъ.—Платокъ на тарелкѣ онъ ставитъ на столъ передъ молодымъ. Дружко говоритъ къ молодой: «Марусю! а возьмы, лышень, платокъ, да пощупай Андрия у бока, чи е у юго уси ребра, чы не выбылы паробкы таскавшысь за тобою?»—Марья беретъ платокъ, затыкаетъ его молодому за поясъ съ боку; молодой вынимаетъ двѣ гривны и кладетъ на тарелку; старшая дружка беретъ деньги съ тарелки, и опускаетъ ихъ за плечи, подъ сорочку, молодой. Батько: «а що, глядитъ

сваты, може ще кому треба, то кому не достало достачимъ.» — Дружко: теперь, свату, усинь. Да якъ бы, свату, за сн одарки и по чарци горѣлки дать?—Батько: «да, сваты, треба! и ябъ выиньвъ, дакъ таперъ изъ вашей руки.»—Дружко вынимаеъ изъ за казухи бутылку горѣлки, подчиваеъ отца, мать, молодыхъ и всѣхъ родственниковъ Марья; потомъ водноситъ водку всему поѣзду. Дружечки поють:

2. Свитонька да не выдамы;
1. Сыламы да по ведали (bis);—
Пыйдемо погуляемо;
Свитонька повыдамо;
Бояръ позглядаты,
Чы не кривы, чы не горбаты,
Чы умиють танцоваты
А бояре побоялыся,
По соломахъ вохвалялыся.

Кончивъ частованье водною, дружко говорить: «старосто и пане подстаросто!»—Рады слухать!—«Довольно пылы и гулялы и добры мыслы малы; благословить пойти проходиться; може хто хоче и потанцоваты.»—Боже благословы!—Дружко вынимаеъ платокъ даеъ конецъ молодому, молодой даеъ конецъ своего платка молодой, дружко ведеъ ихъ къ музыкѣ на дворъ; самъ потанцовавши, оставляетъ ихъ съ боярами, свитилками и дружечками танцовать; идеъ въ избу и спрашиваетъ мать: «а що мамо, чы полудень у васъ буде? то не гайте, бо намъ ще багато дила.»—Иды! отвѣчаеъ она, заразъ; избирай свѣи поїздъ.—При этомъ беретъ глекъ варенухы и проситъ дѣтей и поѣздъ въ другую хату, гдѣ пригото- вленъ подникъ. Войдя проситъ она всѣхъ:—садте по мистамъ, якъ у моей хати сидили.—Поѣздъ садется вокругъ стола. Мать подчиваеъ ихъ варенухой порядочно «у рядокъ», начиная съ молодыхъ; потомъ встаетъ молодая и въ свою очередь

всѣхъ поподчивавъ, говоритъ сестрѣ: «почастуй, моя сестрыце, и ты, щобъ и ты сіюго дождала.»—Эта, обнесши всѣхъ, обращается къ молодой, садится возлѣ нее, и всѣ начинаютъ закусывать; окончивъ, благодарять Бога, привставъ съ мѣстъ. Мать проситъ снова сѣсть по мѣстамъ и приказываетъ сестрѣ молодой поднести еще по чаркѣ горѣлки каждому.

Во все это время тестъ не присудствуетъ, онъ остается дома и угощаетъ своихъ родныхъ.

Когда сестра молодой кончитъ подчиванье, дружка говорить матери: «мамо! а йды, давай своей дочки худобу, бо нашъ батько насъ ожыдае, а вы насъ барыте; а вже пора до свого батька, поклоньтися изъ дитьмы.»—Мать: постойте, диты! пойду до старого, тогди одправимъ.—Дружка съ молодыми и съ поѣздомъ идетъ къ тестевой хатѣ. Подошедши къ дверямъ ея, беретъ молодыхъ за платки и отпираетъ дверь: «старосто и пане видтаросто!»—Рады слухать.—«Благословить у сей чесный домъ уступитъ и молодыхъ дитей за стылъ завесты!»—Боже благословы!—Эта церемонія повторяется трижды.—трычы по трычы, щобъ було девять разъ. Дружка палкою бьетъ по дверямъ навкрестъ три раза, вводитъ молодыхъ въ хату, усаживаетъ ихъ за столъ и самъ садится возлѣ нихъ: «старосто и пане видтаросто!»—Рады слухать.—«Обыскайте сіюго дому батька головатого и матирь.»—Заравъ будуть.—Входятъ тестъ и теща, подходятъ къ столу; дружка говорить: «а що, тату и вы мамо, може у васъ іе и хлибъ на родычывъ роздать? то давайте и насъ не гайте, бо вже пора и молоду искрыть.»—Мать отвѣчаетъ: идти за мною, я оддамъ, що требуете.—Дружка кличетъ поддружаго, посылаетъ его въ слѣдъ за матерью, а самъ обращается къ отцу: «а ты, тату, давай по чарци нашому поизду.»—Батько подчиваетъ всѣхъ подъ рядъ. Поддружій идетъ съ матерью въ комору за

короваемъ. Мать беретъ изъ дѣжи *вико* и застилаетъ двумя ручниками навкрестъ; кладетъ на ручники коровай, на коровай кладетъ намытку, которою будутъ молодую скрывать. Подружій беретъ *вико* на голову и несетъ его съ короваемъ въ хату; подошедши къ дверямъ, говоритъ: «старосто й пане пидстаросто!»—Рады слухать.—«Благословить сей честный хлибъ у хату внести, на столи поставыть и на родычывъ раздаты.»—Боже благословы.—Это трычы по трычы, щобъ було девять разъ. Тогда подружій входитъ съ короваемъ на головѣ въ избу и поетъ:

Да чы бачышъ ты, дивко, (bis)
Що несе дружко *вико*?
А на вици покрывало,
То вичнее завывало.

Во время пѣнія онъ обарачивается кругомъ три разъ, становитъ коровай съ *викомъ* на столъ, и окликается:

«Старосто й пане пидстаросто!»—

— Рады слухать.—

«Обыскайте въ сіому доми брата, або сестру молодой, косу розпустыть.»

— Заразъ.—

Братъ и сестра подступають съ словами: «старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Благословить сестри косу розплести.»

— Боже благословы!

Послѣ девяти разъ благословенія, братъ разплетаеъ косу Маруси, сестра подходитъ ее скрывать, дружки поютъ:

Дежъ твоя, Марусенько, маты?
Часть тебе розилитаты.
— Десь моя матинка у комори;

Десь братики на войны;
Десь моя сестрыци на стороны;
Да никому розплесты киски мени.
Прышла матинка зъ коморы,
Прыіхалы братики изъ войны,
Прыіхалы сестрыци изъ стороны,
Да розплелы кисоньку мени.
Якъ розплиталы—порвалы;
Пидъ очипокъ клалы—помялы;
И подъ серпанокъ сховалы.

Сестра становится возлѣ Маруси, примочиваетъ горѣлкой волосы, сваха подаетъ очипокъ, сестра начинаетъ его надѣвать ей на голову. Маруся вертится, не хочетъ, плачетъ, схватываетъ очипокъ съ головы и бросаетъ его на полъ; это повторяется три раза. Дружко кричитъ: «Бояре! до шabelь!» Бояре выхватываютъ ножи, перерубываютъ въ трехъ мѣстахъ у молодой *жертку*? а дружки поютъ:

Свѣтилка лобата, (bis)
А сваха горбата;
А изъ того горба
Да выросла верба;
А на той-же верби
Да сылыть же сова;
Не сидитъ бояре до ночи,
Бо выіньсть сова очи.

Наконецъ сестра надѣваетъ очипокъ, завязываетъ платкомъ, накрываетъ намиткою и цалуетъ молодыхъ. Дружко беретъ бутылку и чарку, подчиваетъ сестру за трудъ, говоря: «за то що намъ изъ дивкы нарядыла молодыцю.» Выпивъ чарку горѣлки, сестра съ свѣтилками поетъ:

Отъ такъ да нарядымы,
Якъ самы схотылы;

Изъ хлѣба да паланицю,
Изъ дявки да молодыцю.

Дружечки отвѣчаютъ пѣшемъ:

Мы сточемъ да розрѣямо,
Коло себе да посадымо;
Поведемо да у лызоньки, (въ лозы)
Заплетемо да у касоньки,
Поведемо да утавочокъ,
Да надѣнемо вѣвочокъ.

Дружко: «старосто й пане пидстаросто!» — Рады слухать. — «Благословить сей чесный хлѣбъ на родичывъ роздать!» — Боже благословы! — Онъ вырѣзываетъ изъ коровай шишку, — старшу шишку; мать подаетъ платокъ; онъ увязываетъ шишку въ платокъ, подаетъ старшему боярину, а молодой велитъ вильце брать, и посылаетъ ее къ отцу: «клавый батьку хлѣбомъ и вильцемъ, и кады, щой мы заразъ будемъ.» Она приноситъ батьку шишку, онъ принимаетъ и благодаритъ: — Спасыбо свату й сваси за шишку! — Вильце же ставить на столъ съ *молодою емьсть*; а дружко у молодой коровай начинаетъ дѣлить. Отрѣзываетъ половину коровай и отдаетъ матери для далекихъ родныхъ не находящихся на лицѣ; остальную половину разрѣзываетъ на куски и кладетъ на тарелки, подружій подноситъ, во первыхъ отцу и матери, потомъ братьямъ, сестрамъ, дядямъ, теткамъ и всѣмъ на лицо находящимся; каждый говоритъ — «спасыбо свату й сваси, и молодымъ дитямъ; якъ сей хлѣбъ чесный, щобъ и вони такъ буди чесны!» Дружки поютъ:

Чогось тебе, дружбонько, поцытаю:

Чы, дасы-жъ ты мени короваю?

Якъ ты мени короваю не дасы,

То я въ бору нажену

И коныкъ, отыному,

Старшому боярину подарую.

Потомъ другую пѣсню:

Дружко коровой крае, (bis)
А вазадъ погледае,
Ажъ тамъ іого да жона стоять,
И семеро да литей держыть;
Да вси съ кышенями,
Весь коровой забрады.

Раздавъ коровой, дружко спрашиваетъ:—«чи усимъ сватового хлиба достало?»—Молодые люди, стоя у порога, окликаются: «ни, ще запорызыцямъ не давалы.»—Дружко подаетъ куски за порогъ, это значитъ на запорожь; онъ говоритъ: «запорызыци! запорызыци!»—Запорожцы хватаютъ куски съ тарелокъ; а музыкѣ подаетъ дружко споднюю корку съ грошомъ на ней; потомъ зоветъ батька головатого и матирь: «давай, свату, по чарци горилки по вашому хлибу.»—Батько подчиываетъ и говоритъ женѣ:—«а ты, стара, иды, готовъ дочци окрыню й подушкы, й тамъ що ий треба.» Поподчивавши, отдаетъ Марусѣ бутылку, которая налита была въ субботу и затнута тремя колосками:—почастуй своихъ дружокъ, щобъ хороме спивалы.—Она подчиываетъ свитилокъ и дружокъ и весь поѣздъ. Дружки поютъ:

Ой слухайте, дружечки,
Де голубка гуде,—
Тамъ наша Марусенька
Дивуванье здае;
Первое дивуванье—
Суббитнее, да чесанье;
Другое дивуванье—
Недвляешне прыбыранье;
Третее дивуванье,—
За виночокъ
Да въ тавочокъ.

Дружко: «старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Мы у свата пылы, ілы й гулялы, й добры мысли малы.
Пора намъ у Божу путь и до своего батька йты!»

— Боже благословы!—

Дружко обращается къ подружему: «а йды скажи: нехай возниця подіздыть до порога, да будемо выносить скрыню й постиль.» Онъ благодаритъ свату и свахъ за хлѣбъ и соль, беретъ за платки молодыхъ, ведетъ ихъ къ музыкѣ; послѣ танцовъ, становитъ ихъ въ сѣняхъ, а самъ съ подружимъ и боярами беретъ скрыню и подушки, выноситъ ихъ и укладываетъ на возъ; потомъ ведетъ молодыхъ въ хату; отецъ и мать снимаютъ образъ, которымъ благословляли, берутъ перепіецъ, садятся на условіе, дѣти кладутъ три земные поклона передъ ними, цалуютъ ихъ въ руки и въ ноги, подають руки дружкѣ и идутъ за нимъ къ возу. Молодая садится на возъ, дружко обводитъ три раза молодаго вѣкругъ воза, молодой грозится и машетъ палкою на молодую, приговаривая: «покыдай батьковы й матерыны коровы, да беры мои.» Сказавъ это, онъ садится на возъ.

Дружко говоритъ невѣстѣ на ухо:

«А що ты, молода, надієшься на свою честь? дакъ будемо просыть *приданъ*.»

— Дядюшка! Просыть моіихъ родычывъ! Надіюсь.—

«Просымъ родычы изъ намы за своєю родыною.»

Дружечки поють:

Загрибай маты жаръ, жаръ,

Коль дочкы жаль, жаль.

Кыдай маты дрова,

Зоставайсь здорова.

Пропѣвъ эту пѣсню, онѣ расходятся по своимъ домамъ.
Остаются свахи и свитилки, чтобъ провожать молодыхъ.

ДОРОГА КЪ СВЕКРУ.

Молодые ѣдутъ. Свахи и свитилки поютъ:

Ой, мисяць дороженьку осветить;
Ой братъ сестрыцю выпроводить:
Отце тоби, сестрыце, дорога,
Идъ до свекорка здорова.

Кучерявый поеть:

Вознице, погонай коней швыдче!
Якъ не будешъ погонаты,
Тутъ будемо почоваты.

Возница погоняеть и поеть:

Рысью, коныченъки, рысью.
Идимо за корыстью
Червоною да млійкою,
Зъ молодою да невесткою.

Пріѣхавъ къ избѣ свекра, молодые встаютъ съ воза.
Дружко становить ихъ у дверей, а самъ идетъ въ избу.

СЦЕНА У СВЕКРА.

Дружко кланяется отцу и матери буханцемъ: «берить
хлебъ и сыль и стричайте дитой и просить у хату.»—Свахи
и свитилки поютъ:

Ой выйды, матусенько, огляды,
Що тоби бояре привезлы:
Привезлы скрыню,
Перыну
И молоду княгыню.

Женщины выходятъ изъ избы и поютъ:

Де, боаре, вы бувалы? (bis)
Що, боаре, вы чувалы?
Ой мы булы въ лпску,
Да поймалы мы лыску,
Чорную, да чубатую,
Гарную, да богатую.

Дружко: «идить, тату й мамо, благословить дитей своихъ уступитъ у хату.» Батько беретъ хлѣбъ и соль, которыми благословляли прежде; мать беретъ зерна ржи въ запаску, они идутъ къ молодымъ; дружко, взявъ молодыхъ за платокъ, наклоняетъ ихъ передъ родителями; батько бьетъ ихъ хлѣбомъ по головамъ; мать насыпаетъ ржи за плечи молодой подъ рубашку; они приглашаютъ молодыхъ со всеѣмъ поѣздомъ въ избу. Дружко ихъ ведетъ и говоритъ:

«Старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Благословить у сей чесный домъ увести молодыхъ дѣтей!»

— Боже благословы.—

Они входятъ; все садятся за столъ; дружко: «старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Обыскайте батька головатого, нехай подвытсыя, що ми за птыцю привезлы.»—

— Заразь.

Отецъ и мать входятъ въ избу, кланяются дѣтямъ, поздравляютъ ихъ въ парѣ. Отецъ подноситъ молодымъ и поѣзду по чаркѣ водки. Женщины поютъ.

Добры вечоръ, матусенько моя! (bis)
А чы мыла дружывоныя моя?
—Нехай тоби, мій сыночку, мыла,

Абы мене дяло робыла,
Абы мене платья поврала,
Абы мене матерью звала.—

Дружко: «старосто й пане пидстаросто!»

— Рады слухать.—

«Благословить пойти одпочыть, бо вже мы й спать хочемъ.»

— Боже благословы!—

Батько беретъ закупоренную въ субботу бутылку съ горьлякою и съ тремя колосками ржи; отдаеть ее молодому, чубъ подчивая бояръ; молодой подноситъ имъ по чаркѣ; женщины поють:

Ой слушайте, бояре, де голубецъ гуле;
Тамъ нашъ Авдріечко молодецтво знае:
Первее молодецтво—стрилочокъ пучокъ;
Другее молодецтво—за ципочокъ да въ тавочокъ;
Третее молодецтво—выводыты передочокъ.

Поподчивавъ бояръ, свахъ и свитилокъ, перецаловавшись со всѣми, молодой приглашаетъ бояръ придти къ нему провѣдать о немъ на другой дець; затѣмъ со всѣми прощается. Бояре и свитилки расходятся. Остаются дружкы, свахи и старосты.

Дружко выводитъ молодыхъ изъ за стола, ставитъ ихъ посреди избы, родители садятся у стола на услонѣ, берутъ образъ, которымъ благословляли и хлѣбъ—перепіецъ, тѣмъ и другимъ благословляютъ и говорятъ: «сидитъ диты спочываты; а щобъ вы чесны були такъ, якъ сей хлѣбъ чесный.»—

Въ это время свахи постель стелютъ для молодыхъ въ коморѣ.

КОМОРА.

Молодые берутъ отъ родителей образъ и перепіецъ, идутъ съ дружкомъ въ номору; женщины поють:

Брылы, брылы, Марусенько, брылы! (bis)
Да не бійся холоднои воды;

Высоко подымайся,
Съ сорому выкуляйся.

Въ это время родители садятся за столъ въ избѣ, берутъ большой кувшинъ «глекъ» горѣлки и, пока дружка не придетъ съ извѣстіемъ о молодыхъ, подчиваютъ всѣхъ своихъ родныхъ большою чаркою.

Дружка, введши молодыхъ въ комнату, беретъ отъ нихъ и ставитъ въ головахъ постели образъ, а на скрынѣ переписецъ; потомъ велитъ раздѣваться, кличетъ сваху изъ приданъ, требуетъ для молодой чистую сорочку, и приказываетъ молодой разуть молодого.

Въ каждомъ чоботѣ у молодого по гривнѣ денегъ; молодая, снявъ съ него чоботы, встряхиваетъ ихъ, поднимаетъ деньги и кидаетъ въ постель; послѣ этаго сама снимаетъ съ него и шаравары. Сваха раздѣваетъ молодую, снимаетъ съ нее сорочку, надѣваетъ на нее чистую, дружка не отходитъ отъ нее ни на шагъ, изъ предосторожности; потомъ беретъ онъ одѣяла и говорить:

«Андрію! а якъ батько жыто ламне?»—Андрій дастъ молодой подножку, черезъ свою ногу, опрокидываетъ ее въ постель, а дружка выходитъ со всѣми изъ комнаты, приговаривая:

«Андрію! не бары дила, щобъ меньше убытку було. А якъ будешъ готовъ, то стукны у дверы.»

Женщины поютъ:

Ой вить продравъ стелю,
Да внавъ у постелю;
Качався, валявся,
Пилъ пелену прибрався.

Когда молодой застучитъ въ дверь, дружка беретъ огня для освѣщенія, и вмѣстѣ съ подружкимъ идутъ въ комнату.—
«А що, якъ у васъ?» Молодая—дывиться, дядюшка.—«Устанъ

сюды.» Освидѣтельствовавъ и признавъ, что молодая была вѣрна дѣвической обязанности, онъ зоветъ свахъ и старухъ, которыя, удостовѣрясь въ истинѣ показаній дружка, снимаютъ съ нее сорочку, замѣняютъ чистою; дружка складываетъ сорочку, связываетъ ее красною лентою, вноситъ въ избу, зоветъ родныхъ и приданъ; отецъ и мать закрываютъ образа и встаютъ изъ за стола; дружка съ приданами поетъ:

Ой не цвила калыновка о Петри,
Да зацвила калыновка объ Розди,
Да въ нашего пана свата у комора,
Да въ нашом Марусеньки.

Всѣ танцуютъ съ сорочкою вокругъ стола, по лавкамъ и по услонамъ и всѣ поютъ:

Ой калына, Марусенька, калыпа!
Пидъ калыною лежала,
На калыну выженьки поклада,
А ва ей калыновка капнула,
Да на ей биле облыче,
Нарядыла родоньку вельчые;
Да вельчые-жь наше вельчые,
Що звельчала тры дворы:
Що первый-же двирь—свекоркивъ,
А другій-же двирь—батовькивъ,
А третій-же двирь—родонькивъ.

Тутъ дружка просить приданъ сѣсть вокругъ стола; придане садятся и поютъ:

Да горилки, свате, горилки!
Да було-жь не браты въ насъ дивки;
А теперъ-же вы насъ просите,
Цебромъ горилку носите,
Ой хоть не цебромъ дакъ видромъ:
Взялы нашу Марусеньку изъ добромъ.

Батько вносить горѣлку и даетъ дружкѣ подчивать, этотъ подчиваетъ всѣхъ большою чаркою. Батько наливаетъ въ миски горѣлки и ставитъ передъ приданами; эти поютъ:

Да горилко—сынухо,
Да чого въ мысця сухо?
Да не буде писни конца,
Да не буде въ мысци ленця.

Дружко, поподчивавъ всѣхъ, отдастъ чарку приданамъ; они сами льютъ изъ мисокъ и пьютъ сколько хочется, припѣвая:

Да введы, ляше, наше!
Да нехай воно плаше,
Да будемо знаты,
Яком спаваты.

Дружко, надѣвши шапку молодого на молодую, вводитъ ее въ хату.

ВЪ ИЗБѢ.

Молодая кланяется всѣмъ и целуется съ приданами своими, родными. Дружко говоритъ:

«А чія шапка на кому, то и той бувъ» Придане поютъ:

Марусенько калыво, малыно!
А на тебе дывытыся мило.
Андріечку повнаа роже!
А на тебе дывытыся гоже.

Тогда подають ужинъ, послѣ ужина встають, молятся Богу и благодарятъ сватамъ. Дружко проситъ сѣсть снова, всѣ садятся и поютъ:

Вареноя горилочки хочю,
А сырон я й сама уточу;
А сырая да не добрая
И на жывыть не здороваа;

Вареная солоденькая
И наживать здоровенькая.

Мать наливаєтъ въ миски варенуху и подбиваетъ приданъ большую чаркою. Дружки въ коморѣ наряжаютъ буханецъ, облизываютъ его навкрестъ красною бумагою, называемою «за-полочью», — украшаютъ калиною вѣточкою съ ягодами, отда-ютъ брату молодой, который былъ въ числѣ придановъ. При-дане идутъ къ отцу молодой; дружки проводятъ ихъ съ му-зыкою двора за три и возвращаются домой, а придане до-рогою поютъ:

Темного луку калына, (bis)
Доброго батька дытына,
Ой хочь вона по ночамъ ходыла,
Да пры соби черчичокъ несыла;
Куповалы купци—не продала;
Прохалы хлопци—вона недала;

Потомъ поютъ:

Била, била Марусеньку маты
Червоньмъ дубцемъ изъ хаты;
Вона того поблазала,
Въ комирочку заговлазала,
А зъ комирочки въ огорожу,
Да на червонную рожу.
Да не бий, да нелай, маты!
Да не я червецъ пролыла.

Мать молодого зоветъ дружковъ и свахъ въ комору, под-биваетъ ихъ горѣлкою и варенухою, хвалитъ невинность не-вѣстки, молодые кланяются въ землю матери, цалуютъ ей руки и ноги, и садятся еще перекусить. Въ избѣ-же батько «частуетъ усихъ великою чаркою.» Гуляютъ цѣлую ночь. Люди молодые берутъ на возъ или на сами мать, возятъ ее на себѣ по селу, а она, набравъ горѣлки и закусокъ, ихъ поитъ и пор-

мить на улицахъ; слѣдомъ за нею поютъ и танцуютъ извѣстную пѣсню *журавля*: «а внадвса журавель до бабыныхъ конопель.»

Совершенно иное дѣло, когда молодая не исполняла обязанностей дѣвическихъ и не оправдала надеждъ.

Нерѣдко первымъ привѣтствіемъ принимаетъ она пощечину отъ молодого или нагайку по спинѣ; онъ говоритъ тогда: «иды, просы людей, а я за тебе не буду одвичать и приданъ твоихъ не хочу знать.»—Она идетъ къ свекру и свекрови, падаетъ имъ въ ноги, просить ее простить. Ей отвѣчаютъ:— «якъ ты такъ поступыла, то и приданъ твоихъ не хочемо знати. Хлопци! а робить приданамъ насмишку за ихъ безчесну родыну!»—Молодые люди вяжутъ изъ соломы хомуты, надѣваютъ ихъ на приданъ, завязываютъ имъ головы онучами, и выгоняютъ изъ избы. Женщины поютъ.

Ой щобъ тоби да морозоньку! (bis)
Що зморозывъ да калывоньку,
Да засмутывъ да ролывоньку.

Или:

Ой гуръ, гуръ по дорози
Батько носъ отморозывъ;
Наша павиматка
Не злюбыла батька;
Що короткій нисъ;
Нумо валъ валыты,
Батьку носа доточыты!
Наша павиматка
Полюбыла батька,
Що подовшавъ носъ.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Бояре и дружки приходятъ къ молодымъ; молодая беретъ ковшъ съ водою, вливаетъ дружкамъ на руки, и даетъ имъ по ручнику. Обтерши руки, они повязываютъ ручники

через плечо; бояре получаютъ отъ нее по красной стѣнжкѣ и по платку. Бояре надѣваютъ на высокій шестъ красный платокъ въ видѣ знамени; дружка вводитъ молодыхъ къ отцу и матери; они просятъ прощенія; батько и мать хвалятъ молодую за честь. Дружки приносятъ блинцы, паляницы и сало на завтракъ молодымъ, ведутъ ихъ въ комнату, подчиваютъ горьлякой и закуской; танцуютъ; расходятся по домамъ. Молодая даритъ дружкамъ по красному поясу; дружки перевязываютъ себя навкрестъ черезъ плечи; молодые женщины перевязываютъ всѣмъ головы красною заполочью; молодая пара наряжается, ее ведутъ въ церковь; а мать остается съ старухами, и пекутъ пирожки для свата и его родныхъ за то, что получила невинную невѣстку.

Молодые заходятъ къ свату, приносятъ ему склянку горьлки, курицу, калачъ, платокъ и денегъ. Онъ ведетъ ихъ въ церковь и накрываетъ молодую намиткою; тогда она выходитъ съ мужемъ изъ церкви; женщины поютъ:

Ой мы булы въ Бога! (bis);
Да молись Богу
И Духу Святому,
Авдріечку молодому,
И святой Пятинци,
Марусиной матинци.
Вона їи да ѣ уродыла
Хорошаго челядына.

Приходятъ въ избу къ матери и батьку, мать беретъ вико изъ дѣжи, застилаетъ его платкомъ, кладетъ на него хлѣбъ и соль; батько ее беретъ и выходятъ къ молодымъ. Они кланяются молодому, поздравляютъ его съ женою, и приглашаютъ въ избу; тамъ усаживаютъ за столъ, сваха накрываетъ молодую платкомъ; дружка говоритъ: «тату! а дывысь

сёгодня по выдному, бо ты учора не розглядивъ: може снапа, або крыва? — Батько беретъ палку и палкою снимаетъ платокъ и намитку; онъ обводитъ молодыхъ три раза кругомъ, дарить ихъ волами или конями, мать—коровой или овцами, батько затыкаетъ платокъ себѣ у бока, а мать подпоясывается намиткою и танцуютъ. Батько беретъ склянку горѣлки и подчиваетъ всѣхъ; мать вноситъ перепіецъ и стаканъ меду, ставитъ ихъ на столѣ; дружка рѣжетъ перепіецъ и, намазавъ медомъ, подноситъ всѣмъ; люди благодарятъ молодымъ за честь.

Дружка выводитъ молодыхъ на дворъ; съ боярами и танцовавши, подноситъ на тарелкѣ боярамъ по чаркѣ водки, они кладутъ на тарелку по грошу. Въ тоже время дружка идетъ съ матерью въ комору готовить пирожки. Они связываютъ ихъ по парѣ заподочью двадцать семь (три—девять) парѣ, кладутъ въ миску; дружка вноситъ въ хату, ставитъ на столѣ; молодая приноситъ къ дружку два ручника и два красныхъ пояса; дружка подстиляетъ подъ миску ручники и пояса; батько увязываетъ миску и пирожки ручниками и поясами; мать подаетъ дружку буханецъ, дружка обвязываетъ его заподочью, натываетъ кистями калины и требуетъ отъ батьки благословенія идти къ сватамъ. Батько беретъ пирожки со стола, отдаетъ ихъ дружку, поддружому подаетъ склянку горѣлки для могорыча, который должно будетъ тамъ выпить послѣ раздачи тамошнимъ родственникамъ пирожковъ; молодая отдаетъ свою сорочку украшенную стержками и калиною; дружка беретъ пирожки, молодого и музыку и идетъ къ тестю.

Пришедши туда, кланяются буханцомъ, тесть принимаетъ, благодаритъ за нихъ свата и сваху, а дѣтей благодаритъ за честность; дружка говоритъ: «свату! прынявши малый хлибъ, просимъ прынять и велькій.» Тогда тесть беретъ у дружки пирожки, ставитъ на столѣ, проситъ за столѣ дружковъ и мо-

лодаго и подбиваетъ ихъ горьлкою. Его весильныя молодыя женщины поютъ:

Злавимъ дружка за жыжку, (bis)

Нехай поведе у хижку.

Да будемо зваты,

Якои спиваты.

Дружко ведетъ ихъ въ хижку, показываетъ сорочку, возвращаются въ избу, скачутъ по лавкамъ и услонамъ; молодой сидитъ за столомъ, и, наклоня голову на столъ, ожидаетъ пока кончатъ скакать; обскакавши, садятся за столъ, дружко говорить тестю: «свату, благословы сей чесный хлибъ на родычивъ роздать.»—Боже благословы!—

Дружко: «старосто й пане пидстаросто!»—

— Рады слухать!—«Обыскайте сіюго дому ключныка, чи не одымкнувъ бы сіюго палоба?» мы свои дорогою ключы потгубылы.—Оттожь ключныкъ, батько головатый; у юго ключы до того палоба.—«Постарайсь, тесте, послухай, ключы до сіюго палоба, бо се ваша прыбыль, а насъ не гайте.»—Добре, отвѣчаетъ тесть, побачу, що тутъ за прыбыль, може й одымкну.—

Онъ развязываетъ ручники и пояса, дружко говоритъ поддружому: «а шукай талирки». Поддружіи подаетъ тарелки, на которыхъ дружко разноситъ пирожки тестю, тещѣ и ихъ роднымъ; женщины поютъ:

Ой лобры булы бережки,

Заробылы матеры пирожкы

Хочъ не пшеничны дакъ ялыны

Нашому родоньку съ подачыны.

Тесть подноситъ водку всѣмъ подъ рядъ, дружки, раздавши пирожки, просятъ, чтобъ еще теща водкою поподчивала, ручниками перевязываются «за труда,» поясами подпо-

жсываются «на красу молодой;» тесть требуетъ отъ дружка въ частованья, говоря имъ: «ни, сваты! треба ще й одъ васъ, а маты описля почаствуе.» Дружко вынимаетъ изъ за пазухи склянку и подчиваетъ всѣхъ.

Теща подаетъ обѣдать, послѣ обѣда наливаетъ варенуху, женщины поютъ:

Шипшына ча не дерево?
Поколола усе череву;
Да будемо узваръ варить,
Да будемо череву

Тогда всѣ благодарятъ за хлѣбъ и соль, молодой проситъ тестя и тещу къ своему отцу; это называется «у *перезву*.» Дружко туда же приглашаетъ всѣхъ гостей. Молодой беретъ тещу подъ руку. Женщины поютъ.

Ой зять тещу веле (bis)
Да за товстее ребро,
Щобъ ей дочки добро.

Приходитъ къ батьковой избѣ, бояринъ беретъ выше описанную хоругвь, обходитъ съ нею три раза вокругъ молодого и сватовъ, а *перезвяне* хотять ее вырвать у него, если не кушитъ имъ горѣлки, и поютъ:

Де твоя, Марусенько, кытайка,
Що учора привезла одъ батька?
Да постелы, Марусенько, по лвору
Своіому ролоньку на славу.

Тогда выходятъ съ буханцемъ мать и отецъ, целуются съ сватомъ, приглашаютъ къ себѣ ихъ и *перезвянъ*, садятся за столъ; женщины поютъ.

Розсунь свату, розсунь свату,
Велькую перезовъ маешъ;
Де-жъ ты насъ да подивашъ?

Батько частуетъ сватовъ и старыковъ; дружно—молодыхъ людей; молодые женщины—молодого; онѣ выходятъ въ сѣни и поютъ.

Ой спасыбо тобі сваточку
За твою кудряву маточку,
За твою червону калыну,
За твою чесну дытыну.

Дружко, попотчивавъ, вводитъ въ избу молодую; она цалуется съ своими родителями и родными, а женщины—перезвянки поютъ:

Знаты Марусеньку знаты (bis).

У которой хати
Черчыкомъ обсывана,
Калыною обтыкана.

Дружки ставятъ чарки на тарелкахъ, батько подаетъ молодымъ по склянкѣ горѣлки. Молодые передаютъ ихъ дружкамъ, а сами берутъ тарелки съ чарками; дружко наливаетъ горѣлку въ чарку молодого, подружій—въ чарку молодой; тѣже подносятъ вѣзмъ, начиная съ отца и матери; отецъ и мать повторяютъ названіе подарковъ ими сдѣланныхъ, по возвращеніи молодыхъ изъ церкви. Потомъ, отецъ и мать молодой, всѣ родственники и посѣтители тоже дѣлаютъ подарки, кто какіе можетъ: рогатый скотъ, овцы, свиньи, хлѣбъ, деньги, холстъ, намитки, хустки и проч.—Все это дружки отмѣчаютъ; а женщины поютъ:

Ой роде, роде богатый,
Да даруйте товаръ рогатый;

А вы, приданки,—

Серпанки!

Ой хочъ не товаръ лакъ свинци,

Бо вже ваша Марусенька въ намитци.

Перезвянки, сидя за столомъ, въ тоже время, поютъ:

Тутъ ваша родына
Тутъ намъ заробыла:
И пыты и іасты
И на покуты састы.

Хозяинъ разливаетъ горѣлку въ мыски, дружки ставятъ ихъ на столъ и подаютъ большую чарку перезвянамъ, которые сами пьютъ безъ подчиванья. Мать готовитъ ужинъ, дружка приглашаетъ перезвянъ къ ужину, и уходитъ въ комнату къ молодымъ. Дружка:

«А що вы, молоды, выкупылы у боярына изъ коро-
вы платокъ?»

— Ни ще.—

«Э, дакъ дайте имъ за трудъ могорьчъ, кварту горѣлки
и возмечь свое.»

Молодые кличутъ въ комнату боярѣ, подчиваютъ, цалуютъ
сѣ ними, берутъ платокъ; а бояре уходятъ на досвѣтъ
сѣ квартою горѣлки. Перезвяне, поужинавши, благодарятъ, са-
дятся снова и принимаются за варенуху.

Молодые зовутъ своихъ отцовъ и матерей въ комнату,
угощаютъ ихъ особеннымъ ужиномъ, цалуютъ имъ руки. Когда
эти посѣтители выйдутъ изъ комнаты, тогда дружки зовутъ мо-
лодыхъ въ избу, а сами садятся за столъ. Молодые входятъ,
разкланиваются, благодарятъ дружковъ за трудъ, и просятъ
отдачи поясовъ, которыми были увязаны пирожки.

Дружки говорятъ: «дайте намъ четыре ручники, которые
намъ слидуютъ, и поввидра горилки за нашъ трудъ; дакъ мы
почастуемо людей и поясы вамъ оддамо.»—Молодой вноситъ
двѣ пляшки горѣлки и подаютъ дружкамъ; молодая подаютъ

имъ по 4 ручника. Дружко: «ще, молода, дай два ручника и музыци, бо и той трудывсь.»—Она подаетъ. Дружки снимаютъ пояса, отдають ихъ молодой, потчуютъ отца и мать горѣлкою; отецъ вноситъ свою пляшку горѣлки, подноситъ всѣмъ, прощаются и расходятся.

ВТОРНИКЪ.

Дружки и родные приходятъ въ домъ молодого; благодарятъ отцу за поведѣльникъ и говорятъ: «тату, учора поповавъ, а сіюгодня поправъ.» Отецъ вноситъ горѣлку и подчиваетъ ихъ велькою чаркою; дружки, выпивши, идутъ въ комнату къ молодымъ; берутъ коровай молодого, чтобъ раздѣлить его на родныхъ; молодая стелетъ на «вици» два рушника, кладутъ на нихъ коровай, вносятъ въ хату, ставятъ на столъ и просятъ благословенія отъ отца, чтобъ «сей чесный хлибъ на родычивъ роздать.» Раздавши коровай, батько даетъ по бутылкѣ горѣлки дружкамъ и они подчиваютъ родныхъ по обряду какъ и въ поведѣльникъ. Обнесши всѣхъ, по приглашенію батька, садятся за столъ, подають завтракъ, и снова батько частуетъ всѣхъ велькою чаркою, приговаривая передъ каждымъ: «выбачайте!»—Тогда дружко и подружій просятъ отца, мать молодыхъ и всѣхъ родственниковъ къ себѣ; тамъ обѣдаютъ; потомъ крестные отцы, матери, старосты просятъ къ себѣ, что продолжается до субботы. Молодые люди обоего пола, которые не ходятъ по «бесѣдамъ», наряжаются въ разные костюмы: польскіе, цыганскіе, жидовскіе и проч., ходятъ по селу съ музыкою, собираютъ съ дворовъ куръ, ягнятъ, поросятъ, муку, рыбу, сало и сносятъ все это къ батьку въ домъ, гдѣ потомъ его же и мать угощаютъ ужинами. Въ субботу всѣ идутъ къ тестю и тещи обѣдать, а къ свекру и свекрови ужинать, чѣмъ и оканчивается свадьба, т. е., «весилье.»

IX. ПРОСТОНАРОДНАЯ КУХНЯ, ДЕССЕРТЬ И НАПИТКИ.

1.) КУХНЯ.

1. *Бабка*. Отбить яицъ въ чашку, разтереть съ коровьимъ масломъ, положить соли и муки, развести сливками, смазать кострюль коровьимъ масломъ, налить туда растворъ и поставить въ печь, чтобъ спеклась; должно наливать полъ кострюли; коль скоро подыметя вровнѣ съ кострюльными краями, скорѣе вынимать, а не то—опадаетъ и не будетъ годиться.— Кто желаетъ бабку сладкую, тотъ пусть кладетъ сахаръ вмѣсто соли.

2. *Борщъ*. Капуста, буряки и мясо вкладываются въ горшокъ, ихъ затолкутъ хорошимъ свинымъ саломъ и зальютъ бураковымъ квасомъ; когда борщъ вскипитъ, его содютъ и потомъ опять кладутъ сало съ лукомъ, а, при подачѣ, кладутъ сметану.— Если же постъ, то вмѣсто мяса, сала и сметаны, кладется рыба и конопляное масло съ поджаренымъ лукомъ.

3. *Бужанна*. Взявъ задній свиной окорокъ съ саломъ, но безъ кожи, нашпиговать его лукомъ и чеснокомъ, натереть солью и перцемъ, положить въ кадку, налить его хлѣбнымъ напитокнымъ квасомъ, положить простой, а не аглицкой мяты, прибавить уксусу $\frac{1}{4}$ кварты, дать вымокнуть сутки, вынуть, положить въ большую кострюль, накидать лавроваго листу, и стать жарить, закрывши кострюль плотно, чтобъ упарилась и чтобъ подъ нею сдѣлался красный сокъ. Подавать холодную.

4. *Буханци съ ковьяромъ*. Отвариваютъ говядину съ солью, а между тѣмъ учиниваются ржанья съ гречневою му-

кою лепешки, и это подается вмѣстѣ. Буханци не должны быть помазаны ничемъ.

5. *Баба-шарпанна*. Отварить тарань или чабакъ, вынуть его изъ бульону, обобратъ кости, поломать кусочками, положить эти кусочки на сковороду, разболтать пшеничнаго тѣста на этомъ бульонѣ, какъ размазню, положить въ тѣсто поджареной олѣи съ лукомъ, прилить этимъ кусочки рыбы, посыпать перцомъ, потомъ поставить въ духовую печь, и когда подымется—подавать.

6. *Бублики*. Учинить пшеничное тѣсто, когда подойдетъ опара, мѣсить круто на постномъ или скоромномъ маслѣ, дать подойти тѣсту, катать тонко, дать форму кольца, присыпать макомъ, или солью, или чернушкой; потомъ обварить и посадить въ печь.

7. *Бураки*. Отварить кислые или прѣсные буряки, просолить, изрѣзавъ прежде въ кружки, поджарить въ постномъ маслѣ, прилить хрѣномъ съ буряковымъ квасомъ или съ уксусомъ, и подавать.

8. *Вареныки*, бываютъ съ сыромъ, съ урдою, т. е., макомъ, изъ котораго выжато молоко, съ ягодами: вишнями, земляникою, наконецъ съ мясомъ и называются тогда «*гилуны*.» Взять пшеничной или гречневой муки, замѣсить на водѣ густо, раскатать на столѣ качалкою, порѣзать на четвероугольники, лѣпить съ вышесказаннымъ фаршемъ; они станутъ треугольниками; варить въ кипятокѣ, и когда готовы—подавать: тѣ, что съ сыромъ—при сметанѣ, что съ урдою—при постномъ маслѣ, что съ ягодами—при меду, что съ мясомъ—при маслѣ коровьемъ.

9. *Вареницы*—тѣсто какъ предыдущее, но безъ фаршу.

10. *Вьюны съ хрѣномъ*. Зажарить въ постномъ или скоромномъ маслѣ вьюны, сложить ихъ на блюдо; стереть

хрѣну на терку, размѣшать хрѣнъ съ масломъ, солью и уксу-
сомъ, прилить вѣюны и подавать.

11. *Гилуны*; см. вареники.

12. *Галушки*. Взять гречаной муки, подбить на водѣ
довольно густо, кидать ложкою въ кипячую посоленную воду,
полчаса покипятить, положить постнаго или скоромнаго масла,
или сала свиннаго съ лукомъ и подавать.

13. *Галушки въ квасу*. Сдѣлать изъ ржаной муки галуш-
ки; поставить буряковаго квасу по поламъ съ водою; положить
поджаренаго съ постнымъ масломъ луку; вскипятить и класть
галушки въ этотъ квасъ.

14. *Голубци*. Пшениная каша, завернутая въ листья ка-
пусты, и поджареная въ постномъ маслѣ. При подачѣ должно
быть постное масло, поджареное съ лукомъ.

15. *Гречанъ пампухи съ чеснокомъ*. Взять гречиш-
наго тѣста, замѣсить, поставить на печь, чтобъ подошло, вы-
катывать круглыми шарыками, кидать въ кипятокъ почти цѣ-
лый часъ, вынуть на сито, разтереть въ макотрѣ чесноку съ
постнымъ масломъ, класть туда пампушки, присолить солью,
и подавать.

16. *Гречаныки*; взять гречишнаго тѣста; когда будетъ
готово, сажать на капустяный листъ и въ печку; растереть
коноплянаго сѣмени съ солью и водой, смазывать гречаныки, и
снова въ печку, пока будутъ готовы.

17. *Гарбузы вареные*. Очистить тыкву, крошить въ
горшокъ, налить водой, поставить въ печь; когда сварится,
класть пшено; когда готово—не много соли, маку или сѣмени
коноплянаго; а если не постъ такъ вмѣсто маку и сѣмени,—
молоко, масло и яйца.

18. *Гарбузы печеные*; разрѣзать тыкву на двое и печь
просто; подавать съ масломъ.

19. *Гурки* соленые изрѣзываются на тонкіе куски и подаются съ лукомъ тоже изрѣзанными въ ломти, съ квасомъ и съ постнымъ масломъ.

20. *Драги съ свиныхъ ногъ*. Подаются на заговѣнѣхъ передъ масленицею. Очистить свиныя ноги, сварить въ горшкѣ съ солью, растереть часоку въ макотрѣ, смѣшать съ бульономъ, въ которомъ варились ноги, и, смѣшавъ съ ногами, разливъ въ мыски, застудить. Когда застынетъ подавать. Называется «*Ножкове Пущенье.*»

21. *Затирка*. Взять пшеничной муки сколько нужно, замѣсить тѣсто очень круто, срубить его мѣлко, катать кусочки въ рукахъ въ форму шариковъ, а чтобъ ихъ поравнять подсѣвать на рѣшето, класть въ присоленный кипятокъ, когда сварится—подавать съ масломъ.

22. *Зубци*. Обтолченный ячмень сварить прежде въ водѣ, а потомъ два раза вскипятить его въ молокѣ изъ коноплянаго сѣмени.

23. *Индыкъ съ подлевою*. Индѣйку изжарить; подъ нею будетъ сокъ, положить въ этотъ сокъ луку, чтобъ онъ поджарился; поджарить особо муки съ масломъ, разводить это вышесказаннымъ сокомъ, положить туда сметаны и уксусу до вкуса; облить индѣйку и поставить въ печь, чтобъ напиталась и подавать въ соку.

24. *Ковбасы*. Свиное мясо съ саломъ порѣзать въ куски, посыпать солью, перцемъ и набить этимъ кишки свиныя же; опечь въ простой печи, а передъ подачею поджарить. *Кровяныя* дѣлаются такъ: протираютъ кровь сквозь рѣшето, на рѣзываютъ сала мѣлкими кусочками, намачиваютъ пшеничнаго хлѣба въ молокѣ; этотъ хлѣбъ растереть и класть туда сало, кровь, соль, перецъ и яйца съ бѣлкомъ и желткомъ разболтанныя, потомъ наполнить этимъ кишки и варить, а передъ

подачею поджарить. *Печочныйя*—варить свиную печонку съ саломъ; сваривши, толочь ее въ ступкѣ, протирать на рѣшето, еще нарѣзать въ кусочки сало и класть туда съ перцемъ и солью яйца до вкуса, все это набить въ кишку и варить; передъ подачею поджарить.

25. *Кишки*. Набить свиныя кишки пшениною кашею, сдѣланною на мелокѣ, а потомъ жарить въ растопленномъ салѣ; такія же дѣлаются съ гречневыми крупами: обвариваютъ крупы кипяткомъ, кладутъ сало, набиваютъ кишку и потомъ жарятъ въ салѣ

26. *Кендюхъ*, свиной желудокъ. Взявъ грудины, съ сало проросло мясомъ, изрѣзать въ куски, просолить мелко изрубленнымъ лукомъ, солью, перцемъ и начинить кендюхъ, потомъ жарить и подавать холодный или горячій, какъ кто любитъ. Другой сортъ: *Кендюхъ вареный*. Взять сырую голову свиную, сварить, обобратъ мясо отъ костей, срубятъ мелко, положить соли и перцу, начинить этимъ кендюхъ, начинить и варить въ томъ бульонѣ, въ которомъ кипѣла голова; потомъ вынуть и застудить.

27. *Кутья*, подается 24 Декабря, 31 Декабря и 5 Января за ужиномъ. Бываетъ ячменная, пшеничная и рисовая. Обтолочь ячмень или пшеницу и варить въ водѣ. Подается съ молокомъ: коноплянымъ, маковымъ, миндальнымъ или разведеннымъ медомъ, называемымъ *сыта*,—въ сыту набрасываютъ миндаль, грецкіе и простые орѣхи. Противъ 1-го Января подаютъ въ кутѣ и сливки.

28. *Кныши*. Учинить житняго тѣста, замѣсить гречаную мукою; когда подойдетъ, выкатывать на столѣ; лѣпить кныши посредствомъ ложки, обмакиваемой въ растопленное свиное сало. Слѣпивши, сажать въ печь, а потомъ вынувши, снять смазывать свинымъ саломъ.

29. *Култыя*. Смыть крупъ или пшена въ горшкѣ, залить водою и сварить съ постнымъ или коровнымъ масломъ, и съ свинымъ саломъ.

30. *Кисиль*. Взять овсяной муки, положить въ горшокъ, залить теплою водою; положить кислаго тѣста, поставить на огонь чтобъ подошло тѣсто, процѣдить на сито, наложить въ горшокъ, варить, простудить и подавать съ маковымъ, или другимъ молокомъ, или съ медовою сытою.

31. *Коржъ*. Замѣсить прѣснаго пшеничнаго тѣста, раскатать его тонко и посадить въ печку; сомять маку въ макотрѣ съ солью, крошить коржъ въ макъ и подавать. Дѣлаютъ также *коржики*, замѣшивая на гусяномъ жирѣ, и ѣдятъ сухія.

32. *Капуста съ колбасою*. Шаткованая капуста поджаривается въ салѣ и кладутся туда куски колбасы.

33. *Картофель съ саломъ*. Сварить и очистить картофель, изрѣзать въ кружки, жарить въ свиномъ салѣ; нарѣзать свиного сала мелкими кусками, жарить сало съ лукомъ; сбрызнуть съ картофелемъ и присыпать тертымъ пшеничнымъ хлебомъ.

34. *Картофель съ макомъ*. Очистить и сварить картофель въ соленой водѣ; слить воду прочь, тереть въ макотрѣ ачалкою картофель, пересыпать ее толченымъ макомъ, сложить потомъ въ макотру, поставить въ печь, чтобъ зажарился.

35. *Капуста съчана*. Рубить капусту и квасить.

36. *Капуста шаткованая*. Рѣжутъ мелко узкими полосками, солятъ, притрушиваютъ чернушкою и складываютъ въ бочки.

37. *Кулики*. Взять гречанаго тѣста, замѣсить и по-

катать длинными лепешками; сварить въ водѣ съ солью; жарить постнаго масла съ лукомъ, положить въ макотру или мыску лепешки, облить масломъ съ лукомъ и, перемѣшавъ, подавать.

38. *Крашанки*. Варенныя круто яйца подаются на Свѣтлый Праздникъ окрашенными въ красную краску — сандаломъ съ квасцами.

39. *Каша* бываетъ пшениная, гречневая, овсяная, ячная, и пр. и пр.—Общее кушанье для русскихъ, извѣстное каждому.

40. *Кваша*. Взять ржаной муки, гречишной и солоду, положить въ кадуюшку, размѣшать полуквиаченою водою, дать полчаса или часъ посолодаты; вскипятить сильно другую воду и разводить до вкуса, чтобъ была жидкая или густая, кто какъ любить; поставить на печку въ теплое мѣсто, чтобъ прива-ла кислоту; тогда варить съ горшкѣ и, вскипятивши, подавать.

41. *Коровай*—свадебный хлѣбъ. Дѣлается какъ обыкновенная булка, но размѣръ большой; потомъ накладываются, вымятые изъ того-же тѣста и спеченные такъ-же какъ и хлѣбъ, шишечки, голуби, вензеля и пр. Знамениты короваи лубенскіе.

42. *Лемиска*. Поджарить ситной или гречневой муки, поджаривъ, развести соленымъ кипяткомъ; сложить въ горшокъ, поставить въ печь на одинъ часъ; подавать до коровьяго масла или до поджареннаго постнаго съ лукомъ.

43. *Лемиска съ коноплянымъ съменемъ*. Сдѣлавши лемиску какъ обыкновенно, столочь сѣмя, и катать въ сѣмени лепешками, складывать въ макотру, ставить въ печь, чтобъ зажарилась.

44. *Лободянка*. Взять молодой лободы, изкрошить и перемыть въ холодной водѣ, поставить вариться; какъ будетъ

готова, положить пшена, толченого свиного сала и ставить варить опять, чтобъ загустѣла какъ каша.

45. *Локшына*. Замѣсить пшеничнаго тѣста на яйцахъ, разкатать въ тонкій пластъ, изрѣзать узкими полосами и сварить въ водѣ съ масломъ или въ молокѣ.

46. *Макуха*. Вжимки маковыя, или конопляныя, остающіяся отъ масла и молока, также изъ тыквенныхъ сѣменъ.

47. *Медовый шулыкъ*, тоже что и борзь, только на меду сдѣланный.

48. *Оселодци*—Крымскіе и Донскіе сельди мѣлкія и крупныя сильно соленыя; очищаютъ ихъ, изрѣзываютъ и ѣдятъ съ уксусомъ и перцомъ.

49. *Пашкеты въ кахляхъ*. Кахли—это печные изразцы; за неимѣніемъ паштетныхъ формъ, зажиточные крестьяне готовятъ это блюдо въ кахляхъ. Замѣшиваютъ пшеничное тѣсто съ масломъ и съ молокомъ; обкладываютъ этимъ тѣстомъ кахлю, вымазавши ее прежде масломъ, кладутъ гусинныя почки, печонки, кусочки мяса, заливаютъ толченою печонкою, закрываютъ его краями того-же тѣста, ставятъ въ печку пектись,—пока будетъ готово.

50. *Путря*. Варить ячменную кутью; выложить ее въ нѣчовки, обсыпать житнымъ солодомъ, перемѣшать хорошенько, сложить въ кадушку, налить сладкимъ квасомъ, поставить въ теплое мѣсто на сутки.

51. *Пелюстки*. Взять качанъ капусты, отварить, раскрыть листки и начинить мяснымъ фаршемъ, сложить опять листки и сварить въ водѣ. Вынувъ изъ воды на мыску, облить коровьимъ масломъ.

52. *Пелюстки соленыя*. Разрѣзать качанъ капусты на четверо, посолить и сложить въ щаткованную капусту. Вынимая оттуда, подавать.

53. *Печерыци*. Это шампиньоны; жарятъ ихъ на сковородѣ, какъ обыкновенно то дѣлается съ грибами.

54. *Паляницы*; см. кныши. Все различіе въ формѣ: паляницы—плоски.

55. *Палянычки изъ овечьяго сыру*. Взять овечьяго молока, *заглягать* его, когда станетъ творогомъ помѣшать, чтобы лучше становился, откинуть его въ холстяную торбочку, чтобы сыворотка стекла, и дать такъ повысѣть часа три; катать въ величину, какую угодно, палянычки, сажать на желѣзный листъ, и ставить въ горячую печку на полчаса; вынуть, дать остыть; а при подачѣ поджаривать до красна на сковородѣ въ маслѣ.

«Заглягать» значитъ взять изъ маленькаго ягненка, который не ѣлъ еще травы, т. е., изъ сосуна, пузырь, изъ котораго дѣлають рубцы, что называется въ Малороссіи *глань*, *глагоушки*, положить его съ вечера на завтра въ сыровцѣ, а другой день въ ведро парнаго овечьяго молока влить три ложки этого сыровцу, глагоушку-же оставить въ сыровцѣ. Молоко превратится въ прѣсный сыръ. Это значитъ *гланый сыр*.

Пундыкъ. Взять пшеничнаго кислаго тѣста, покатыть коржиками, поджарить луку съ олѣю, пережидывать на каждый коржикъ этого луку, а на лукъ коржикъ сложить въ 15 или 20, поставить въ печь, когда готовъ—вынуть, смазать масломъ и подавать.

57. *Пундыкъ скоромный*. Срѣзать ланни пшеничной, отварить ее на молокѣ или на водѣ, положить масла, ланецъ, сложить это въ каменную макотру, поставить въ печь; когда будетъ готовъ—подавать съ масломъ.

Точъ въ точъ жидовый притотовляють такъ свой *гучель*.

58. *Поробрима*. Поджарить съ лукомъ покромшенную поробрину, налить буряковымъ квасомъ, варить и когда готова бу-

деть—подавать. Другой сорт—поджарить съ лугомъ и канустою и подавать жареную.

59. *Пряженя*. Набить яицъ въ чашку, разбоатать, положить пшеничной муки, развестъ молокомъ, жарить на сковородѣ, мѣшая ложкою.— Другое: яичница обыкновенная съ кусками свиного сала.— Третье: такая-же съ колбасою.

60. *Полотки*. Вынуть изъ гуся грудь, посолить солью. Возьмемъ пропорцію десять полотковъ: нужно фунтъ соли, лоть мѣлкаго перцу, лоть селитры, лоть лавроваго листа, 4 лота толченаго можжевельника; всѣ эти припасы смѣшать, обсыпать полотки, сложить въ кадку, нагнѣтуть плотно; поставить на 12 дней; вынуть, обернуть бумагою, повѣсить въ дымъ на 8 сутокъ, чтобъ дымъ все это время курился; потомъ вывѣсить въ сухомъ мѣстѣ, на сквозномъ вѣтрѣ, на сушки, чтобъ обдуло дымъ.

61. *Перепичка*. Когда готово тѣсто для обыкновеннаго хлѣба, то взять этого тѣста, расплескать его на столѣ, положить сала или масла на сковороду, подогрѣть и положить туда расплесканое тѣсто; потомъ печь съ четверть часа; должна быть горячею подана на завтракъ.

62. *Плескана*. Сдѣлать гречишную лемѣшку; потомъ истолочь и просѣять коноплянаго сѣмя на решито, катать съ этимъ семенемъ лемѣшку, давая форму цылинчекъ и обтаптывая крѣпко, складывать въ макотру; потомъ оставить въ печь, чтобъ поджарились.

63. *Потрухи въ юшки*. Гусиные ланни, крылья, печонки, почки, пушки сложить въ кострюль и варить; когда вскипитъ два раза, очистить, положить луку и крупныхъ ячныхъ крупъ, потомъ подавать.

64. *Пасха*. Хлѣбъ кислый и сладкій, подающійся только на Свѣтлый Праздникъ. Сладкая пасха: взять кварту молока,

вскипятить, положить фунтъ муки крупчатой въ каменную чашку и разводить вскипяченнымъ молокомъ, положить $\frac{1}{4}$ фунта сахару, дать остыть, но не совсемъ холодно, а чтобъ только можно было класть дрожжу; положить столовую винную рюмку дрожжей и поставить, чтобъ подходило; когда будетъ готова процѣдить сквозь сито—это будетъ опара. Отбить яч-ныхъ желтковъ, безъ бѣлковъ, въ кадучку 50, положить мѣлко столченаго сахару $1\frac{1}{2}$ фунта, тереть желтки съ сахаромъ, въ макотрѣ цѣлый часъ, чтобъ хорошо размѣшались, положить муки пшеничной 2 фунта и два столовыхъ стакана (въ $\frac{1}{4}$ кварты) опары; бить тѣсто три часа, а если нужно то и долѣе; по-ставить въ теплое мѣсто чтобъ подошло; когда подойдет—мѣсить на столѣ, положивши $\frac{1}{8}$ фунта сливочнаго масла, и мѣсить долго; положить въ формы сдѣланныя изъ бумаги и вымазанныя масломъ, и поставить въ печь не холодную и не жаркую, а главное просторную и высокую. Неимѣющіе сахару кладутъ медъ, и это называется паскою медовою. Паска кислая дѣлается также; только не кладутъ ни сахару, ни меду.

65. *Редька* изрѣзывается въ тонкія ломти, просоливается, подается прилитая самымъ лучшимъ коноплянымъ масломъ.

66. *Рубцы*. Берутся изъ барана рубцы, очищаются, вымываются чистою водою; ставятъ ихъ варить и когда будутъ готовы, вбросить въ холодную воду. Между тѣмъ положить въ кастрюлю масла, крупчатой муки и поджарить, развести говяжимъ бульономъ, поставить кипѣть, вынуть рубцы изъ холодной воды, искрошить на подобіе лапши, и вложить въ соусъ, прибавить перцу, коровьяго масла и петрушки зелени, кто любитъ ее, кипятить въ соусѣ и, положивъ въ соусъ, въ которомъ подаваться будетъ на столъ, поставить еще на полчаса въ печку, присыпавъ тертымъ хлѣбомъ. Готовить такъ-же и юшку, приготовивъ сперва рубцы, какъ выше ска-

зано; еще бараньи кишечки набивают кашею и прибавляют къ рубцамъ.

67. *Сластіоны*. Ставятъ сперва пшеничнаго тѣста, даютъ подойти; когда тѣсто готово — помочить руку водою, взять тѣсто въ руку, щипать его кусками, и бросать на сковороду въ масло скоромное или постное, гдѣ и жарить до красна.

68. *Стовци*. Сдѣлать жидкое, грешное, кислое тѣсто; заставить его подойти; повмазывать кухлыки постнымъ масломъ, поналивать ихъ тѣстомъ и поставать въ печь, чтобъ пеклось. Бѣтъ съ постнымъ масломъ. *Кухлыкъ* есть стаканчикъ глиняный съ полудою, имѣющій дно уже краевъ.

69. *Смалець*. Гусиный жиръ, употребляющійся въ приправахъ, соусахъ, коржахъ и пр.

70. *Соломаха*. Взять гречишнаго прѣснаго тѣста, разболтать довольно жидко; вскипятить воды въ горшкѣ, посолить ее, запустить тѣсто въ воду во время кипѣнія; еще вскипятить, помѣшивая и положить масла постнаго или коровьяго.

71. *Сало свиное*: Откормленную превосходно, и самое лучшее, хлѣбомъ, свинью заколоть въ грудь подъ правую лопатку ножомъ костоломомъ; осмалить осторожно, чтобъ кожа не потрескалась; для чего поливаютъ свинью водою, накладываютъ на нее солому и зажигаютъ, что повторяется нѣсколько разъ съ тѣми же предосторожностями; тогда обдать ее водою холодною, прикрыть соломою, она вспотѣетъ, отпарится, пригаръ отъ кожи отстанетъ; потомъ оскоблить кожу, она сдѣлается чиста и совершенно бѣла. Опять обмыть чистою водою, перевернуть брюхомъ вверхъ и выпотрошить. Снять сало полосами, каждая полоса должна имѣть 3 вершка ширины, въ длину всей свиньи; порѣзать эти полосы квадратными кусками въ 3 вершка длины или даже 4. Взять внутренность этой свиньи,

называемую *здорь*, обтирать куски сала солью (*), засыпать ихъ ею и складывать въ *здорь*; наполнивши *здорь* туго, зашить его ниткою, обвязать навкрестъ крѣпко тремя соломенными крутями, поставить въ корыто на сутки, а потомъ повѣсить на вѣтрѣ или въ сараѣ, только не въ сыромъ мѣстѣ; чрезъ мѣсяць оно готово. Тогда это сало употребляется въ борщѣ, въ юшкѣ, въ жареномъ картофелѣ, въ колбасахъ и пр. Подается кусками на завтракъ безъ всякаго приготовления; также нарѣзывается со споду до кожи четверугольными въ $\frac{1}{2}$ вершка квадратами, не трогая только кожи, зажаривается на сковородѣ и подается; это называется у насъ «смажене сало».

72. *Свиньяча голова до хрину*. Очистить, вымыть и поставить вариться свиную голову; натереть хрѣну, жарить хрѣнъ съ масломъ, положить туда муки, развести небольшо бульономъ, положить сметаны и вскипятить съ небольшимъ количествомъ соли; вынуть голову, отдѣлать отъ нея нижнюю челюсть, облить хрѣновымъ соусомъ и подавать.

73. *Свиньяча печинка съ часныкомъ*. Отварить печенку, срѣзать свареную въ длинные тонкіе куски, стереть часноку съ свинымъ саломъ; облить этимъ печенку, сложить ее прежде на сковороду. Присыпавши тертымъ пшеничнымъ хлѣбомъ, поставить въ печь, чтобъ зажарилась.

74. *Сальныкъ*. Столочь печенку свиную, заварить гречневую кашу, смѣшать ее съ печенкою; положить перцу и соли; влить туда топленого свиного сала; обложить костромъ внутреннимъ саломъ, т. е. чепцомъ; положить туда печенку съ кашею; закрыть внутреннимъ саломъ, поставить въ печь; когда изжарится—подавать.

75. *Силь крымка и силь бахмутка*. Первая соль предпочитается второй.

(*) На пудъ сала нужно 7 фунтовъ соли.

76. *Сыръ гляннй* готовится коровьи и овечй, какъ выше сказано. См. палянычки изъ овечьяго сыру.

77. *Тарань* отвариваютъ въ водѣ, вынимаютъ на блюдо и подаютъ съ сырымъ изрѣзаннымъ лукомъ и уксусомъ.

78. *Тарань съ медомъ*. Сварить тарань въ водѣ, очистить, изрѣзать въ куски, обвалить въ муку, положить на сковороду, облить медомъ и поджарить.

79. *Таратута*. Взять свѣжихъ буряковъ, очистить, изрѣзать въ кружки и варить; когда сварятся—вынуть въ каменную чашку, изкрошить соленыхъ огурцовъ въ кружки, смѣшать съ хрѣномъ, лукомъ и постнымъ масломъ; потомъ налить все это въ огуречный росоль, смѣшанный полъ наполю съ буряковымъ отваромъ и поставить въ холодное мѣсто на сутки, а чрезъ сутки подавать.

80. *Тетеря*. Взять гречишнаго тѣста, разболтать какъ для блиновъ, вымыть пшена равное количество съ мукою, варить въ горшкѣ, посолить и положить масла постнаго или скоромнаго, наконецъ все это вмѣстѣ вскипятить.

81. *Товченыки*. Взять щуку, жарася или какой другой рыбы свѣжей или просоленной, изкрошить рыбное мясо ножомъ отобравъ кости, толочь въ деревяной ступкѣ, положить муки, соли, перцу и постнаго масла и бросать въ воду—кипятокъ; вынувъ изъ кипятка облить постнымъ масломъ и лукомъ жаренымъ.

82. *Товченыки скоромные*: тоже приготовленіе; но вмѣсто рыбы—мясо, а вмѣсто масла постнаго—скоромное.

83. *Узваръ* подается вечеромъ: 24 Декабря, 31 Декабря и 5 Января. Взять сухихъ грушъ, яблокъ, вишень, сливъ, изюму, винныхъ ягодъ и рожковъ; обмыть и налить кипяченою водою; накрыть крышкою, поставить въ печь до утра; по утру

вынуть изъ печи, налить меду, и поставить въ холодное мѣсто, а вечеромъ подавать.

84. *Хринъ съ квасомъ*. Натереть хрѣну, разтереть его съ солью и постнымъ масломъ, развести буряковымъ квасомъ, и ѣсть съ хлѣбомъ. Это блюдо подаютъ въ понедѣльникъ 1-й недѣли великаго поста. Называется: «Заправляться хриномъ.»

85. *Хомы съ коноплянымъ стѣменемъ*. Взять хорошаго чистаго гороху, сварить съ солью, растереть въ магорѣ, положить толченаго и просѣянаго на рѣшето коноплянаго стѣмени, смѣшать хорошенько съ горохомъ, покатавъ какъ большія пампушки, сложить въ мыску и поставить минутъ на десять въ печь; ѣсть горячіе.

86. *Чяхонъ и*

87. *Чабакъ*. См. тарань. Приготавливается одинаково.

88. *Червячки*. Сварить гречневую кашу густо, протереть ее на мочалочное рѣшето, она станетъ червячками; намочить въ горячей водѣ маку, разтереть качалкой въ магорѣ, разведши холодной водой; процѣдить на сито и подавать этотъ манъ къ червячкамъ.

89. *Шпудра съ буряками*. Взять свиной грудины, поджарить съ лукомъ на сковородѣ, положить муки, ваить буряковымъ квасомъ, нарѣзать въ видѣ шпека буряковъ ваить съ грудиною, сложить въ горшокъ и сварить.

и 90. *Юшка*. Это супъ; дѣлается съ картофелемъ, съ фасолью, съ постернакомъ, какъ обыкновенный супъ, съ масломъ или съ постнымъ масломъ.

2.) ПРОСТОНАРОДНЫЙ, МАЛОРОССИЙСКИЙ

ДЕССЕРТЪ.

Онъ состоитъ какъ обыкновенно изъ сырыхъ и изъ запроста приготовленныхъ фруктовъ; фрукты эти: груши, яблоки, вишни, черешни, сливы, крыжовникъ, смородина, земляника, полуницы, сунцы, ежевика, дыни, кавуны, теръ, бузиновые ягоды, калина, малина.

Лакомства не сладкія: пасліонъ, козельцы, маковки водяныя, макъ обыкновенный, сѣмяна подсолнечныя и тыквяныя, орѣхи лѣсные.

Лакомства покупныя: пряники, медовые орѣхи, рожки.

Изъ фруктовъ дѣлаются кисели:

Бузиновый кисель. Взять ягоду, начистить безъ корешковъ, высыпать въ ночовки и перетереть въ ночовкахъ съ мукою ржаной, сложить въ горшокъ полно, налить кипячею водою, можно класть и не класть туда свѣжія груши съ дерева, варить его часа полтора, а потомъ засунуть въ печь часа на полтора, чтобъ упрѣлъ. Бѣсть его можно съ медомъ и безъ меду.

Грушовый,

Яблочный,

Сливной,

Вишневый,

Земляничный, и

Ежевичный кисели дѣлаются одинаково; сварить фрукты, протереть на мочалочное рѣшето, положить въ этотъ мар-

меладъ муки пшеничной или картофельной, развести отваромъ, въ которомъ кипѣлъ фруктъ, и поставить, мѣшая лопаткой, пока вскипитъ.

Калиновый кисиль дѣлается, какъ и бузиновый, только обваливается мукою пшеничною; косточекъ не вынимать.

Калыныкъ; т. е., хлѣбъ съ калиною. Взять тѣста, которое готовится на простой хлѣбъ, начистить калины, и смѣсить съ тѣстомъ чтобъ ягодъ больше было нежели тѣста; потомъ скатать, давъ форму хлѣба, поставить на печь, чтобъ подошелъ; сажать въ горячую печь, какъ хлѣбъ.

Сверхъ того сушатъ просто а иногда въ меду всѣ эти фрукты; тогда ихъ употребляютъ сухими или въ зварахъ.

Вареники съ сухими грушами. Столочь въ ступкѣ сухихъ грушъ, размѣшать съ медомъ; лѣпить вареники какъ обыкновенно. *См. Вареники.*

Всѣ же эти фрукты и ягоды варятся въ меду какъ варенья; см. *Павыдо*. Всѣ медовыя варенья называются павыдами.

Пасмонъ.

Изъ него ѣдятъ ягоды.

Козельцы.

Изъ него ѣдятъ стебли.

Водяныя маковки.

Изъ нихъ—кашку цвѣтка.

Макъ,

когда созрѣетъ, то вытрушиваютъ головку и—прямо въ ротъ.

Съмена тыквенныя и подсолнечныя.

Это любимое дѣвичье занятіе, сидѣть и «лузать» симечко.

Пряники: имѣютъ множество формъ: пѣтушками, двуглавыми орлами, кониками съ позолотою и безъ позолоты, и пр.

Вскипятить медъ безъ очистки шуму, положить пшеничной муки въ деревяныя пчовки, размѣшать муку съ медомъ

на 10 фунт. муки нужно 5 ф. меду. Поставить въ печь на ночь, накрывши чистымъ полотенцемъ; вынуть изъ печи и замѣсить; опять поставить въ печь; когда сдѣлается горячимъ, вынуть на столъ и тереть въ рукахъ на столѣ покуда простынетъ; тогда положить 4 лота поташу; съ поташемъ перетереть такъ чтобъ сдѣлался рыхлымъ какъ губка; давать форму, выпечатывать печати, класть на желѣзный съ ножками листъ, и ставить въ посредственно теплую печь.—Это пряники городскіе.

Вскипятивъ медъ безъ очистки шуму, положить муки ржаной 10 ф. на 5 меду, размѣшать въ ночвахъ и бить горячее тѣсто въ рукахъ, пока побѣлѣетъ и сдѣлается мягкимъ; тогда сложить на столъ, насадить ядрами простыхъ орѣховъ. Потомъ дать формы лепешекъ, сосулокъ, квадратовъ и пр., не накладывая печатей; ибо орѣхи тому помѣшаютъ. Ставить въ печь на желѣзномъ листѣ на $\frac{1}{4}$ часа; они будутъ за это время готовы.—Это пряники деревенскіе.

Медовые орѣхи. Изъ городского пряничнаго тѣста нарѣзать въ кубики величиною съ орѣхъ и засушивать, чтобъ были крѣпко сухи.

Постилы:

Яблочная. Взять 50 пухыковъ, спечь ихъ, протереть на сито, и положить этотъ мармеладъ въ деревяную кадочку; тереть его долго, положить $1\frac{1}{2}$ фунта меду и продолжать тереть; когда начнетъ пѣниться; тогда, збивши 8 штукъ яичныхъ бѣлковъ, положить ихъ туда-же и бить ихъ 5 часовъ; все это превратится въ пѣну; тогда накладывать на тарѣлки и ставить на ночь въ ту печь, которая топилась по утру. Вынувъ ихъ изъ тарелокъ деревяннымъ ножемъ, верхъ ихъ будетъ ровный, а сподка отъ съемки ножемъ будетъ неровна. Эту сподку намазывать мармеладомъ такимъ какъ и вчера, но вновь сдѣланнымъ; потомъ

клясть въ печь на деревянныхъ лѣстничкахъ, на полотенцахъ, вверхъ новымъ мармеладомъ, опять до утра.

Постная медовая бываетъ безъ яицъ.

Сахарная, вмѣсто меду—сахаръ а яйца нужно клясть; впрочемъ дѣлается какъ первая.

Сливная сырая, смечь столько штукъ сливъ, чтобъ протерши на рѣшетѣ составилось 2 фунта мармеладу; сварить 2 фунта меду или 2 фунта сахару, распустивъ его въ очень небольшомъ количествѣ воды, чтобъ сыропъ былъ очень густъ. Клясть туда мармеладъ и мѣшать на огнѣ; когда онъ ставенъ тянуться за лопатой, значить готовъ. Смочить блюдо водою и выложить; кагда застынетъ—ѣсть. Но его долго нельзя держать: можно дней до семи, до десяти.

Такимъ образомъ дѣлаются изъ всѣхъ фруктовъ.

Употребляются въ десертъ вмѣсто лимону фрукты въ подъ наливкоу и изъ варенухи.

Маковники. Варятъ медъ; снимаютъ пѣну; кладутъ маю и варятъ покуда сдѣлается густъ и крѣпокъ; смачиваютъ водою столъ, выливаютъ это на столъ, и когда застынетъ рѣжутъ на тонкіе четвероугольные куски; иногда вкладываютъ въ медъ маю, вкладываютъ орѣхи лѣсные.

Орѣхи смазаны. Насыпаютъ орѣхи въ горячую маю, вынувъ оттуда вкладываютъ въ холодную воду, и когда остынутъ, вынимаютъ.

Павыдо; бываетъ яблочное, грушовое, вишневое, бузиновое и вообще изъ ягодъ. Поставить на 1 фунтъ ягодъ 2 фунта меду, а если кислы ягоды очень, какъ напримѣръ ежевика, то и 2½ фунта; переварить медъ, очистить отъ шumu, клясть ягоды, варить пока сгустѣетъ; чѣмъ болѣе варить тѣмъ лучше, лишь бы не превратилось въ леденецъ. А если будетъ маю варено, то заиграетъ и скиснетъ.

Сцильньки—Медъ въ сотахъ; необходимое блюдо, которое въ церквѣ освящаютъ 6 Августа и подаютъ съ яблоками, грушами тогда-же святыми и освященными.

Шмшечки. Замѣсить пшеничнаго тѣста на однихъ яйцахъ; покатать червячками, срѣзать мелко сухариками, жарить въ коровьемъ маслѣ, откинуть на сито, чтобъ стекло масло прочь; переварить меду безъ шума, и класть сухарики въ медъ; потомъ въ меду варить до пропорціи; вынувъ, оставлять изъ *нисъ шмшечки въ водѣ еловыхъ*, пока они теплы, для чего имѣть воду холодную для смочки рукъ; потомъ когда простынутъ и затвердѣютъ подавать.

и 3.) НАПИТКИ.

Ихъ должно раздѣлять на слѣдующіе разряды:

1. *Не имьющіе спиртуозности*: сыровецъ, квасы, березовый сокъ, кленовый сокъ.

2. *Имьющіе спиртуозность*: брага, медъ, пиво и наливки, а именно: вишневка, сливянка, терновка, дулипка, рябиновка.

3. *Спиртовые или водки*: пинна; третепробна, перегонна. Если они не хороши—ихъ зовутъ въ наемъшку сыбуха, мокруха, чыкмыдыха. Настойки: калганывка, ганусывка, шапранывка, бодянывка, перчикывка, кусака.

4. *Приготовленные на огнѣ*: варенуха, запикавка.

Сыровецъ. Взять изъ ржаныхъ отрубей прѣснаго тѣста, высушить. Вынувъ изъ печки, поломать въ куски и положить въ кадку: налить это кипяткомъ, такъ чтобъ поняло только хлѣбъ; дать часовъ 6 солодать; размѣшать весломъ, положить кислаго тѣста изъ дѣжи откуда хлѣбы пекутъ; оставить играть и закисать сутки. Тогда развестъ холодной водой, какъ остытса—пить.

Квасы дѣлаются изъ лѣсныхъ грушъ и яблокъ; груша печь, а яблоки оставлять сырыми; класть въ бочки съ водою, груши особенно отъ яблокъ. Квасы будутъ готовы: груши чрезъ два мѣсяца, а яблоки черезъ три; бочки должны стоять въ погребу.

Березовый сокъ дѣлается въ Апрѣлѣ; просверливается дырка въ березѣ глубины два вершка; вкладывается туда дудка изъ бузины; подъ дудку ставятъ ведро. Когда сберется бочка, тогда класть въ сокъ вошины, поджаренный горохъ или горячій ржаной хлѣбъ, ставить въ анбарѣ; чрезъ полторы недѣли можно пить.

Кленовый сокъ дѣлается также, но въ мартѣ.

Бриа изъ прѣснаго солода. Взять этаго солоду запарить густо нипяткомъ; дать нѣсколько часовъ, примѣрно 8, солодать. Развести холодною водою и процѣдигъ на сито; слить въ боченки, поставить въ холодное мѣсто на сутки.

Медъ дѣлается какъ и въ Россіи.

Пиво—тоже.—И то и другое любимые напитки малороссіянъ; пивоварни въ малороссіи издавна составляли богатство владѣльцевъ, и называются—*броварни*.

Наливки всѣ одинаково дѣлаются; а именно: накладываеца сороковая бочка какими нибудь фруктами особенно: вишнями, сливами, терновками, рябиной, грушами или яблоками. По этому она называется вишневкой, сливнявкой и пр., ягодъ должно бы на 30 ведеръ, а на десять ведеръ пустоты; тогда налить всю эту бочку сполна хорошею 20—26 градусовъ водкою. Чрезъ 1½ мѣсяца будетъ готова. Сливы предпочитаютъ лубенскія и опошлянскія.

Мусульск. Сточить какую нибудь наливку, насытить меду, взять на ведро воды 5 фунтовъ меду и налить тѣ ягоды, съ которыхъ слита наливка; количество этой жидкости само себя

покажетъ. Недѣли чрезъ двѣ мусулесъ будетъ готовъ. Когда сыта наливается она должна быть тепла.

Настойки дѣлаются просто: въ 20—градусную горѣлку кладутъ калганъ, анисъ и пр. Настойка по спеціи получаетъ имя. Чтобъ скорѣй настоялась ставить въ горячую печь.

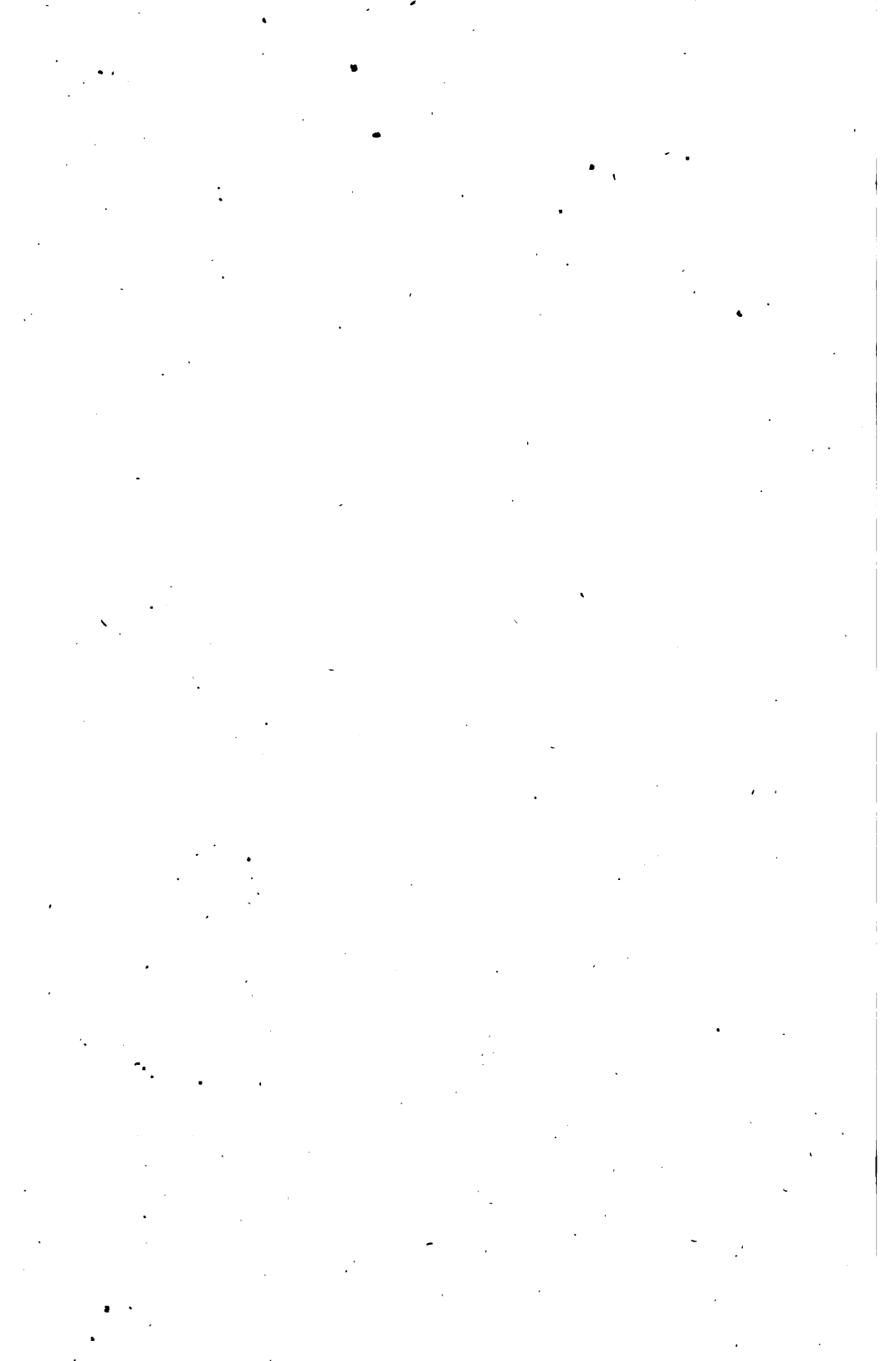
Кусака настаивается перцемъ, имбиремъ, кордамономъ и другими спеціями, но главная пропорція — перцу.

Дѣлаютъ настойку на молодомъ березовомъ листѣ — эту считаютъ полезною для желудка; называется *Березовка*.

Запиканка. Инбирь, перецъ стручковый, корица, гвоздика, мушкатъ, курдамонъ, лимонная корка, всего этаго вмѣстѣ 4 фунта на ведро 20—градусной горѣлки, все это вливается въ большой горшокъ, который закрывается хлѣбною коркою, обмазывается прѣснымъ тѣстомъ такъ, чтобъ воздухъ не проходилъ; ставится въ горячую печь на 12 часовъ; чтобъ не сорвало крышки накладывается кирпичъ на хлѣбную корку. Вынувъ изъ печки, дать совершенно остынуть, тогда откупорить и слить жидкость въ штофъ.

Варенуха. Всѣ припасы тѣ, что для узвару; см. узваръ; налить ихъ горѣлкой, положить меду по своему вкусу, и немножко стручковаго перцу. Закупорить горшокъ, какъ при запеканкѣ и поставить на 12 часовъ въ горячую печь. Вынувъ употреблять. Горячая вкуснѣе; а потомъ и фрукты ѣдятъ.

К о н е ц ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Праздничные обряды и повѣрья.

Стран.

1. Новый Годъ	1
2. Масляница	1 — 2
3. Великій Постъ	2 — 4
4. Пасха	5
5. День Св. Великомуч. Георгія	6
6. Пятидесятница	7 — 9
7. Петровъ Постъ	9 — 15
8. Съ 29 Іюня по 6 Августа	15 — 17
9. Съ 6 Августа по 23 Ноября	17 — 20
10. Галавья	20 — 22
11. Калядки	22 — 27
12. Вертецъ	27 — 65
13. Щедривки	65 — 66

II. Весна.

1. Весвявки	66 — 70
2. Игры	70 — 77

III. Повѣрья и Суевѣрья отдѣльныя

IV. Знахорская ботаника

V. Болѣзни особеннаго рода и лѣченья ихъ

VI. Примѣты по животнымъ

VII. Лѣченья

VIII. Свадьбы.

Обрядъ 1-й	97 — 100
Обряды 2-й и 3-й	100 — 101
Обрядъ 4-й	101 — 104
Обрядъ 5-й. Вильця	104 — 107
Обрядъ 6-й	107 — 114
Обрядъ 7-й. Воскресенье	114 — 142
Понедѣльникъ и Вторникъ	142 — 150

IX. Простонародная кухня, десертъ и напитки.

1. Кухня	150 — 165
2. Десертъ	165 — 170
и 3. Напитки	170 — 173

Собр. 14. 2. 1. 1. 1.

**ОБЪЕДАН,
П О В Ъ Р Ь Я,
КУХНИ И ПЯИТКИ МАЛОРОССІЯНЪ.**

ПЕРВОЕ ДѢЛЪ ПЯИТНИЦА ПАСОБНОГО ПЯИТЪ
И СОСТАВЛЕНА

Д. Сидорова Марчевникова.

Издана в. 1800.

И Т Е В Ъ,

Въ типографіи П. С. Л. Давыдова.
1800.